

И. П. Сергеев

Ненаучное наследие

И. П. Сергеев

Ненаучное наследие

ХАРЬКОВ
«Майдан»
2020

УДК 82-94
С 32

*Художественное оформление
В. Носаня*

Сергеев И. П.
С 32   Ненаучное наследие / И. П. Сергеев. Харьков:
Майдан, 2020. 166 с.
ISBN 978-966-372-699-1.

УДК 82-94

Я памятник не только себе

Пролог

На историческом факультете Харьковского национального университета имени В. Н. Каразина, на котором я учился пять лет и работаю уже 40, среди преподавателей, достигших преклонного возраста, установилась традиция оставлять память о себе в виде публикации материалов мемуарного характера. Мои бывшие учителя и старшие коллеги И. К. Рыбалка, В. И. Кадеев, Е. П. Пугач сочли важным для себя и грядущих поколений историков оставить в своих воспоминаниях информацию о тех событиях, свидетелями и участниками которых они были. В отличие от них я не занимал высоких административных и партийных постов (не был членом обкома компартии, проректором университета или деканом факультета), однако претендую на то, что предлагаемые читателю материалы являются не только занимательным чтивом, но и историческим источником, содержащим информацию не только обо мне, но и о моих сокурсниках, об историческом факультете Харьковского университета, о самом этом университете, о городе Харькове и о стране, в которой я жил, в последние десятилетия XX и в начале XXI вв. То, что сведено в этом сборнике материалов, по частям было записано мной в разные годы сразу и вскоре после описываемых событий. Так что это аутентичный источник, восприятие описываемых событий и окружавшей меня действительности «по свежей памяти», а не спустя годы, когда многие мелочи уже подзабыты и воспроизводятся

с известным искажением. Мне пришлось вести речь не только о себе, но и о тех людях, которые окружали меня в описываемое время. Многие из них уже скончались и не могут на меня обижаться за то, что я упоминаю их, не получив на это их согласие. Большинство тех, кто еще находится среди нас, не возражали против того, чтобы их имена были мною названы. Я старался не оценивать слова и поступки окружавших меня людей, а только сообщать те факты, которые тогда казались мне важными. Поскольку не все, о чем идет речь в данной публикации, может быть понято современным читателем, в сносках я привожу уточняющую и пояснительную информацию.

Историк – 73¹

(из дневника Ивана Павловича²)

*Светлой памяти
ушедших от нас
сокурсников*

В качестве предисловия

Писать дневник я начал после стройотряда в с. Мартовой Чугуевского (ныне Печенежского) района Харьковской области. Те, кто в стройотряд не ездил, были отправлены в колхоз; занятий в сентябре 1970 г. не было. Я весь месяц жил у родителей и от нечего делать решил вести дневник. Естественно, что ежедневные записи появились только с сентября. О нашем обучении на 1–2 курсах я тоже написал. Но это был общий очерк, без точной датировки событий. Позже такие же очерки я написал о стройотряде в районе г. Нижневартовска Тюменской области после

---

¹ Диплом об окончании исторического факультета Харьковского государственного университета имени М. Горького (ныне – национального имени В. Н. Каразина) я и мои сокурсники получили в 1973 г.

² Уже на первом курсе обучения в университете за мной закрепилась эта кличка. Возникла она вследствие того, что мои сокурсницы обращались ко мне не по имени, а по фамилии. Я же в таких случаях добавлял к фамилии имя и отчество, намекая, что у меня есть и имя, но они трактовали это как претензию на то, чтобы меня называли именно по имени и отчеству. В дальнейшем такого рода клички закрепились еще за двумя моими сокурсниками: самого возрастного из нас Селиванова называли Петром Ивановичем, а Головневу (не понятно, почему) – Талиной Борисовной. К остальным мы обращались в основном по фамилии, редко к кому – по имени.

обучения на 3-м курсе, о военных лагерях в г. Лубнах Полтавской области после окончания 4-го курса. Ежедневные же записи я делал во время обучения на 3–5 курсах. Однако к началу 5-го курса я уже «оторвался от коллектива» в связи с женитьбой. Поэтому в записях, касавшихся времени пребывания на 5-м курсе, материала о моих сокурсниках очень мало и выписки из них я здесь не привожу.

То, что получилось здесь, конечно же, не сплошное изложение событий нашей жизни на 3–4 курсах. Это – сборник этюдов, датированное изложение некоторых событий, в которых участвовали, кроме меня, наши однокурсники. Понятно, что я больше общался с представителями мужской части нашего курса, а с ними – в разной степени тесно.

В этот сборник этюдов я постарался включить описание лишь тех событий, участникам которых не было бы стыдно о них читать. Если же я представил кого-то не в лучшем виде, прошу у них прощения – такими вы мне виделись тогда.

Тетради с дневниковыми записями я вполне мог утратить. За прошедшие 30 с лишним лет мне не раз приходилось менять жилье и при переездах я вполне мог их выбросить. До составления этого сборника я свой дневник не перечитывал. В процессе нынешнего чтения превалирующим чувством моим была грусть. Как давно это было. ... Как быстро прошли эти годы. ... Как молоды мы были. ...

Как молоды мы были

III курс

1970 год

23.09.70 г. (среда)

Решил съездить в университет, чтобы узнать, когда у нас начнутся занятия. В деканате Лидия Федоровна³ сказала, что ей об этом ничего не известно. Предложила приехать 1 октября или позвонить в деканат в конце сентября. Я поднялся в библиотеку узнать, не сдали ли за меня 2-й том учебника по истории средних веков (я его отдал весной кому-то из наших, но мне его не вернули). На абонементе в качестве библиотекаря сидела Надя Кучер. Юра Гаврилюк со Станкевичем⁴ искали какую-то книгу в каталоге. Я спросил у Гаврилюка, кто из наших есть в общежитии. Он сказал – Карпов, Мосейчук-Свобода, Пацула, возможно, Гарькавец и несколько женщин. Кучер посмотрела мою карточку и сказала, что мои «средние века» числятся за мной.

Я поехал в общежитие⁵. Внизу сидела Валя Костянецкая⁶, пустила меня в общежитие и предложила зайти в 106-ю комнату. Я поднялся на 5-й этаж и постучал в дверь комнаты, из которой была слышна русская песня. У оказавшихся там наших пятикурсников я спросил, где

---

³ Секретарь декана, очень добрая женщина, всегда была готова помочь студентам.

⁴ Он учился на два или три курса старше, увлекался философией и был для Гаврилюка, которого почему-то тоже чуть ли не с первого курса интересовала философия, большим авторитетом.

⁵ По адресу: пер. О. Яроша, 13 (на Павловом поле).

⁶ Студенты, обитавшие в общежитии, по графику дежурили при входе в общежитие в качестве помощника вахтерши. При входе посетители должны были предъявить пропуск, свидетельствующий о том, что они здесь проживают.

мне найти моих сокурсников. Один из них сказал, где живет «накачанный пацан».

Им оказался Саня Карпов. Он гладил пиджак, сказал, что он с Мосейчуком-Свободой⁷ собирается ехать на машине к нашим в колхоз. Он сообщил также, что на мое имя в общежитие пришла открытка из Польши, в которой какая-то полячка пишет, что она «познала» меня в Варшаве в Доме студентов и восхищалась моими руками. Наши сокурсницы очень заинтересовались этой открыткой, а Лаптева⁸ заучила ее текст наизусть и грозитя меня засмеять. (Наши женщины живут в 106-й комнате, поэтому Костянецкая и предлагала мне зайти в нее).

Снизу пришла дежурная студентка и сообщила Карпову, что звонил Б. С. и просил его никуда не уходить, т. к. он скоро приедет. Я решил тоже с ними поехать. Мы посидели немного в комнате, а потом решили ждать Б. С. у входа в общежитие.

Вскоре к общежитию пришла Люся Кравцова⁹ и пригласила меня в 106-ю к., грозясь угостить арбузом. Я согласился. В это время из общежития выходила Н. Яковенко¹⁰. Она сделала стрижку и перекрасила волосы (они теперь серые, а не белые). Она молча подошла ко мне, взяла мои руки, тщательно их осмотрела и сказала: «Ничего особенного!». Потом она сообщила, что я похорошел и что она может даже меня полюбит. В 106-й была Оля Ходус. Она предложила мне яблоки, но я отказался, т. к. они были очень твердые. Ходус разрежала арбуз и мы с Люсей на него набросились.

---

⁷ Уже после окончания университета сокурсники стали называть его Борисом Степановичем. Для краткости дальше в тексте дневника я называю его Б. С.

⁸ Она была на курс старше нас, но дружила с моими сокурсницами, за ней закрепилась кличка Раиса Степановна.

⁹ Ее мы звали по имени – Люсей, хотя вообще-то она была Людой.

¹⁰ Ее называли по фамилии или Наташкой.

Пришла Костянецкая, отдала мне открытку и сказала, что приехал Б. С. Я с ними распрощался и на лестнице встретился с Карповым, который уже хотел меня вызывать.

Б. С. приехал на каком-то «москвиче», один¹¹. Мы сели в машину и поехали. Ехали быстро. Б. С. опасно обгонял, не всегда включал поворот, один раз даже повернул направо с включенным левым поворотом. Не доезжая Коротича, видели последствия аварии. Столкнулись два грузовика: один лежал на боку поперек дороги, а другой воткнулся носом в асфальт – передние колеса лежали по бокам, а кабина смята в гармошку. Мы объехали их по грунтовой дороге.

Ок. 15 ч. были в Люботине. Поехали в сады, где работали наши. На весовой, в садах, к нам села какая-то тетенька и показывала дорогу. Б. С. сказал ей: «Это ребята из комитета комсомола». Я сделал серьезное лицо, а самому хотелось смеяться. Наши (Вадим Крючков, Люда Зозуля, Коля Науменко, Леся Рябченко, Таня Бескороваяная, Алла Репало, Света Подгорная, Князь¹² и др.) работали на грушах. Мы их поприветствовали и начали собирать груши для себя. Собрали две корзины и двинулись в сопровождении наших к машине. Но тут начальство, наверное, догадалось, что мы люди «маленькие». Б. С. пытался с ним договориться, но не договорился. Пришлось нам уезжать без груш, сообщив Черноскутову¹³ свои фамилии. С нами поехал Вася Пацула, который тоже приезжал проведать наших.

---

¹¹ В это время Б. С. «подрабатывал» инкассатором в банке и пользовался в личных целях служебным автомобилем.

¹² Игорь Сердюк, единственный на курсе тезка главного героя «Слова о полку Игореве», по этой причине получил такую кличку, а Олег Скворцов получил кличку Граф, поскольку заявлял, что его предки были «графьями».

¹³ Одному из преподавателей кафедры новой и новейшей истории, который руководил работой наших сокурсников в колхозе.

Мы приехали в совхоз «Люботинский» и остановились возле общежития – Пацула побежал переодеваться. Б. С. полез в двигатель и обнаружил, что там порвался ремень вентилятора. Б. С. послал нас с Карповым за водой. Когда вернулись, он сообщил, что мы где-то потеряли задний номер. Поехали назад искать номер, т. к. без него в Харьков было ехать нельзя. Нашли его в лесу, развернулись и поехали в Харьков. В город приехали уже после 17 ч. Б. С. высадил нас возле банка на Сумской.

1 октября (четверг)

В университет прибыл в 7-40. В аудитории были уже Слава Мурзин, Б. С. и еще несколько человек. Переписал расписание занятий: в понедельник – ин. яз., истмат, новая история; вторник – день занятий по военной подготовке (военка); в среду – ин. яз., новая история, спецкурс; в четверг – история СССР, истмат, история УССР; в пятницу – источниковедение, новая история, спецкурс по археологии; в субботу – история стран Азии и Африки, история УССР, история СССР.

Отсидел две пары и пошел с Толей Слядневым, Юрой Гарькавцом и Бутягой¹⁴ в ателье мод «Элегант» посмотреть материал, из которого Гарькавец хотел пошить себе костюм. Мне материал не понравился. Гарькавец и Бутяга остались заказывать костюм, а мы со Слядновым пошли в госпром обедать. По пути Сляднев сообщил, что он изменился. Теперь он не будет водиться с женщинами, все время будет уделять науке и спорту, ходить в театры и кино. Сказал, что он будет специализироваться на кафедре истории СССР, плохо говорил о кафедре истории КПСС. В госпроме столовая была еще закрыта. Мы пошли в университет. У Сляднева не было пропуска. Он прошел по моему читательскому (и до сих пор его не отдал).

---

¹⁴ Старше нас на курс или два, с которым дружил Гарькавец.

7 октября (среда)

После занятий с Валерой Лопатюком и Гришей Ивахом¹⁵ хотели продлить читательские билеты. Но в библиотеке была огромнейшая толпа и мы пошли в подвал обедать. В столовой тоже была большая очередь. Я предложил Лопатюку подстроиться к любой симпатичной девушке и сказать, что мы хотим стоять только рядом с ней. Но он отказался и ушел обедать где-нибудь в городе. В очереди стояли наши сокурсницы, а немного впереди них новая наша сокурсница (имени ее я до сих пор не знаю). Я с ней заговорил и стал перед ней. Позже набрался наглости и пропустил перед собой Гришу и Вову Суткового.

9 октября (пятница)

После занятий перевели с Лопатюком газетный текст с нем. яз. Где-то в 15-40 решили поехать в университет, взять учебники и продлить читательские билеты. Леша Федорков дал мне свой билет, чтобы я его продлил. Свой билет я продлил, а Лешин – забыл. Мы взяли учебники, положили их Лопатюку в сумку и поехали в общежитие.

После ужина поехали в университет, т. к. в этот день был наш выход на ДНД¹⁶. По маршруту со мной ходили Круговой¹⁷, Леша и Витя Струщенко. Леша был душой общества: рассказывал о сумасшедших, о своих любовных похождениях, предлагал пристать к двум прогуливавшимся женщинам. Походили до 22-30, вечер был теплый, чудесный. Сдали в университете повязки и поехали в общежитие.

---

¹⁵ Староста моей (первой) студенческой группы.

¹⁶ Все студенты числились в рядах «добровольной народной дружины» и время от времени должны были на определенной территории города следить за тем, чтобы никто не нарушал общественный порядок. Иногда они ходили по этой территории (с соответственной повязкой на руке) во главе с милиционером.

¹⁷ Он был курсом младше нас, но общался с несколькими моими сокурсниками.

Риад (один из наших арабов)¹⁸ не помыл в комнате пол. Мы с Лешей пытались его убедить, что мыть надо, но он ушел. Пришел Сляднев (Пацула куда-то ушел и забрал с собой ключ от их комнаты). Завел разговор о карьерах, комсомоле, драках.

11 октября (воскресенье)

До 15 ч. готовился в библиотеке на Университетской к семинару по новой истории. По приезду в общежитие читал С. Цвейга в читальном зале на нашем этаже. С 17 ч. занимался гириями с Карповым в расширителе¹⁹. В середине занятий к нам присоединился самый здоровый из негров. Выглядит он эффектно, но здоровья в нем маловато. 2-пудовую гирю он выталкивает раз 5, а Саня может ее выжать раз 20. Когда мы делали упражнение на бицепсы, он не понял, что мы его делали с пудовой гирей, и схватился за 2-пудовую. У него аж глаза из орбит вылезали, но он не смог согнуть руки. Когда Саня опускал пудовую гирю за голову, он было попытался делать и это с двухпудовой гирей. Но Саня, боясь, что он опустит гирю себе на голову, объяснил ему, в чем дело.

Занимались мы до 19 ч., потом я мыл пол в комнате и в столовую опоздал. Нужно было у кого-нибудь поджиться. В конце мойки пола ко мне в комнату зашел

---

¹⁸ Иностраных студентов, которые учились в нашем университете на подготовительном факультете с задачей в течение года изучить русский язык, чтобы потом слушать лекции на основном факультете в университете или в другом вузе, селили в общежитии в одной комнате с советскими студентами, это способствовало ускорению изучения ими русского языка, кроме того, наши студенты должны были влиять на их мировоззрение. В этом году мы с Лешей жили вместе с двумя арабами: очень молодым Гельзимом из Марокко и довольно возрастным (под 30 лет) Риадом из Ливана.

¹⁹ На каждом этаже вместо одной из комнат было свободное пространство соответствующей площади, где студенты могли заниматься зарядкой, общаться вне жилых комнат.

подвыпивший Сляднев: приехавший в этот день из дому Соломенный²⁰ давал ужин по случаю своего приезда. Сляднев начал сетовать на существующую действительность. Говорил, что не видит смысла в жизни и что у него есть моменты, когда он готов повеситься. Заглянул Лопатюк и сказал, что у него есть яблоки и варенье (он ездил к родственникам в Кисели). Пошли в комнату Лопатюка. Я сбегал в буфет, купил хлеба и поужинал яблоками и вареньем. Зашел разговор о поэзии, о стихах Сляднева. Селиванов спорил со Слядневым о партийности искусства. Сляднев жаловался, что женщины отвлекают его от занятий наукой. Говорили о современных писателях, о лишнем человеке в наше время, кончили разговором о недостатках социализма²¹.

---

²⁰ Наш сокурсник Витя, который почему-то любил вставлять в разговор немецкие слова и в связи с этим получил на курсе кличку Шмек (от немецкого «вкусно»).

²¹ Когда спустя много лет после окончания обучения в университете я ознакомил своих сокурсников с этими выписками из моего дневника, Гаврилюк отметил, что этот разговор о недостатках социализма очень бы заинтересовал сотрудников КГБ. Получается, что я мудро не рекламировал даже среди сокурсников ведение дневника. Иначе об этом было бы известно в КГБ. Во время одной из встреч с однокурсниками Карпов, избранный в депутаты Верховной Рады, рассказал нам, что в советское время в каждой студенческой группе было минимум два «стукача» – секретные сотрудники (сексоты) КГБ, которые регулярно строчили доносы о поведении и разговорах своих одноклассников, получая за это 35 руб. в месяц (т. е. вторую стипендию). Когда Карпов стал народным депутатом, он добился допуска в архив КГБ, ознакомился с доносами на него и узнал фамилии «стукачей» нашего курса. Но называть эти фамилии нам он отказался. В годы моего студенчества мне с сотрудниками КГБ общаться не приходилось. «Косвенный» контакт с этой службой произошел у меня уже во время моего пребывания в должности лаборанта кафедры философии и научного коммунизма Харьковского авиационного института. Чтобы увеличить свои доходы (как лаборант я получал 90 руб. в месяц), я упросил и. о. зав. кафедрой З. И. Петленко разрешить мне с почасовой оплатой вести практические занятия по научному коммунизму со студентами выпускного 5 курса.

12 октября (понедельник)

После занятий подстриглись с Лопатюком в парикмахерской возле конечной остановки 7-го троллейбуса. В библиотеке на Университетской готовились к семинару по новой истории.

Ок. 16-30 прибыл в общежитие. Зашел в 187-ю комнату к Гарькавцу. Там он, Сутковой и Яковенко смотрели фотографии Гарькавца. Я позаимствовал у Саши Гребенюка²² 6 коп. (у меня оставалось 40 коп., т. к. стипендию я не получил) и поужинал ровно на 46 коп. Потом с Лопатюком переводили немецкий текст, но перевели не до конца.

Пришел Сляднев с разбитым кулаком. Рассказал, как на них с Гаврилюком, когда они несли бутылки, полез с кулаками какой-то пьяненький товарищ. Кулаками же его они его и успокоили и при этом Сляднев повредил об его зубы свой правый кулак. Зашел Гарькавец

По этому предмету выпускники сдавали государственный экзамен. Однажды осенью 1975 г. на кафедре зазвонил телефон. Я взял трубку и услышал, что со мной хочет поговорить секретарь парткома института. Конечно, меня это удивило: где секретарь парткома и где лаборант кафедры? При разговоре выяснилось, что мной заинтересовался КГБ, поскольку (как, конечно, доложили «стукачи» из той группы, в которой я вел практические занятия) во время проведения мной практического занятия в одной из групп студент (фамилию которого я уже не помню) начал утверждать, что действовавшие в первые послереволюционные годы анархисты не были такими плохими, какими их показывают в наших фильмах. Секретарь парткома спросил, был ли такой факт и если был, то почему я об этом не сообщил. Я спросил, а разве я должен был куда-то об этом сообщать, но высказал уверенность, что никакого идеологического вреда это выступление студента не принесло: он согласил с моими аргументами в пользу того, что анархистов не следует идеализировать, а остальные студенты с его мнением не согласились. Когда я рассказал З. И. Петленко, муж которой был каким-то большим чином в КГБ, о своем разговоре с секретарем парткома, она сказала, что я все правильно сделал и могу ничего не бояться.

²² Он поступил на факультет после службы в армии, был на пять лет старше меня и претендовал на то, чтобы более молодые сокурсники его уважали.

за изолентой (заклеить свою куртку). Уходя из комнаты, Сляднев сказал: «Надо же, вроде и не пьяный, а разбил об кирпич руку». При этом он выразительно посмотрел на меня, давая понять, что он не хочет, чтобы Гарькавец знал о том, что с ними было.

В 23 ч. пришел Леша и мы решили взяться за уборку коридора, т. к. было наше дежурство²³. Но Гельзим забастовал, утверждая, что комнату он убирать должен, а коридор – нет. Я пошел за Слядневым в качестве переводчика (Гельзим был из франкоговорящего Марокко). У них в комнате шла горой пьянка. Сляднев уже лег спать. Я позвал нашего сокурсника Сергея Фарину. Он был пьяненький после торжественного ужина с поляками (которые приехали в этот день²⁴). Он убедил Гельзима, и мы помыли коридор.

13 октября (вторник)

Разбудил нас с Лешей Лопатюк в 7 ч. Мы явно опаздывали. Но были в университете в 7-40 (а нужно – в 7-45).

На 1-й паре (самоподготовка) приняли социалистическое обязательство хорошо учиться. На двух парах тактики были в поле. Возил нас подполковник, который любил с умным видом поболтать и показать свою власть. По приезду с поля вышла заминка со сдачей «барахла». Остались непомытыми 7 саперных лопаток, и дядя Петя (приемщик имущества после поездок в поле) сказал, что он не примет «барахло», пока лопатки не будут помыты. Толя Колонтаевский разозлился и начал мыть лопатки. К нему присоединился Крючков и еще кто-то. Когда они несли их

---

²³ По графику жильцы каждой комнаты должны были дежурить на этаже, пропуская занятия в университете, и мыть вечером в день дежурства пол в общем коридоре.

²⁴ В соответствии с договором между городами-побратимами Харьковом и Познанью группа наших студентов ежегодно ездила в Польшу, а польские студенты из Познани приезжали в Харьков и потом в другие города.

сдавать, Крючков, который нес одну лопатку, со злостью изрек: «Что? Стоите, ждете?». Я был уверен, что он помыл как раз свою лопатку, о чем ему и сказал.

На паре по партийно-политической работе (ППР) подполковник Смольский отпустил до звонка 2-й курс. Я, Лопатюк и довольно многие другие с нашего и 4-го курса вышли вместе с ними.

После ужина я зашел в 116-ю комнату за тетрадь Л. Кравцовой о ГДР. Люся была в душе. В комнате была Яковенко и не знакомая мне женщина. У них готовилась пьянка (судя по бутылкам и продуктам). Пришла Люся, дала мне тетрадь, мы с Лопатюком подготовились к нем. яз.

14 октября (среда)

На спецкурсе по археологии нам раздали темы для докладов. Мне попала Зарубенецкая культура.

В этот день мы надеялись получить летнюю стипендию и поехать в магазин: мы с Лешей хотели купить материал на костюм, а Лопатюк – купить женские перчатки. Возле касс и отдела стипендий стояла громадная очередь. Мы с Лешей пошли обедать в подвал, а Лопатюк стал в очередь.

После обеда я оформил свою карточку в отделе стипендий и стал в очередь к кассе (было 13-50). В 14-30 пришли Лопатюк и Юра Стрепков. Они ходили обедать, теперь потеряли свою очередь и присоединились ко мне, а я почти не продвинулся к кассе. Когда мы приблизились к кассе, деньги в ней кончились и она закрылась. Лопатюк договорился в отделе стипендий, что получит деньги 25-го числа, и ушел. Я стал в очередь в другую кассу и получил-таки свои 70 руб²⁵.

---

²⁵ Это была «обычная» стипендия за два летних месяца, «повышенная» стипендия составляла 43 руб.

15 октября (четверг)

Сбежав с последнего часа 3-й пары, мы с Лешей поехали покупать материал на костюм. 34-м автобусом доехали на ХТЗ. Там в магазине работала продавцом моя знакомая из Рогани. Она сказала, что в подвале есть неплохой материал по 21 руб. за метр. По нашей просьбе она его принесла. Решили брать: для меня – 3 м, Леше 2,7 м (он посоветовался на этот счет с продавцом). Заплатили 119 руб. 70 коп. Потом поехали в общежитие.

После ужина в столовой мы с Лешей пошли в комнату к Струщенко и Коваленко. Им в этот день заселили негров, которые устали с дороги и легли спать, не сняв носки. В комнате стоял весьма неприятный запах, они открыли окно и в комнате было очень холодно. Леша сыграл со Струщенко в шахматы. Коваленко сварил кофе, я выпил для согрева два стакана.

16 октября (пятница)

Еще с вечера мы с Лешей решили отнести наш материал в ателье. В университете я показал его Слядневу. Узнав его цену, Сляднев закричал, что это то, что ему нужно, и что я – подлец, т. к. не сказал ему об этом материале. Я пообещал, что попробую договориться о таком же материале и для него.

После занятий мы с Лешей пообедали в столовой у кинотеатра «Пионер». Зашли в ателье 1-го разряда. Там нам сказали, что костюмы будут готовы к концу ноября и обойдутся нам где-то в 45 руб. Нас это не устраивало. В итоге заказали костюмы в ателье 2-го разряда в подвале на ул. Шекспира (Леша заказал себе еще и жилетку).

17 октября (суббота)

Еще вчера мы договорились, что в субботу в 13-30 сыграем в футбол между 1-й и 2-й группами. С последнего часа 3-й пары мы со Слядневым сбежали и после обеда

в подвале встретились на 3-м этаже с Володей Одарюком, Графом (они ходили качать мяч) и Гарькавцом (он пытался сдать экзамен по истории СССР профессору Короливному, но безуспешно).

Играли два тайма по 35 минут. За первую группу выступали: Ивах, я, Науменко (защита), Гребенюк, Сляднев, Сутовой (заменял Гребенюка во 2-м тайме), Кот (нападение), на ворота мы взяли Кругового, за неимением своего вратаря. За 2-ю группу играли: Леша, Селиванов, Граф, Лопатюк, Одарюк, Саша Сурков, Пацула. 1-й тайм окончился со счетом 1:0 в пользу 2-й группы (гол забил Граф). В итоге же мы победили 4:1.

22 октября (четверг)

Еще с вечера решил не идти на 1-ю пару (история СССР). Поэтому прибыл на факультет ок. 9-30. В перерыве Ивах сказал, что на 1-й паре не было 40 чел. и он должен подать список отсутствовавших в деканат.

Вечером зашел в комнату Сляднева. Он был один. Сказал, что только что до нервного тика спорил с Карповым о существующей действительности. Он также торжественно заявил мне, что решил всю свою жизнь посвятить изучению философии и с сегодняшнего дня займется штудированием науки о логике Гегеля. Для этой цели он попросил меня дать ему чистую общую тетрадь. У меня она была, мы сходили за ней в мою комнату.

24 октября (суббота)

Со второго часа 3-й пары ушел в столовую, т. к. на 13-30 было намечено комсомольское собрание ф-та и я не хотел остаться без обеда. Уже после того, как я поел, в столовую зашел Сляднев и попросил меня взять из аудитории его портфель, если он не успеет пообедать до конца пары. Позже выяснилось, что он таки вложился во времени.

Собрание происходило в Новой физической аудитории. Сначала я сел в нижних рядах, а потом пересел выше, возле Сляднева. Правее от меня Князь и Одарюк сразу же начали играть в «морской бой». В президиум (7 чел.) избрали декана, нашего сокурсника Валеру Рубана, Тузову и др. Миша Суржик (курсом старше нас) подложил свинью своему сокурснику Новикову, выдвинув его в президиум. Заслушали отчет бюро ф-та. Его председатель Тузова говорила об успехах и недостатках работы. Часто упоминался «нынешний 3-й курс».

Рубан, как ведущий собрание, спросил, кто хочет выступить. Желающих не оказалось. Тогда он начал вызывать по списку. Выступления сводились к общим фразам. Вызвали Карпова. Для начала он по записке зачитал цитату из Ленина, потом раскритиковал всех предыдущих ораторов. Заявил, что 70% присутствующих здесь не знают устава, что у комсомольцев нет сознательности, они хотят от комсомола лишь что-то получать, ничего не давая ему, а если их заставляют работать, они возмущаются. Далее он предложил тем, кто не хочет работать, выйти из комсомола и создать какую-то другую организацию. На этом месте его выступление было прервано аплодисментами. «Вот это да! Антисоветчину понес!» – заметил Князь. Потом Карпов сказал, что работы бюро как таковой не было (это при том, что наш ф-т занял 2-е место по ун-ту) и сел на место.

После речи Карпова декан покинул собрание. А жаль. Я бы хотел услышать его комментарии. Потом толкнул речь Руслан Пирог, комсомольский бог ун-та. Он вручил четыре грамоты (из них три представителям нашего курса). Потом выступил проф. Шерман. В своей длинной речи он осудил комсомольцев за несознательность и пассивность, а Карпова – за то, что привел много цитат и стоял спиной к президиуму. После этого стали выбирать новый состав бюро.

Карпов попросил слово и прочел записку, которую от кого-то получил. В ней его характеризовали как демагога и обвиняли в том, что он противопоставил себя массам и совсем не уважает людей. Карпов отметил, что записка – анонимная. Рубан заявил, что автору ее следовало бы откликнуться. Тогда встал аспирант кафедры древней истории Мещеряков и заявил, что автор он, в записке указана его фамилия, но Карпов ее почему-то не огласил. Он снова обвинил Карпова во всех грехах. Тогда выступил Рубан и сказал, что он учится с Карповым второй год и знает его как хорошего товарища. Тут встал Сляднев и провозгласил: «Считаю долгом своей чести присоединиться к голосу Мещерякова!». Пирог предложил Слядневу все же сказать, в чем он не согласен с Карповым. Сляднев сказал, что он как-то сказал Карпову, что он собирается бороться с ветряными мельницами, имея в виду массы. А Карпов ему заявил, что ставит своей задачей повернуть мельницы против ветра. Здесь встал Карпов и в выступлении против Сляднева назвал его анархистским кублом. Затем против Карпова выступили две студентки с четвертого курса. Пришлось Карпову взять самоотвод (а ведь его кандидатуру в бюро выдвинуло партбюро ф-та). Нужно было выдвигать новую кандидатуру.

Народ шумел, смеялся. Президиум выдвинул кандидатуру Хрисолури. Я выступил и объявил, что на комсомольском собрании курса его сильно раскритиковали. С таким же сообщением выступил и Граф. С трудом набралось 13 кандидатов, проголосовали за них списком. Собрание закончилось в 16-40. В итоге его Карпов и наш сокурсник Женья Хрисолури, бывшие в прошлом году в составе бюро курса, стали рядовыми комсомольцами.

26 октября (понедельник)

После ужина помыл в комнате пол и пошел искать ампулу для ручки. Зашел в 194-ю комнату. Там были:

Шмек, Толя Колонтаевский, Князь, Граф. Ампулы у них не нашлось. Колонтаевский сказал, что у него есть бутылка, и предложил ее распить. Граф отказался, сказав, что он каждый день не просыхает.

Я зашел в комнату Гарькавца. У него были Лосева и Сутковой, который дал мне ампулу. До 21 ч. мы слушали магнитофон, беседовали. Я вернулся к себе.

Леша принес сдобную булку и поделился со мной. Пришел Шмек и предложил пожарить картошки (я привез ее из дому еще неделю назад). Решили, что я куплю в буфете хлеба, а Шмек с Лешей добудут сала и почистят картошку.

В очереди простоял минут 15–20, а когда достоялся, буфетчица сказала, что хлеба нет, а дает она $\frac{1}{4}$ батона при условии, что возьмешь еще 100 г. колбасы. Я не мог себе позволить колбасу, т. к. уже должен Леше 20 руб. и боюсь, что до стипендии не проживу без того, чтобы еще у кого-то занять. Ушел без хлеба.

Хлеба, хоть и маловато, добыл у кого-то Леша. Сжарили картошку и понесли ее к нам в комнату. Предложили присоединиться Лопатюку, но он отказался, т. к. занимался с гантелями. Зато не отказался Гельзим, хотя картошка жарилась на сале, а он мусульманин.

28 октября (среда)

Вчера на военке договорились сыграть в футбол группа на группу со ставкой 1 руб. с чел. Спецкурса на 3-й паре не было: Шрамко ок. 12 ч. должен был выступать по телевидению. Он попросил нас перенести в госпром археологические экспонаты. Мы с Сережей Федорко несли самый большой горшок. Потом я со Славой Мурзиным помог Фрадкину перетащить из одного кабинета в другой тяжелую печку и стол.

На футбольное поле пришел пораньше (матч был назначен на 14 ч.). Там уже были Граф и Князь. Потом

пришел Селиванов с мячом. Играли 6 на 6. У нас на воротах стоял Гарькавец (во втором тайме минут 5 стоял Сляднев, пока ему не забили гол), в защите – я и Кот, в нападении – Ивах, Сляднев, Сутковой. У них – Петр Иваныч, Леша, Граф, Лопатюк. Пацула, Гаврилюк (Сурков). Первый тайм мы выиграли 2:0. Во время одной из атак на наши ворота Лопатюк пытался взять мяч головой, но я отбил его ногой и попал ему по «физии». Победили мы со счетом 5:1. Собрали с побежденных по 1 рублю и пошли в кафе «Сад», но там пива не было. Поехали в «Янтарь», взяли за счет проигравших по 2 бокала пива и по сырку.

После этого я поехал с Гарькавцом в ателье «Элегант» за его костюмом. Но там выяснилось, что костюм будет готов послезавтра. Решили пойти в университет на «Вечер трудовой славы». Начинался он в 18.30. Поехали перед этим в общежитие.

В моей комнате Сляднев гладил брюки утюгом Риادا. Пошли с ним в душ, но мыться пришлось холодной водой.

В университет поехал с Гарькавцом и Бутягой. В газете «Харьковский университет» напечатали статью и фотографию Иваха, на фоне развернутого знамени ему вручили почетную грамоту. После торжественной части и концерта были танцы. Из наших присутствовали также Шмек, Князь, Пацула, Сутковой (он уделил внимание нашей сокурснице Любе Морозко). Танцевали до 23 ч., в общежитие возвращался вместе со Шмеком (он собирался провожать женщину с экономфака, но она от него сбежала) и Князем.

10 ноября (вторник)

На военку Граф пришел в конце 3-й пары – проспал, жаловался, что его никто не разбудил. На ППР подполковник Смольский ставил его в пример за то, что он пришел на 4-ю пару, и объявил ему выговор за то, что он проспал три пары.

16 ноября (понедельник)

После 2-й пары наш зам. декана Юрий Григорьевич Литвиненко сказал, что мы сегодня с 14 ч. должны работать на строительстве спорткомплекса, и порадовал меня тем, что организовывать это мероприятие должны проф-орги²⁶.

На семинаре по истмату интересным было выступление Шмека. Он заявил, что «побывал летом в Европе»²⁷ и увидел, что там жизненный уровень народа выше, чем у нас, что в США падает революционность пролетариата, который выступает только против войны во Вьетнаме.

---

²⁶ Профоргом первой группы нашего курса был я, а второй – Люся. Профсоюзной деятельностью я занимался и уже будучи преподавателем нашего факультета – был профоргом кафедры, членом профбюро факультета. Но в 1996 г. я перестал быть членом профсоюза. Толчком для этого выхода из профсоюзных масс явилось то, что осенью 1996 года администрация университета объявила преподавателям о том, что в течение четырех месяцев им будет выплачиваться не вся зарплата, а только ее 10%. При этом каждый должен был расписаться не в том, что он с этим согласен, а в том, что его об этом уведомили. Большинство преподавателей покорно поставили свои подписи, но больше десяти человек примерно моего возраста попытались искать защиты у профсоюзной организации университета. Не найдя этой защиты, они написали заявление о выходе из профсоюза и потребовали создания конфликтной комиссии, которая бы решила трудовой конфликт между администрацией университета и вышедшими из профсоюза преподавателями. Я в это время был в докторантуре и получал стипендию в полном объеме, но решил воспользоваться ситуацией и тоже написал заявление о выходе из профсоюза, поскольку уже давно понял, что эта организация в нашей стране не стоит на защите интересов трудящихся. В итоге тем из преподавателей нашего факультета, которые не согласились недополучать зарплату, была выплачена зарплата в полном объеме, а те, кто не пытался возражать, так и получили за четыре месяца только 10% и до сих пор им невыплаченные деньги не возвращены. Правда, из всех пытавшихся протестовать на сегодняшний день вне профсоюза остались только А. И. Елкин и я.

²⁷ Часть студентов нашего курса летом работала в стройотряде в ГДР.

В перерыве к нему подошел Граф и сказал: «Дай пожать твою руку, может, больше не увидимся».

После занятий я пошел обедать и поэтому опоздал к сборам на работу (я назначил сбор на 13-50, а приехал в 14 ч.). С Люсей пошли к прорабу, но он сказал, что пора быть всем людям, а не только организаторам. Мы заверили его, что массы сейчас будут. Народ пришел через 15 мин., но прораб заявил, что уже поздно и он не примет рабочих, которые так опаздывают. Массы возмутились и разошлись.

Пьяный Граф достал мяч и предложил сыграть в футбол. Играли 3 на 3 ок. часа.

Вечером нас с Лопатюком пригласил на яблоки приехавший из дому Сутковой. Только взялись за яблоки, как пришел Сляднев и пригласил нас на сало. Взяли несколько яблок и пошли к нему. Посидели, поели, потом пошли в комнату к Чудному слушать пластинки. Затем занимались с Лопатюком немецким.

18 ноября (среда)

На семинаре по новой истории выглядел бледно. Попытался было один раз «дополнить», но оказалось, что нето. Засмеяли.

Вечером ко мне в комнату зашел Сляднев. Он написал в газету «Ленінська зміна» статью о деятельности лекторской группы университета, главой которой он является, и о введенной в этом году «общественно-политической практике». В ней он доказывал вредность идеи этой «практики». Сказал, что Решетников, узнав об этом, пообещал разобрать личность Сляднева на бюро комитета комсомола.

Смотрел как занимались с гантелями Лопатюк и Круговой. На лестнице шумели прилично пьяные Шмек и Князь. С Лопатюком решили не идти завтра на 1-ю пару (история СССР).

19 ноября (четверг)

На 1-ю пару не пошли. Ивах сказал, что у меня неправильная тактика пропуска занятий – пропускаю я редко, но почти всегда об этом становится известно в деканате.

Возле входа в общежитие встретил Риада. Он сказал, что Гельзим лежит в больнице с больным сердцем. Когда мы с Лопатюком в нашей комнате слушали магнитофон Риада, зашла медсестра и сказала, что у Гельзима явно чесотка²⁸ и нам всем завтра нужно идти в больницу.

Пришел Леша, потом Струщенко принес шахматы, и они стали играть. Ок. 23 ч. пришел Гельзим и принес на руках явные признаки чесотки, а в руках бумажку, в которой писалось, что мы все должны завтра к 8 ч. явиться в 20-ю больницу. Леша сразу разделся и начал осматривать свое тело, я тоже.

20 ноября (пятница)

С утра поехали в больницу. Осмотр у врача показал, что болен из нас только Гельзим. Но всем пришлось пройти санобработку на ул. Валерьяновской. На занятия не пошли. Арабы поехали в общежитие, а мы с Лешей посмотрели фильм «По следу Тигра».

25 ноября (среда)

Леша на немецкий не пошел, пришлось нам с Лопатюком добираться в университет вдвоем. На спецкурсе сначала 30 минут выступал проф. Шрамко о скифах, потом выступал Мурзин со своим докладом о Чернолесской культуре. После пары Шрамко попросил нас вынуть из ящика в кабинете какую-то тяжелую штуку. Она была прикручена гайками. Мурзин принес из «камералки» плоскогубцы,

---

²⁸ В этом году в нашем общежитии была эпидемия чесотки, с нашего курса ею болел Граф.

но они не брали гайки. Я сказал об этом Шрамко, и он позволил мне считать себя свободным.

После обеда поднялся в читалку, но там не было свободных мест. Спустился на 5-й этаж к раздевалке²⁹. Там Сутковой доказывал Графу и Ващук, что студенты должны посещать лекции, а если они это не делают, то с них нужно снимать стипендию. Меня удивила его забота о делах деканата. Я так ему и сказал, что мне не понятно, почему его так волнует тот факт, что студенты не посещают занятия. Ведь он обыкновенный студент и какое ему дело до посещаемости. Лично меня это ни капельки не задевает. Наверное, главное, чтобы ты сам ходил на лекции, а о факультетской или курсовой посещаемости пусть заботится деканат. Отправился в общежитие один.

Полужинали с Лопатюком в столовой общежития. После ужина убрал в комнате. Арабские товарищи организовали ужин со сгущенкой и пригласили меня. Я для приличия отказался, но потом дал себя уговорить. Позже взял у Лопатюка книгу Майорова о Брестском мире (для завтрашнего семинара по СССР) и почитал с полчаса. Зашел к Гарькавцу. Он угостил меня куском сырого свиного мяса. Затем до 24 ч. готовился к докладу по спецкурсу.

27 ноября (пятница)

На спецкурсе присутствовало лишь 4 человека. Федорко выступил с докладом о таврах. Шрамко сказал, что все отсутствовавшие будут сдавать не только свой доклад, но и вопрос о таврах.

В деканате после занятий состоялось заседание факультетского бюро комсомола. Разбирали за плохую посещаемость Графа, Шмека, Крючкова, Одарюка и Зозулю.

---

²⁹ На первом этаже функционировала общеуниверситетская раздевалка, в которой работали бабушки, а на пятом этаже – факультетская, в которой по очереди, пропуская занятия, работали студенты ф-та.

После обеда мы с Лешей задержались возле раздевалки, чтобы узнать, как их накажут.

Вызывал всех Кот. Сначала вызвали Одарюка. Вышел он красный, немного потный. Ему «поставили на вид», учитывая то, что он посещает репетиции оркестра. Потом вызвали Графа. Он вышел и хмуро сказал: «Лишили стипендии». Это прозвучало как гром, все умолкли – как-то не верилось. Потом пошел Шмек. Его тоже лишили стипендии. Такую меру предлагал Рубан, поддержали его Иванченко, Фарины, Новиков. Неполучавшим стипендию Крючкову и Зозуле объявили выговор. Постояли-пошумели, потом мы с Лешей пошли в читалку. Лопатюк в этот день ездил в Кисели и привез яблок. Вечером, после ужина, мы занялись их уничтожением.

28 ноября (суббота)

В университет шли с Лопатюком пешком. Леша поехал, т. к. дежурил в раздевалке.

После занятий поехал в общежитие, немного поготовился к докладу в читалке на 5-м этаже. Выйдя из читалки, встретил Гришу, Гаврилюка, Сляднева, которые заявили, что нельзя нам, как убежденным марксистам, не отметить день рождения Ф. Энгельса (ему исполнилось 150 лет). Подошел Лопатюк. Решили, что по такому случаю нужно выпить. В качестве гонцов выступили Гриша и Лопатюк. Пили в комнате Лопатюка. Участвовали: я, Сляднев, Гриша, Лопатюк, Гаврилюк, Гарькавец, Коля Науменко. Петр Иванович сделал взнос, но куда-то удалился. Выпили 4 «огнетушителя» «Портвейна», съели всю колбасу и хлеб. Массы решили сброситься еще по рублю. Я не участвовал по причине плохого состояния финансов. Для определения гонца тянули спички я, Науменко и Гарькавец. Выпало Науменко. По просьбе коллектива я взял у Рида магнитофон. Пришел Петр Иванович, Федорко, прибыл Науменко. Включили музыку, наполнили

стаканы. Сляднев куда-то удалился. Когда выпили все, Гриша уехал домой. Под магнитофон начали танцевать (без женщин). Вскоре в комнате остались только я, Лопатюк, Науменко, Петр Иванович и Гаврилюк. Разошлись ок. 23 ч.

Леша пришел тоже «на газах». Послушали музыку, поговорили об аллахе, почитали книги и легли спать ок. 24 ч.

29 ноября (воскресенье)

Пробудились ок. 9 ч. Мы с Лешей оделись и хотели позавтракать в столовой вместе с Лопатюком. Но он решил убрать комнату, очень грязную после вчерашнего веселья. В столовую он пришел, когда мы уже заканчивали завтрак. Решили, что я подожду Лопатюка, а Леша поедет и займет нам места в читалке на ул. Университетской.

До 12 ч. занимались, а потом Лопатюк предложил пойти пообедать. Я отказался, т. к. считал, что обедать еще рано. Пошел на обед вместе со Стрепковым в 14 ч. Ок. 16 ч. по предложению Лопатюка отправились в общежитие пешком (погода была тихая и весьма теплая).

В общежитии сходил в душ, взял у Лопатюка иголку и прикрепил пуговицы на брюках. Когда относил Лопатюку иголку, он изъявил желание съесть хлеба, хотя бы и не свежего. Я пошел рыскать по комнатам. Зашел к Струщенко. Он играл в шахматы с Федорко, а Науменко и Коваленко смотрели, как это делается. На полу стояла сумка, в которой были яблоки, мандарины, печенье. Я принялся за яблоки. Между делом продиктовал Науменко песню о велосипедистах (3 декабря намечается курсовой «Огонек»). Съел несколько яблок, одну грушу и одну мандаринку. Уходя, хотел взять для Лопатюка яблоко (последнее) и печенье, но Струщенко пресек эти мои действия. Пришлось ограничиться двумя конфетками. Угостил ими Лопатюка и Петра Ивановича.

Вскоре после моего возвращения в свою комнату зашел к нам Струщенко. Спросил, где Леша (он из библиотеки отправился к своим друзьям на ХТЗ и еще не вернулся), и дал мне пачку печенья, с которой я отправился к Лопатюку. У Петра Иваныча, который уже спал, в чайнике был кипяток. Ихний негр, хороший товарищ, принес сахар, и мы с Лопатюком перед сном выпили по стакану сладкого кипятка с печеньем.

3 декабря (четверг)

На семинаре по СССР выступил в самом конце второго часа. Выступление было очень короткое, малосодержательное, правда, по существу и Тычина поставил мне «птичку». После обеда пошли с Лешей в читалку и были там где-то до 17 ч., а потом отправились в общежитие. Но при выходе из университета Лешу забрала Раиса Степановна (Лаптева), т. к. ему, как агитатору, нужно было зачем-то ехать в какой-то техникум. Лопатюка Раиса Степановна назвала подлецом за то, что он не явился на это мероприятие (он тоже агитатор), а меня пригласила как-нибудь зайти к ней на компот, но только днем, потому что по вечерам ее не бывает дома.

В общежитие добирался пешком. Прилично промерз. Леша был уже дома – мероприятие не состоялось по причине низкой массовости. Он начал гладиться к предстоящему «Огоньку». Гарькавец занес мою польскую рубашку. Я вспомнил, что сегодня моя очередь убирать комнату, и пошел к Лопатюку за веником и шваброй. Пришел Гриша с бутылкой домашнего вина – для повышения тонуса, если он у нас будет низкий. Я предложил ему оставить у нас портфель и пальто, а самого отправил к Лопатюку, чтобы он не мешал мне делать уборку.

Науменко развил бурную деятельность по подготовке к «Огоньку», Леша ему помогал. Забрали из нашей комнаты три стула. Леша посоветовал мне идти на торжество

без пиджака, только в яркой польской рубашке. Я так и сделал. Лопатюк в празднестве не участвовал. Позже Таня Бескоровайная отметила, что я не смотрюсь в этой рубашке и надо было ее хотя бы погладить.

На торжестве сначала выступил с речью доц. Фризман, которого пригласили присутствовать. Он говорил о связи поколений историков. Выпили по стопке вина «Золотое поле». После этого чередовали номера художественной самодельности и танцы. Хрисолури и Стрепков рассказали по стишку. Тамара Яценко, Науменко, Гриша, Федорко пели песни. Братья Пасько организовывали музыкальное сопровождение. Гарькавец колдовал над магнитофоном. Вслед за магнитофоном спели хором «Не жалею, не зову, не плачу». После одного из танцев мы с Гришей и Лешей раздавили Гришину бутылку вина. Гриша сказал, что он пил еще до «Огонька», поэтому выпил мало, нам с Лешей пришлось выпить больше чем по стакану (без закуски).

Гарькавец остановил магнитофон и предложил сброситься на пиво, т. к. все вино уже выпили. Сам он под аплодисменты и визги женщин бросил на это дело рубль. Я пить больше не хотел, вышел из зала и решил побыть у Лопатюка, пока будет выпито пиво, чтобы потом ко мне не было претензий.

Пробыл у Лопатюка до 23 ч. и вернулся в зал. Там были в разгаре «пляски». Танцевали при погашенном свете. Народ разбился на пары – Граф с Олей Ващук, Мурзин с Валец Нагорной, Люся с Гарькавцом, Подгорная с Карякиным (с 4-го курса), Яковенко с каким-то бородатым товарищем. Сляднев ходил с хмурой опухшей мордой. Струщенко принимал активнейшее участие в танцах, прыгал с очень заметным удовольствием. Люся бегала по залу и излишне громко спрашивала: «Где мой Юра?!», потом начала прыгать, очень шумно, с Пацулой. Я несколько раз станцевал с Талиной Борисовной. Ок. 1 ч. мы с Лешей ушли спать.

12 декабря (суббота)

Лопатюк разбудил меня в 7.05 ч. Я боялся, что мы опоздаем на 1-ю пару, но мы успели. После занятий работал в читалке, готовился к докладу по спецкурсу, законспектировал два письма Энгельса (для истмата).

Ок. 16 ч. пошел пешком в общежитие. Там Шмек предложил мне сброситься по рублю, но я отказался. Взял у Струщенко шахматы и сыграл две партии с Лешей. Он разбил меня с легкостью. Гельзим начал уборку в комнате, и я пошел к Лопатюку. Поболтали с ним, сходили на ужин и в душ. После душа слушали музыку. Леша играл в шахматы со Струщенко. Пришли Гриша, Науменко, Федорко: в 206-й шла грандиозная пьянка, они уже выпили определенную дозу и сейчас послали четырех гонцов за вином. Гриша начал играть в шахматы с Лопатюком. Прибыли гонцы и гости удалились.

Пришел Стрепков, мы решили пойти на танцы в 11-е общежитие (на ул. О. Яроша). Там при входе сидела очень злая тетенька и не пустила нас внутрь. Пришлось заходить через 11-А. Разделись в 11-м в 42-й комнате, у землячки Гарькавца. Танцы еще не начались. Мы решили подождать в столовой. Леша и Стрепков взяли в буфете по стакану кофе, по коржику и шоколадных конфет. Кофе и коржики мы уничтожили, а оставшиеся конфеты мы с Лешей распихали по карманам.

Танцы начались поздно, ок. 22 ч. Во время танца с прошлогодней подружкой Фарины я выяснил, что она с Фариной теперь только здоровается: он теперь председатель интеркомиссии университета и у него нет для нее свободного времени. Желающих участвовать в танцах оказалось очень много, все в зале не помещались, разбилось стекло двери зала. Какой-то активист пробился к оркестру и начал кричать в микрофон, чтобы из зала вышли все, кто не живет в 11-м общежитии. Часть людей, включая Лешу и Стрепкова, вышла в коридор. Те, что остались, держали

дверь изнутри. Из коридора начали ломиться в дверь, выдавили еще одно стекло, толкнули какого-то арабского товарища. Он оказался пьяным и вспыльчивым и полез драться. Возник женский визг и шум. Оркестранты заявили, что играть больше не будут. Мы с Лопатюком пошли одеваться. Землячка Гарькавца «для хохмы» стала требовать с нас плату за хранение одежды. Я дал ей конфет, она пригласила нас заходить еще. По пути в общежитие встретили пьяненького Князя, который возвращался в свое общежитие на Целиноградскую. Дома перед сном съели сала с луком, поиграли в пашки и легли спать ок. 24 ч.

14 декабря (понедельник)

После занятий и обеда до 16 ч. готовился в читалке по учебнику к зачету по истории СССР. Я обещал Слядневу, что занесу ему в комитет комсомола, где он будет дежурить, учебник, когда буду уходить домой. Зашел туда, но сидевший там Граф сказал, что Сляднев уже ушел.

В общежитии позанимался с гантелями с 17 до 18.30. Сляднев получил откуда-то перевод на 25 руб. Гребенюк сдал какой-то «хвост» по экзамену. В связи с этим «коллектив» решил выпить. После ужина до 21.30 ч. занимался историей СССР. Посмотрел, как занимаются с гириями Карпов и Лопатюк. Пришел Леша, я решил поесть с ним сала (для этой цели заранее купил половинку хлеба). Когда мы приступили к еде, пришел с шахматами Струщенко. До 23.15 ч. я сыграл с ним 3 партии (со счетом 2:1 в мою пользу). Перед сном убеждали с Лешей Гельзима в несуществовании аллаха и в том, что социализм лучше капитализма.

16 декабря (среда)

На 1-ю пару не пошел. В университете выяснилось, что ни Одарюк, ни Васильева, ни Дацько, ни я не подготовили

доклад по спецкурсу. Дацько пообещала выступить с докладом, но перед самым звонком ушла. Прослушали только доклад Морозко. Шрамко сказал, что в пятницу слушаем доклады мой и Васильевой, и отпустил нас в 12.30 ч.

После обеда я решил купить в универмаге пуговицы для костюма и пластинку Ободзинского на Московском пр. В универмаге были пуговицы как у Лопатюка, но я не решился их купить. В магазине пластинок была только «Что-то случилось», но мне этого было мало и я решил уходить оттуда. Тут ко мне подошел довольно здоровый молодой человек в меховой шапке, осеннем пальто и с примерно дней 5 назад разбитой нижней губой. Он спросил, интересуется ли меня только Ободзинский. Я в ответ спросил, а что ему нужно. Он сказал, что у него есть пластинка с 10 песнями Ободзинского из концерта, который он давал в Москве. Я спросил, а во что мне это обойдется. Он ответил, что продает каждую песню по 35 коп. Когда я сказал, что у меня только 3 руб., но они мне нужны на пуговицы, он ответил, что пуговицы подождут, а ему нужно сбыть Ободзинского, т. к. «клиент», который его заказывал, не явился. Я решился на покупку. Он попросил меня подождать на улице, я вышел из магазина. Вскоре он появился и дал мне обыкновенную гибкую голубую пластинку с названием «Давайте на минутку станем детьми» и «Седые мужчины». Объяснил он это явление тем, что у них на радиозаводе, где он работает, нет свободных «матриц», поэтому он записал Ободзинского на этой. Запись сделана «стереозаписью», на одной стороне, т. к. с двух сторон записалось бы плохо. Сказал, что у него есть клиенты, которых он обеспечивает год или два, особенно из академии Говорова. Он обнадежил меня, что может добыть мне любую пластинку и записал в моем блокнотике свои координаты (тел. 22-97-99, Алик Шукалов, звонить до 15 ч.). Сошлись на 3 руб. Я дал ему деньги, он протянул мне 1 руб. сдачи, но я сказал, что ведь не нужно.

Я попрощался с ним и пошел в университет. По дороге мечтал о том, что теперь смогу добыть любую пластинку не только для себя, но и для товарищей. В троллейбусе по пути в общежитие встретил Лопатюка. Я рассказал ему о том, как добыл песни Ободзинского, но высказал предположение, что меня «наказали» на 3 руб. Он предложил продать ему пластинку за 3 руб. до прослушивания, но я отказался. В общежитии зашли к Науменко, чтобы прослушать пластинку на его проигрывателе. Выяснилось, что песни исполняет не Ободзинский, а какая-то певица. До конца пластинки я надеялся, что запоет и Ободзинский, но чуда не произошло.

С прибывшим Лешей съездили в ателье, померили костюмы (закройщик сказал, что готовы они будут дней через 7-8, тогда же нужно принести и пуговицы).

После ужина занимался докладом по спецкурсу. Ок. 21 ч. пришли Сляднев и Лопатюк, с ними и Лешей поел сала с хлебом, луком и водой.

17 декабря (четверг)

На семинаре по истории СССР Тычине вздумалось вызвать меня по вопросу о борьбе Ленина за сохранение Брестского мира. Я ничего ответить не смог. Тычина поставил 7 чел. (Грише, Слядневу, Коту, Струщенко и др.) «автомат» по зачету, а мне придется сдавать его в субботу.

После занятий в 12-м корпусе в ауд. 4-82 проходило курсовое комсомольское собрание. Присутствовало на нем немного больше половины курса. Сначала рассмотрели вопрос о ленинском зачете. Затем пошел разговор о посещаемости. Тут разгорелись страсти. Граф, Колонтаевский, Гребенюк выступили против Рубана, обвиняли его в карьеризме, в том, что он идет к власти по трупам товарищей. Гребенюк прямо заявил, что с приходом Рубана жизнь на курсе стала намного хуже. Затронули вопрос о военке. Рубан заметил, что завтра на комсомольском

бюро факультета будет рассматриваться вопрос о поведении на военной кафедре Графа и Сляднева (оба – члены комитета комсомола университета).

Собрание закончилось ок. 15 ч., в столовой уже все съели, поэтому пообедать решил в общежитии. Ехал туда с Гарькавцом, Слядневым, Сутковым. Ок. 22 ч. пошел в комнату Струщенко. Там Коваленко оформлял «Экран успеваемости». Струщенко купил в буфете хлеба и мы пошли в нашу комнату есть Лешино сало. Поговорили о прошедшем собрании, затронули Рубана, Фарину, Карпова, Хрисолури, Иванченко. Проболтали дольше, чем до 23 ч.

31 декабря (четверг)

После завтрака взял у Сляднева вопросы по истмату и начал их переписывать. Ок. 11.30 ч. ко мне пришел Стрепков и сел тоже за переписывание вопросов. Зашел Шмек и предложил съесть с ним хлеба со сливочным маслом (вчера Пацуле прислали посылку). Поели.

Науменко сколотил коллектив человек на 8 для встречи Нового года. Я предложил ему наши кандидатуры. Решили сбрасываться по 3 руб. Ок. 15 ч. я, Науменко и Стрепков пошли с портфелями за покупками. Доехали троллейбусом до Театральной. Там прямо на улице продавали вино. Взяли шесть бутылок «Варнь» и одну «Тырново» (по настоянию Стрепкова). На закуску взяли 1,5 кг сосисек, три банки салата, две буханки хлеба. Когда вернулись в общежитие, встретил там Лопатюка. Съел у него в комнате несколько яблок и сообщил ему о наших планах. Он решил тоже участвовать и сдал 3 руб.

Решили, что спиртного куплено слишком мало. Сбросились еще по 50 коп. на вино.

В ожидании начала мероприятия слушал в комнате магнитофон, читал Цвейга. За окном была совсем не предновогодняя погода – было тепло, текли ручьи, снег

почти полностью сошел. Ок. 21 ч. начали готовиться к торжеству. Я погладил свою ярко-розовую польскую рубашку, но Сляднев сказал, что она не подходит под мой новый серый костюм и предложил свою белую нейлоновую рубашку. В рубашке не было запонок и никто не мог мне предложить лишние. Гельзим давал мне свои, но они были золотые, и я не рискнул их принять. Решили, что Лопатюк оденет зеленую водолазку и отдаст мне свои запонки и светлый галстук.

Я оделся и решил перекусить в буфете. Лопатюк пошел со мной и угостил меня ситром с печеньем. На 5 этаже встретили страдающего Князя. У него болел зуб, верхняя губа на палец выдавалась над нижней, лицо опухло аж до глаз. Чтобы что-либо съесть, он откидывал голову назад, открывал рот и бросал в него кусочки.

В 22.30 ч. сели за стол. Участвовали: я, Лопатюк, Стрепков, Гаврилюк, Науменко с младшим братом, Федорко, Сурков, Сляднев, Шмек, Коля Чудный. Заходили Гребенюк и Гриша, но не остались – Гриша был приглашен женщинами в 106-ю комнату, Гребенюк тоже куда-то. Уже после 23 ч. к нам присоединился Кот, принесший с собой бутылку «Шампанского», бутылку домашнего вина и огурцов. До 24 ч. выпили трижды где-то по полстакана вина. За 2-3 минуты до 24 ч. Сурков открыл «Шампанское» и разлил его. Стоя прослушали гимн, кричали «ура». Выпили за Новый год и пошли в зал на танцы. Вскоре меня нашел Гриша и предложил выпить в 34-й комнате. Там были Ващук, Бескоровайная, немного выздоровевший Князь. Граф отключился и спал одетым на чьей-то кровати. Выпили вина. Князь предлагал водку, но я отказался. В комнату ввалились Яковенко, Люся и еще кто-то. Вдруг Ващук стала истерично кричать: «Идите все вон! Ой, надоело мне все это! Надоело!» Смотрелось это дико. Мы пошли на танцы. Некоторое время я пообщался с Бескоровайной и решил пойти к себе спать.

1971 год

21 января (четверг)

Экзамен по немецкому наша группа (Краковской) сдавала на 6-м этаже. Возле стенда эконоффака стояла Морозко, которая сообщила мне, что никто еще не сдал. Пришла Иванченко, потом Леся, Хрисолури. Мы сели в свободной аудитории и стали ждать тех, кто уже зашел на экзамен. Я спустился на 5-й этаж. Там сдавали наши англичане и немцы из группы Сирик. Шмек попросил меня, чтобы я собрал с наших немцев по 3 руб. на свадьбу Петра Иваныча. Но ни у кого не было денег. Вскоре вышел Гриша. Получил он «4» («полетела» его повышенная стипендия). Вышел Носов с «4», и я пошел сдавать. Текст я перевел не совсем блестяще. Краковская предложила пересказать по-немецки тему «Unsere Heimat». Я начал рассказывать не уверенно. Она меня прервала и предложила прореферировать текст про Анжелу Дэвис. Я уговорил ее пересказать текст по-русски. Краковская поставила мне оценку, я был уверен, что это была «4», но уже в коридоре увидел, что это была «5».

На 5-м этаже Гриша уже сколотил коллектив для похода в кино «Последняя реликвия», которое шло в «Украине». В коллектив вошли: я, Гриша, Наumenко, Гаврилюк, Яковенко, Яценко, Леся, Люся, Иванченко, Костянецкая, Васильева. После фильма в общежитие со мной ехали Наumenко, Гаврилюк и Яковенко.

В общежитии Колонтаевский собирал коллектив для пьянки. Я сдал ему 2 руб. Договорились, что те, кто вытянет две горелые спички, готовят закуску, две половинки — бегут в магазин за спиртным. Я вытянул целую, пошел в свою комнату читать Стендаля. Через некоторое время Колонтаевский дал мне 24 коп. и поручил купить в столовой огурцов. Я добавил 20 коп. своих, в компании Гриши сходил в столовую и купил 4 порции огурцов.

Мероприятие проходило в 209-й комнате (Лопатюка и Петра Иваныча), участвовали 13 чел., чисто мужской коллектив. Сначала выпили за Петину свадьбу. Пили только водку, между тостами беседовали, пели, слушали музыку. Колонтаевский предложил сброситься еще по 1 руб., но ни у кого не было денег. Ок. 21 ч. мероприятие закончилось. Позже попрощался с Гарькавцом, Сутковым, Коваленко, которые уезжали домой на каникулы. Леша уехал еще раньше и забрал зубную пасту, так что я лег спать, не почистив зубы.

8 февраля (понедельник)

На 1-й паре должна была быть история Азии и Африки, но ее заменили новой историей, которую в этом семестре нам будет читать Кабачок. На 2-й паре была педагогика. Вместо 3-й пары Юрий Григорьевич минут 7 поговорил о том, что будет изучаться по Азии и Африке и отпустил нас. Петр Иваныч предложил нам в 16 ч. отпраздновать в его комнате его женитьбу. До этого я, Гриша, Пацула, Науменко, Дацько, Морозко, Ященко решили сходить в «Украину» на фильм «Чемпион». Перед кино пообедали в вареничной. На фильме с нашего курса было человек 20-25.

После фильма поехали в общежитие на пьянку. Пили спирт. Я за 3 захода выпил ок. 150 гр. Решил этим ограничиться. Остальные сбросились еще, пили водку, а потом и вино. Мне предлагали присоединиться, но я держался стойко. Лег спать ок. 23.30 ч.

22 февраля (понедельник)

После 3-й пары пошел на комсомольское собрание курса. Проходило оно в Большой химической аудитории, при участии Гарчева. Массам вздумалось вместе с Гришей и Гаврилюком избрать в президиум и меня. В повестке дня было два вопроса: итоги зимней сессии и ход Ленинского

зачета. Я слова не брал, только с умным видом слушал выступавших. Собрание закончилось в 14.45 ч.

В общежитие добирался вместе со Шмеком и Гарькавцом. Недалеко от троллейбусной остановки продавали яблоки. Гарькавец положил одно яблоко на весы и спросил, сколько оно стоит. Торговавшая женщина сказала, что 7 коп. «Плати», – сказал мне Гарькавец. Я глянул на землю и увидел возле своих ног 10 коп. Со спокойным видом я их поднял и дал продавщице. Но тут подошла женщина и сказала, что это она потеряла 10 коп. Пришлось нам уходить без яблока.

В общежитии после обеда я сдал 6 руб. (за себя и Гришу) на намечавшуюся вечером грандиозную пьянку по случаю Дня Советской Армии.

Торжество началось ок. 19 ч. в читалке на 5-м этаже. Участвовали: я, Колонтаевский, Б. С., Шмек, Князь, Гриша, Граф, Сутовой, Гарькавец, Чудный, Сурков, Петр Иванович. Чуть позже с бутылками подошли: Леша, Свистюла, Сляднев, Пацула, Гребенюк (без бутылки). Пили водку, самогон, в конце спирт. В перерывах спорили, пели под управлением Гриши и Колонтаевского. У меня впервые в жизни начало двоиться в глазах. Я громко удивлялся: «Пацула двоится! Никто не двоится, а Пацула двоится!». Сляднев встал и совершенно официально заявил, что 7-8 марта он будет играть свадьбу в своем родном Терпении (близ Мелитополя). В конце пьянки мне «поплохело», я был вынужден покинуть коллектив и отправился спать.

23 февраля (вторник)

Проснулся ок. 8 ч., чувствовал себя ужасно плохо. Ок. 9 ч. проснулся Леша и сказал, что он вчера здорово напился и не помнит, как он добрался в нашу комнату: сам или его кто-то привел.

Я зашел в комнату к Слядневу. Он рассказал, что ночью нашел Лешу на лестнице между 3-м и 4-м этажами

и отвел его в нашу комнату. Шмек и Гарькавец собрали пустые бутылки, сдали их (более чем на 5 руб.) и закупили пива. Мне после вчерашнего не хотелось ни есть, ни пить. Не осилил даже бутылку пива. Беседовали в комнате Сляднева, вспоминали вчерашнее: как Гребенюк пел с вилкой от магнитофона вместо микрофона, а Князь танцевал под его пение. Потом все пошли кататься на каток, а я вышел подышать свежим воздухом.

После обеда зашел в 200-ю комнату. Там сидели Колонтаевский, Сурков, Князь, Граф, Б. С. Последний на спор с Колонтаевским выпил бутылку самогона и запил его пивом. Все стали ждать результата. Он включился в игру в карты. Вскоре обозвал меня Сережей Скворцовым, почувствовал себя плохо, выскочил в коридор и был вынужден там «похвастаться закуской» до того, как уйти к себе спать.

Вскоре мы слышали в коридоре грохот и крики: какой-то вьетнамец поскользнулся на сале, извергнутом Б. С., и не вполне мягко приземлился на пол.

Вечером пришедший из университета Гельзим рассказал, что Алеше вчера было плохо и он вырвал в форточку (я еще с утра заметил, что стекла нашего окна в каких-то потеках, а на подоконнике лежат куски сала, но думал, что это арабы что-то неудачно вылили в форточку).

В 106-й комнате женщины затевали очередную пьянку. Мы с Гарькавцом отказались от их приглашения и заявили, что идем на танцы в 11-е общежитие. Яковенко обиделась и назвала нас «скотами». В 11-е нас не пустили, мы вернулись в свое общежитие и решили пойти в 106-ю. Взяли с собой газеты, чтобы на коленях просить прощения. На мероприятии присутствовал Гарчев³⁰, хотя его

---

³⁰ Преподавателям приходилось дежурить и в общежитии. Дежурили и ночью, причем без предоставления места для сна. Когда я стал преподавателем факультета, мне тоже приходилось ночевать в общежитии. Ночевать я просился к С. А. Наумову, которому с женой была выделена в студенческом общежитии отдельная комната.

никто и не приглашал. Было скучновато. Потом перешли в 194-ю комнату и начали танцевать. Ок. 22 ч. Гарчев ушел. Массы избрали В. Гриб «королевой бала» за то, что ее дважды пригласил на танец Гарчев, и предрекали, что теперь она без труда получит у Гарчева «4» по экзамену. Танцы продолжались до 24 ч.

5 марта (пятница)

На семинаре по политэкономии пришлось сделать небольшое выступление. Собирал по 3 руб. на подарок Слядневу с тех, кто поедет к нему на свадьбу. До 16 ч. занимался в читалке по теме образования СССР. Пешком пришел в общежитие. Начал заниматься с гантелями, но после трех упражнений пришел слепой товарищ с 1 курса, открыл настежь форточку и начал топать. Пришлось смириться с действительностью и удалиться.

Пришел Гриша, я с Лешей пошел в читальный зал на 2-м этаже готовить зал к торжеству (на 19 ч. был назначен вечер, посвященный 8 Марта). Расставлял рюмки на столах, открывал бутылки вина. Сходил в комнату переодеться и опять спустился на 2-й этаж. Там уже собрался народ. Никак не могли дожидаться, когда соберутся все женщины. Наконец, все были в сборе.

Присутствовало ок. 40 чел. Гриша пригласил всех к столам. Б. С. провозгласил речь-тост. Пили стоя, чтобы сразу после этого начать танцевать. Танцы чередовались с подходами к столам. Где-то через полчаса после начала праздника зашел еще не женатый Сляднев. К нему сразу подскочила группа «орлов» и бросились его качать. Потолок в зале был низкий и после первого же подбрасывания Сляднев здорово ударился об него головой. Качать сразу перестали. Сляднев еле стоял на ногах, на лбу у него был хороший след от удара, но, благо, его можно было прикрыть волосами – а то хороший бы у него был вид на свадьбе. Я танцевал с Лесей, Талиной Борисовной, Люсей,

Бескоровайной. Лопатюк – с Аллой Репало (позже он сказал мне, что Алла – это женщина: «Візьмеш в руки маеш вещь»). Кота околдовала Яковенко – он от нее не отходил ни на шаг. Где-то в середине танцев Б. С. грубо оторвал Зою Лосеву от танцевавшего с ней Стрепкова и вывел ее из зала. Это вызвало небольшой переполох. Танцевали сначала со светом, потом – без. Минут 20 пели песни.

Я, Гриша и Гребенюк поднялись в нашу комнату и выпили бутылку вина, которую принес Гриша.

После песен опять начали танцевать. Гребенюк пригласил на танец Ващук. Она ему отказала. Он довольно громко, так, что было слышно сквозь музыку, дважды сказал: «Собака». Ващук размахнулась и ладонью ударила его в грудь. Удар, как мне показалось, был не очень сильный, но Гребенюк грохнулся на стоявшие сзади него стулья.

Во сколько я ушел с этого торжества, не знаю, т. к. за временем не следил, но 24 ч., наверное, еще не было. Зашел к Лопатюку, напомнил ему, чтобы он разбудил меня утром, и пошел спать.

6 марта (суббота)

На семинаре по истории Украины сделал выступление, но его прервал звонок. 3-й пары не было, т. к. университет опечатавали с 12 ч. Товарищи хотели послать меня за подарком для Сляднева, но я отказался, сославшись на то, что я сегодня именинник, и отдал деньги Шмеку и Сутковому. Пообедал в столовой общежития в компании Лопатюка.

К 16 ч. был готов к поездке на свадьбу. Князь и Гриша поехали на вокзал за билетом для Гриши. Я с Котом и Гарькавцом ждал остальных у входа в общежитие. Граф и Ващук почему-то задержались. Из общежития вышли: я, Карпов, Гарькавец, Сутковой, Шмек, Кот. На остановке Карпов встретил свою невесту-химичку и неожиданно

заявил, что на свадьбу не едет. Билет на него был уже куплен и теперь надо было, чтобы Гриша не купил билет на себя на вокзале. Гарькавец остался ждать 44-й автобус, а мы поехали на вокзал троллейбусом.

На вокзале были ок. 17 ч. (наш поезд отправлялся в 17.30). Сразу пошли к кассам, надеясь найти там Князя и Гришу. Их там не было. Я пошел искать их на платформу, а остальные остались возле касс. На платформе был только Гаврилюк – он выехал из общежития раньше всех, чтобы послать поздравительную телеграмму своей невесте. Я пошел назад к кассам и по пути встретил Графа, Ващук, Князя, Гарькавца и Гришу. Они ели пирожки и уже знали о билете Карпова. После этого собрался вместе весь наш коллектив.

Гарькавец и Гриша взяли свои билеты и пошли в гастроном за спиртным. Остальные двинулись к поезду. На платформе возле Гаврилюка стояли Б. С. и Лосева, которые ехали тем же поездом (но в другом вагоне) до Запорожья. По пути к вагону Князь упал и вымазал руки. Б. С., у которого не было своего билета, взял билет у Князя, посадил в вагон Лосеву, разделся там и раздетый вышел и отдал билет Князю. В 17.30 ч. прибежали Гарькавец и Гриша. Они ничего не купили. У Гриши остановились часы, и они думали, что уже опоздали на поезд.

Отправились мы где-то в 17.35 ч. Сначала беседовали, потом немного поиграли в «дурака». Вскоре Князь и Гриша пошли в другой вагон «приставать к женщинам», захватив с собой карты.

В Лозовой Граф и Гриша выбежали из вагона и купили на собранные с коллектива деньги 3 бутылки вина. Когда они бежали назад, Гриша упал и ударился головой о землю. Потом он несколько раз рассказывал, что слышал, как в голове – «цок». В уничтожении вина принял участие и пришедший Б. С. Закусили половинкой хлеба, банкой тушенки и одной селедкой. Вилочек-ложек не было,

поэтому тушенку брали пробками от вина и крышкой от банки.

Часа за 1,5 до конца поездки пришел с картами Князь. Стали играть в «петуха» на удары по ушам. Мне досталось, наверное, больше всех. Всем нравились мои уши – говорили, что они созданы для того, чтобы по ним били картами.

В Мелитополь прибыли в 0 ч. 10 мин. На вокзале нас встретил Сляднев и посадил всех в два такси. В нашем, кроме водителя, ехали: я, Гриша, Шмек, Князь, Сутковой, Кот, Гарькавец. В Терпении зашли в дом Слядневых – довольно старый, с каким-то непривычным для меня деревянным потолком с выделяющимися бревнами. Сели за стол, выпили вина, перекусили. Меня, Шмека, Кота, Князя, Гришу и Суткового Сляднев отвел в соседний дом к своим родственникам, а Гаврилюка, Гарькавца, Графа и Ващук куда-то в другое место. Я лег спать на одной кровати со Шмеком. Еще около часа все болтали, смеялись, не спали.

7 марта (воскресенье)

Встали ок. 9 ч. и сели вшестером играть в «петуха». Занимались этим примерно до 11 ч. Затем нас позвали в дом к Слядневу. Сели за стол, начали праздновать. Сначала пили водку, а потом поставили самогон. Я выпил ок. 200 г водки, а потом пил вино. Периодически пели песни и кричали «молодым» – «Горько!».

В перерывах между посадками за стол танцевали под магнитофон на улице и в другой комнате. Я не особенно активничал. Женщин было меньше, чем мужчин. Кот, Сутковой и Гарькавец сумели наладить с местными невестами довольно тесный контакт.

Ок. 14 ч. Граф и Ващук почему-то поперлись на речку и провалились там под лед. Вернулись мокрые выше пояса, переоделись в сухое и пошли спать в наш дом. Во

время очередной посадки за стол Гриша обратил мое внимание на то, что мы с ним сушим своими спинами мокрые трусы Ващук, которые на спинки (двух!) наших стульев повесила, наверное, мать Сляднева.

Пить кончили ок. 21 ч. Пошли в свой дом. Кот, Гриша и Князь почему-то сразу легли спать, хотя мы со Шмеком и предлагали им сыграть в «петуха». Сутковой пошел провожать женщину и задержался. Мы со Шмеком начали играть, сидя на кровати. Пришел Сутковой и подключился к нам. Князь, услышав удары по ушам, не выдержал и тоже пришел к нам. Играли почти до 2 ч.

8 марта (понедельник)

Разбудила нас женщина-активистка, одевшая на голову капроновый чулок. Предупредила, что если мы не оденемся через полчаса, то нас по обычаю вымажут сажей. Мы оделись и сели играть в «петуха». Где-то через час слышали за окном крики – к нашему дому с криками шла толпа, наверное, с намерением мазать нас сажей. Я бросился закрывать на ключ входную дверь, но не успел. Толпа ворвалась в дом, мы пытались держать дверь комнаты, но не выдержали натиска. Мы с Гришей сумели выскочить в коридор, одели туфли и выбежали во двор. Остальные почему-то задержались. Мы думали, что их уже мажут сажей, но вскоре они вышли – чистые.

Пошли в дом к Слядневу, но там только ставили яства на стол. Вернулись в свой дом, с полчаса поиграли и потом пошли на пир. Водки уже не было, пришлось пить самогон. Женщин почти не было, так что не танцевали. В перерывах пели под аккомпанемент Кота на баяне. По предложению Кота я ушел в наш дом, чтобы немного поспать, вскоре туда пришел и Сутковой. Я уже начал засыпать, но в доме собрался весь коллектив и опять началась игра. Граф здорово набрался, несколько раз пытался жульничать, но я разоблачал его, т. к. сидел рядом

с ним и видел все его действия с картами. Это его разозлило и он начал кричать, что если будет меня бить по ушам, то убьет. Часто кричал на всех, включая Ващук: «Молчать, салага!».

Ок. 17.30 ч. сели за стол. Сидели до 19 ч., пили самогон, пели песни. Граф все обещал меня убить и усиленно пил. В 19 ч. с песнями пошли на автобусную остановку. Мы с Князем несли весьма тяжелую сумку. В автобусе Шмек громко разговаривал по-немецки. Граф отключился и мирно спал. К Грише прицепился какой-то местный молодой человек, назревала драка, но Сляднев всех помирил. В Мелитополе ждали городской автобус, чтобы доехать до вокзала. Пели на остановке песни. Особенно выделялся Граф, который еле стоял на ногах. На вокзал приехали в 20.50 ч. Сдали Слядневу студенческие. Он купил билеты в 8-й и 9-й вагоны.

В поезде до Запорожья я играл в «дурака» со Шмекком, Гаврилюком и Таськой – землячкой Сляднева, которая учится в ХПИ и ехала в Харьков. В Запорожье Граф вышел, я увидел в окно, что он пошел без шапки. Позже Сутковой рассказал, что Граф хотел, чтобы с ним вышла и Ващук. Она отказалась. Он пытался ее вытащить, но проводник вытолкнул его из вагона. Граф побежал за отправившимся поездом, упал и чуть не попал под колеса.

После Запорожья Гаврилюк лег спать. Гриша, Шмек, Князь, Сутковой пошли в тамбур выпить самогона. Я отказался. Потом я, Шмек, Сутковой и Князь стали играть в «петуха». Шмека разобрало, он громко кричал. Мне не везло, моим ушам здорово досталось от всех, включая Шмека, который спяну иногда бил меня по голове не картами, а рукой. Ок. 2 ч. Князь пошел спать. Мы продолжили игру втроем. В 2.30 ч. всех в вагоне разбудили, т. к. поезд прибывал в Харьков.

В Харькове к такси была большая очередь. Сляднев договорился с водителем почтового фургона. Мы сели в него

все, кроме Гриши и Кота, которым нужно было ехать на Новые дома. Ок. 4 ч. прибыли в общежитие.

10 марта (среда)

На 3-й паре на спецкурс не пошел – решили с Гришей пойти на фильм «Слуги дьявола». У Гриши спецкурса не было, но ему пришлось перетаскивать книги на кафедре. Я его сначала ждал возле раздевалки, а потом пошел ему на помощь. В процессе переноски положил Стрепкову в портфель три старых дипломных работы. Стрепков решил к нам присоединиться. В 1-м Комсомольском билеты купить не удалось. Пообедали в столовой возле банка (мне это удовольствие обошлось в 84 коп.) и пошли в «Москву» на тот же фильм. Там в очереди стояла Перепелица из 5 курса (я с ней ездил в Польшу), я стал возле нее и купил билеты на сеанс в 14.15 ч.

После фильма поехал в общежитие. С 17 до 18.30 ч. занимался с гирей. Заспорил с подошедшим Слядневым, что он не вырвет 2-пудовую гирю 22 раза правой и 15 раз левой рукой. Правой он вырвал, а левой не смог.

Сляднев предложил мне сжарить картошки и яиц и этим поужинать. Финансовое положение мое было неважное и я с радостью принял предложение. На кухне супруги Колонтаевские угостили нас остатками ухи. На картошку Сляднев побежал звать жену. Бегал он долго и я приступил без них, а они потом присоединились ко мне.

22 марта (понедельник)

Лопатюк разбудил меня на 1-ю пару, а сам решил на нее не идти. Леша в общежитии не ночевал, так что в университет я шел один. На семинаре по новой и новейшей истории выступил не блестяще. Чернскутов поставил мне «4».

После обеда зашел в партком и написал заявление в стройотряд (Гриша хочет сколотить коллектив в Тюмень).

После этого пошел в читалку, но там не было мест. Спустился на 4-й этаж и подготовился к семинару на кафедре истории СССР. Потом опять поднялся в читалку и занял место Гриши, т. к. он куда-то ушел.

В 16 ч. отправился в общежитие. В раздевалке выяснилось, что кто-то подменил мою шапку. Меня это не очень расстроило, т. к. моя была такая же старая, облезлая и грязная. Новая шапка даже больше подходила мне по размеру, но у нее был не пришит козырек и все время падал на глаза.

В общежитии с 17 до 18.30 ч. занимался с гирей. Петр Иваныч решил в дальнейшем заниматься вместе со мной. Я высказал сомнение в серьезности его намеренностей. Заспорили с ним на бутылку коньяка (отдавать после стройотряда), что он не выдержит и хоть раз пропустит тренировку. Свидетелем спора был Шмек.

Вечером, после ужина, проходил мимо кухни и увидел в ней Сляднева, согбенного над сковородкой. Я зашел на кухню и сказал ему в присутствии его жены: «Ну, Сляднев, женился на своей голове. Теперь из кухни не вылезает». Его супруга «возникла» и наговорила мне дерзостей. В 21.30 ч. пошли с Лешей к Лопатюку чего-нибудь перекусить. Но Лопатюк уже спал и мы ушли ни с чем.

26 марта (пятница)

На семинаре по политэкономии от выступлений воздержался, т. к. совсем к нему не готовился. Среди масс ползли слухи о том, что Ветрова у нас забирают и Азию и Африку нам будет читать Ю. Г. На спецкурсе я всем сообщил эту новость. Женщины начали громко возмущаться. Федорко высказал предположение, что Ветрова «убрали» потому, что на кафедре Украины при сдаче Ленинского зачета его обозвали «ревизионистом». Кадеев заметил наше возбуждение и поинтересовался, чем оно вызвано.

Мы объяснили. Он сказал, что ничего такого не слышал, и пообещал навести справки в деканате.

Т. к. мы должны были сдавать Ленинский зачет, Кадеев отпустил нас раньше. Мы с Федорко пообедали и пришли на сдачу зачета. Никого из «начальства» не было. Сутовой предложил нам считать себя свободными и сдавшими зачет. Но женщины начали возмущаться, что они готовились, и требовали дать им выступить. Пришлось предоставить им эту возможность. За 15 минут они рассказали о работах Ленина «Марксизм и ревизионизм» и «Марксизм и реформизм».

Т. к. мест в читалке не было, пошел пешком в общежитие. В комнате у нас была мама Леша и его младшая сестра. Леша пришел сразу за мной. Мама привезла ему «харчи» и новый портфель. Леша отказался от портфеля, утверждая, что он явно женский. Мама начала возмущаться: как же так, у них в деревне все ходят с такими портфелями – и следовательно, и корреспондент, а ему не подходит. Но Леша не сдался. Вскоре Леша с гостями уехал на ХТЗ.

Я позанимался с гантелями, убрал в комнате, поужинал в столовой. В 21.40 ч. решили с Лопатюком еще перекусить. К нам присоединились Гребенюк и Сляднев. «Перекусон» состоял из яиц, сала и кипятка с сахаром.

27 марта (суббота)

На 1-ю пару (история СССР) пришло только 19 чел. Тычину это возмутило, но вопреки нашим ожиданиям лекцию он все же прочитал. На 3-й паре вместо Азии и Африки было источниковедение. Шерман почитал немного больше часа и отпустил нас. Поработал в читалке до 17 ч. и пошел в общежитие, договорившись со Стрепковым, что он в 19 ч. придет в общежитие, и мы пойдем на танцы в 11-е.

В общежитии поужинал с Лопатюком. Он ждал Лешу, который должен был купить билеты в цирк для своих родственников и для Лопатюка с невестой.

Леша пришел ок. 19 ч. и решил пойти со мной и пришедшим вскоре Стрепковым в 11-е общежитие. Зная, что туда не так просто прорваться через вахтершу, я предложил, чтобы первым шел Леша: у меня из-за кепки не очень солидный вид, а у Стрепкова слабые нервы и излишняя вспыльчивость. Но первым вырвался Стрепков, повздорил с вахтершей и испортил себе настроение. Решили пробиваться в 11-е через 11-А. В 11-А разделись в комнате у химика-футболиста, который в прошлом году жил в нашем общежитии. В 11-м пришлось ждать окончания концерта. Стрепков угостил нас в буфете сидром.

Танцы начались после 22 ч., мы оставались до их окончания. С трудом попали в 11-А, чтобы забрать свою одежду. Провели Стрепкова до остановки троллейбуса и пошли в свое общежитие. Там встретили на лестнице Шмека и Гарькавца, которые выглядели «малорадостными». Шмек сказал, что они приехали со свадьбы Крючкова и Зозули и уже успели подраться. На 5-м этаже встретили Сляднева, который сказал, что драка была в комнате Б. С., но подробностей не сообщил.

У нас в комнате собрался мощный арабский коллектив. Мы с Лешей решили съесть колбасу, которую ему привезла вчера мама. Нужно было добыть хлеба. Я пошел к Пацуле. По пути встретил подвыпившего Колонтаевского. Он сказал, что хлеб у него есть, но он будет нужен ему завтра утром. Добыл у Пацулы кусок черного хлеба и вернулся в комнату. К моему приходу арабы уже удалились. Вернувшийся Риад налил нам по пробке коньяка. Мы выпили, поели колбасы и легли спать ок. 1 ч.

28 марта (воскресенье)

Поскольку вечером Гельзим привел в нашу комнату какую-то женщину, я решил пройтись по общежитию. В расширителе занимались Карпов и Лопатюк. Карпов сообщил, что вчера Шмека и Гарькавца немного побил

Граф. По пути со свадьбы Крючкова в автобусе Гарькавец наклонился к Ващук, якобы, что-то ей сказать и поцеловал ее «в щечку». Ващук ударила Гарькавца, а потом то же сделал и Граф. Когда они приехали в общежитие, Шмек решил выяснить у Графа, за что тот ударил Гарькавца, и пришел к нему в комнату. Граф сидел на стуле, встал с него и ударил ним Шмека по голове. Как разворачивались события дальше, Карпов ясно не рассказал.

Пришел Леша и сообщил, что Гельзим сделал фотографии (дней 10 назад мы фотографировались в комнате). Мы пошли смотреть фотографии. Женщины в комнате уже не было. Ок. 22.30 ч. к нам зашел Лопатюк, мы с ним поболтали. Лопатюк ушел, предупредив, что завтра он на занятия не идет и будить нас не будет.

30 марта (вторник)

Первые две пары была тактика в поле. Вывезли нас за город и высадили возле дубового леса. Обошлось без инцидентов. В лесу собирали подснежники (Сляднев – для супруги). Когда садились в машину, чтобы ехать назад, вывели из себя Гребенюка. Он был недоволен тем, что некоторые товарищи, в частности, Мурзин, не хотят садиться вглубь машины и мешают садиться другим. Над ним стали подсмеиваться. Он разнервничался и раза 3 шпырнул Шмека стволом автомата, а Гарькавца ударил прикладом. Гарькавец обиделся, но драться не полез.

3–4 пары было автодело на Ленина, 20. Времени было мало, чтобы пообедать и не опоздать, я, Гриша, Крючков, Сляднев, Шмек, Леша бегом отправились в кафе «Янтарь» (впереди – Шмек). Прохожие обращали на нас внимание. В «Янтаре» была большая очередь. Леша отказался от идеи обеда и ушел. Я, как всегда, жевал медленнее всех, со мной остался только Сляднев. В итоге мы опоздали почти на час. Заремба возмущался, но Гриша объяснил ему, что людям нужно было пообедать.

После военки Стрепков предложил пойти в кино в «Харьков» на «Один из нас». К нам присоединились Гребенюк и Гриша. К кассам была приличная очередь. Мы со Стрепковым стали в нее, а Гребенюк и Гриша куда-то удалились, пообещав подойти к началу сеанса (в 16.30 ч.). Купив билеты, мы зашли в гастроном, Стрепков купил колбасы, сахара, молока. Фильм был неплохой, о шпионах в предвоенное время.

После фильма Стрепков от нас оторвался, а мы втроем пошли в общежитие. По пути обсуждали фильм, говорили о финансовых трудностях, о тех наших сокурсниках, которые уж больно прилежно учатся.

Поскольку мы с Лешей были дежурными по этажу, пришлось не раз общаться с проверяющими. После ужина сходили с Лешей в душ, потом уничтожили с ним последние яйца. В 22.30 ч. приступили к уборке коридора.

Сегодня начал свою работу 24-й съезд КПСС, а на военке нас с этим и не поздравили.

5 апреля (понедельник)

В конце моих занятий с гирей (ок. 18 ч.) ко мне подошел Б. С. и предложил сходить с ним (за его счет) на фильм в кинотеатр «Парк». Я согласился. Ок. 19 ч. я зашел за ним в его «резиденцию» на 2-м этаже³¹. Сели в автобус. Б. С. объявил, что у него «служебный». «У меня ... тоже» – сказал я, споткнувшись о ступеньку, хотя у меня, да, наверное, и у него его не было. Доехали до «Интуриста», а оттуда пошли пешком.

Выяснилось, что в «Парке» идет «Случай с Полыниным». К кассам стояла довольно большая очередь. Но

---

³¹ Под предлогом того, что он будет заниматься получением и распределением поступающей в общежитие периодики, Б. С. добился от коменданта общежития о выделении для него отдельной комнаты. Использовал он ее, конечно, не только для обработки периодики.

Б. С. зашел в кассы через служебный ход и через 2 минуты вернулся с билетами.

Т. к. до начала сеанса было ок. 30 мин., решили прогуляться к стадиону «Динамо». Там тренировались бегуны под руководством тренера-женщины. Б. С. подошел к ней, представился как корреспондент какой-то местной газеты и попросил ее рассказать о тренировке. Она ему поверила и стала давать интервью. Б. С. достал хорошо отточенный карандаш и блокнот. Внимательно слушал и делал какие-то пометки в блокноте.

Вернулись в парк. Я предложил посетить перед фильмом туалет. Таковой находился рядом с кинотеатром, но Б. С. повел меня в ресторан «Динамо», чтобы оформить это дело в нем. Мы сдали в раздевалку свои верхние одежды и зашли в туалет ресторана. Там Б. С. проинструктировал меня, что, когда мы выйдем из туалета, я должен ему сказать, что мы забыли куда-то зайти и поэтому придется поужинать в ресторане позже. Так мы и сделали.

Фильм мне не понравился. В общежитие шли пешком. По дороге Б. С. рассказывал о своей службе в армии, о том, как он чуть было не женился. Прибыли в общежитие ок. 22 ч.

21 апреля (среда)

На семинаре по политэкономии выступил, но не вполне успешно. После 1-й пары ко мне подошел Ярослав Вовк, член профбюро факультета, и сказал, чтобы я с Люсей и Рубаном решил, кого мы будем поселять в общежитие на следующий учебный год. Я зашел в деканат и взял у Лидии Федоровны папку со справками о материальном положении и составе семьи нашего курса³².

---

³² В общежитие поселяли студентов, родители которых имели невысокие доходы. Эти родители должны были представить справки о размере зарплат по месту работы. Такие справки сдавались в деканат, а там их брали профорги групп (в том числе я и Люся). Конечно,

После 3-й пары проходила защита курсовых работ на кафедре истории УССР. Я защитился успешно. В рецензии М. А. Литвиненко очень хвалила мою работу. Неудачной получилась защита Гарькавца. М. А. уличила его в том, что он ссылался на работы, которыми не пользовался. Гарькавец начал с ней спорить и очень разозлился. Закончилась защита уже после 17 ч. В итоге я, Морозко, Сутковой, Мурзин, Лосева получили «5», Шмек – «4», Гарькавцу поставили «пока» «3».

В общежитие добирался пешком со Шмеком и Гарькавцом. После ужина зашел к Струщенко, выиграл у него две партии в шахматы. Взял у Князя 3-й том «Капитала» и немного поконспектировал его. В 21.30 ч. ко мне в комнату зашла Люся. Я взял папку и мы пошли в 220-ю комнату к Рубану. Примерно к 22.30 составили список 28 чел., которых поселят в общежитие. Люся настаивала, чтобы в него включили Яковенко (она живет с ней в одной комнате и, наверное, подверглась «идеологической обработке»), но я, Лосева и Рубан с ней не согласились.

Когда я уже начал засыпать, в нашу комнату вторглись Люся и Яковенко и стали мне доказывать, что у Яковенко изменилось материальное положение и ей нужно дать общежитие. Я немного разозлился и сказал, что этот вопрос мы решим утром, а сейчас я хочу спать.

22 апреля (четверг)

После 2-й пары я объявил массам, что после 3-й пары будет зачитан список тех, кто будет жить в общежитии

обычно в справках размеры зарплат искажались в сторону уменьшения. На такие доходы прожить было не реально. Помню, что Стрепков, отец которого был офицером армии, принес справку, из которой следовало, что доходы в их семье составляют 120 руб. в месяц на человека. По сравнению со справками других наших сокурсников это было очень много. Я ему сразу заявил, что с такой справкой его в общежитие не поселят.

в следующем учебном году. Люся пыталась поднять вопрос о включении в список Яковенко, Гарькавец интересовался, включен ли в список он.

После 3-й пары я встал перед массами, сказал, что при составлении списка учитывалось материальное положение претендентов, о котором мы судили по справкам. Те, кто справок не предоставил и из-за этого не получил общежитие, пусть пеняют на себя. Потом я зачитал список. Ни Гарькавца, ни Яковенко в нем не было. Гарькавец возмущался и кричал, что он должен получить место.

В 15 ч. у нашей группы намечался коллоквиум по новой истории. Сляднев предложил после обеда прогуляться с ним по парку Шевченко. В разговоре осудили поведение Гарькавца и Яковенко. Сляднев сообщил, что в сентябре он станет отцом. На коллоквиуме присутствовало 13 чел. (из женщин – одна Нагорная). Выступать пришлось всем. Выступления были слабые, т. к., наверное, никто к коллоквиуму не готовился. Закончился коллоквиум ок. 17 ч.

В общежитие шел пешком с Лопатюком и Коваленко. Говорили о формальности существования комсомола и о плохих коммунистах. В общежитии ко мне зашел Гарькавец, немного покричал на меня, отметил, что мы плохо работаем (как будто он нам что-то платит за работу). После ужина пришел Князь с шахматами. Я проиграл ему две партии. Взял у него 3-й том «Капитала» и доконспектировал 9-ю главу. Зашел к Струщенко и сыграл с ним три партии в шахматы (2:1 в мою пользу).

7 мая (пятница)

После занятий (на спецкурсе слушали доклады Морозко и Веры Радзиевской) на 5-м этаже было собрание членов стройотряда. Гриша порадовал нас, что 20 или 21 мая мы 6 часов будем где-то грузить кирпич, а 29 мая будем работать на строительстве стадиона. После собрания в компании Сляднева пообедал в вареничной и пошел

заниматься на Университетскую. До 16 ч. готовился там к докладу, а потом поехал в общежитие.

Поздно вечером намечался отъезд на свадьбу Карпова. Ок. 20 ч. пришел Стрепков и мы с присоединившимися Гарькавцом и Лешей пошли в 11-е общежитие. В нем танцев не было, а в 11-А был концерт. До 22 ч. смотрели концерт. Выяснилось, что танцев не будет и здесь, и мы вернулись в свое общежитие. Леша предложил Князю сыграть в шахматы. Играли в комнате Князя. Леша быстро проиграл две партии.

Я вспомнил о поездке к Карпову и пошел к Сутковому, узнать, в каком поезде и вагоне мы будем ехать. Суткового дома не оказалось. Выяснилось, что Рубан тоже едет. Мы с ним нашли Суткового на темной лестнице. Оказалось, что едут еще Пацула и Петр Иванович. Пацула присоединился к Рубану, а я пошел к Петру Ивановичу. Он уже спал. Я его разбудил и приказал быстро одеваться. Из общежития мы вышли все же без Петра Ивановича: он сказал Сутковому, что догонит нас. К нам присоединились еще три или четыре женщины-химички (подружки будущей жены Карпова).

8 мая (суббота)

На вокзал добирались долго. Прибыли туда где-то в 0.40 ч. На вокзале наткнулись на Мурзина, Нагорную и Носова, которые тоже ехали на свадьбу. Поезд наш отправлялся в 1. 35 ч.

Ехали в общем вагоне. Было очень шумно и тесно. Вскоре после отправления Мурзин достал бутылку «Старки» и мы ее распили всем коллективом. Мурзин претендовал на роль «души компании», веселил всех всякими рассказами. Я предложил сыграть в «петуха». Откликнулись Сутковой, Петр Иванович и Пацула (вскоре выяснилось, что Пацула играть не умеет, и он лег спать на второй полке). Какое-то время с нами поиграла и одна из химичек — Галка. Играли на «ушки» в долг. Под утро решили играть

в «очко» на деньги. Мне здорово не везло. Я проиграл ок. 3 руб. Вышел в тамбур и думал о том, что теперь придется заимствовать деньги на обратный билет, а потом отдавать их со стипендии, а я и так уже должен 5 руб. Лопатюку. Вернулся в вагон.

Петру Иванычу везло, он выигрывал и хотел продолжать игру. Он предложил мне 1 руб. взаймы, чтобы я снова включился в игру. Я ухватился за возможность отыграться. В итоге я отыграл свои 3 руб. и отдал 1 руб. Петру Иванычу. Примерно за час до конца поездки мы прекратили игру.

Вышли из поезда на станции Белополье (районный центр в Сумской области). Сели в автобус и поехали в переполненном автобусе на автовокзал. Там ок. часа ждали автобус на Терещенки (родное село Карпова). Автобусом ехали ок. часа. Село было довольно глухое, без асфальта. Пошли к дому Карпова. Встретили его с велосипедом – он ехал в сельсовет договариваться об оформлении бракосочетания. Прибыли в дом Карпова ок. 10 ч.

Мне очень хотелось есть, но за стол нас пригласили где-то через час. Сразу подали самогон (у Сляднева вначале была водка). Мы с Петром Иванычем сели рядом, выпили по 2 стопки. Я определенно понравился теще Карпова, тете Жене, она заявила, что я уже пьяный и мне не нужно больше пить. На меня, действительно, подействовало выпитое (ночь не спал, на голодный желудок, в голову здорово пекло солнце – гуляли на улице), но я держался нормально.

Встали из-за стола, вошли в дом. Побрились. Петр Иваныч сказал, что не мешало бы сейчас поспать. Мы спросили у тети Жени, как бы нам это организовать. Она сказала, что сама здесь в гостях, но предложила залезть на печь, чтобы никто не знал, где мы, и там поспать. Мы залезли на печь, но вскоре пришла бабуля и сказала, что печь скоро будут топить. Тетя Женья предложила нам

расположиться на сене, на чердаке сарая. Она дала нам подушки и одеяло. На чердаке было жарковато от нагретшейся на солнце железной крыши, но все же мы несколько подремали.

Ок. 13 ч. пошли в сельсовет расписываться. Расписались, выпили «Шампанского». Назад шли с песнями и угощали вином встречавшихся стариков (активничали свидетели – Сутковой и женщина-химичка). Посидели за столом, сделали перерыв. Я, Сутковой и Петр Иванович поиграли на дровах возле болота в «петуха», в долг.

Когда начало темнеть, снова сели за стол. Я в этот присест выпил ок. 300 г самогона. Сутковой взялся спить Носова, но сам не выдержал темпа и уснул на прислоненной к дереву бороне. Носов упился. Он сидел на стуле с закрытыми глазами и плакал, сзади его придерживала Нагорная. Он, плача, громко говорил по слогам: «По..зо..ви..те.. Са..шу». Когда он услышал мой голос, то начал кричать, чтобы меня убрали, т. к. я плохой человек, я его не люблю, всегда над ним издеваюсь. Когда к нему обратилась тетя Женья, он начал кричать, что он не знает эту женщину, она чужая, пусть ее уберут. Носова пытались увести в дом, но он кричал, что там свет и ему стыдно показаться на свету в таком виде. Говорил, что это Сутковой, подлец, довел его до такого состояния. Петр Иванович очень радовался, что с Носовым случилась такая история, говорил, что мы с ним оказались самыми стойкими товарищами.

Начались танцы. Вскоре мы с Петром Ивановичем решили отойти к болоту. Рубан сказал нам, что Носов пошел топиться в болоте. Нас это заинтересовало. Носов стоял возле болота, но заявил, что топиться в нем не будет, т. к. там много лягушек, стал выяснять у меня, почему я его не люблю. Я решил отвести Суткового в дом. Он еле передвигал ноги и ничего не соображал. Петр Иванович помог мне, мы завели его в дом и положили на раскладушку. После этого я полез спать на чердак.

9 мая (воскресенье)

Спустились с чердака мы ок. 8 ч. Сели за стол. Петр Иваныч заявил, что пить спиртное не будет. Я к нему присоединился. В 9.15 ч. пошли на остановку автобуса. Ждали его и ехали в нем с песнями. Вышли недалеко от вокзала и пришли туда в 11.25 ч. Сутковой купил билеты на поезд, который отправлялся в 12.07 ч. Втроем (с Сутковым и Петром Иванычем) сели на лавочке на улице играть в «петуха».

Нам с Петром Иванычем достались билеты в 3-м вагоне. Людей в нем было очень много, негде было даже сесть. Вскоре пришел из 2-го вагона Сутковой и сказал, что в нем совсем свободно. Мы перешли туда и стали играть в «петуха». Потом нам это надоело и Сутковой предложил научить нас играть в преферанс. Мы согласились.

Игра оказалась сложной, а ученики из нас никудышные. Глядя на наше учение, смеялись все соседи в вагоне. Петр Иваныч окончательно расслабился и сидел как сонный. Он сказал, что эта игра не по нем, и пошел отдыхать. Мы с Сутковым соблазнили двух женщин и двух молодых людей на игру в «дурака». Играли долго, с двумя перерывами. Конечный счет – 20:20. После Люботина мы с Сутковым с участием одной из женщин и одним молодым человеком играли в «петуха».

По приезду в Харьков 25-м трамваем добрались в общежитие. Мы с Петром Иванычем несли сумку, в которой среди прочего был большой бутыль с самогоном. В общежитие прибыли в 19.30 ч. В моей комнате не было никого. Вскоре зашел Сляднев, я рассказал ему немного о свадьбе.

Петр Иваныч пригласил меня в душ. Побывавший уже там Сутковой сообщил, что в душе нет горячей воды. Тогда Петр Иваныч отказался от мытья, я пошел в душ один. Мылся недолго, т. к. поскользнулся и сильно ударился локтем правой руки о кафельный пол при падении.

Встретил Шмека и сказал ему о бутылки с самогоном. Он взял бутылку и отнес в 194-ю комнату.

В вагоне в карты с нами играла женщина, которая учится в институте культуры и живет в общежитии 16 по ул. О. Яроша, мы с Сутковым договорились с ней, что вечером зайдем в их общежитие на предмет посещения в перспективе тамошних танцев. Ок. 21 ч. мы с Сутковым отправились в это общежитие. Там выяснилось, что к этой женщине приехала сестра и она не может уделить нам внимание. Мы пошли в свое общежитие.

У входа в общежитие стояла Вапук. Она спросила, не хотим ли мы выпить «Шампанского». Вместе с подошедшим Лопатюком мы зашли в 34-ю комнату. Сутковой разлил «Шампанское» в большие стаканы, не спеша, мы его выпили и Сутковой ушел, сославшись на головную боль. Пришла Бескоровайная. Обиделась, что ей не оставили «Шампанского». Лопатюк принес свой проигрыватель и пластинки. Постепенно в комнату подошли Подгорная, Талина Борисовна, Пацула. Шмек и Граф пришли с бутылкой самогона. Пришлось участвовать в его уничтожении. Начались танцы под пластинки, с которых я ушел уже после 24 ч.

14 мая (пятница)

Гриша предложил мне сходить на фильм «Направление главного удара», в двух сериях, в «Украину» на сеанс в 16 ч. Я решил, что фильм этот посмотреть нужно, и согласился, хоть это и приведет к пропуску занятий с гирей, заберет много времени и денег (если учесть мое нынешнее финансовое положение, то рубль – это много).

На одном из перерывов ко мне подошел Ярослав Вовк и сказал, что после лекций нужно будет зайти к декану по поводу заселения в общежитие. После спецкурса я пришел в деканат. Там уже начали. Сначала списки кандидатов прочитал декан и поставил птички против

фамилий тех товарищей, пребывание в общежитии которых было не очень желательным. Он сразу заявил, что Гребенюк, Шмек и Граф общежития не получают, против фамилий Ващук и Ходус поставил птички. Затем он ушел. Утверждал списки Ю. Г. Он решил, что Гребенюк не будет иметь места в общежитии до окончания университета, Шмек и Граф лишаются этого удовольствия на год. Ващук я отстоял, он согласился дать ей общежитие. Ходус было категорически отказано. Защищала ее в основном Люся, т. к. она ее подруга и живут они в одной комнате. Люся просила меня поддержать ее. Я сказал несколько слов, без особой охоты, но это ничего не дало. Ходус общежития не дали и предложили нам до понедельника решить, кто из наших сокурсников будет жить в общежитии вместо нее.

Вовк поднял вопрос о возможности поездки провинившихся, в частности, Гребенюка, Графа и Шмека, в стройотряд. Он считал, что их следует лишить этого права. Я сказал, что людям нужно дать возможность заработать денег, чтобы на что-то жить. Этим я вызвал недовольство Ю. Г. Все же он позволил им ехать. С этим мы покинули деканат.

Возле раздевалки сидели Гребенюк и Граф. Я рассказал им о прошедших разговорах. Гриша зачем-то хотел пообщаться с Ю. Г. Я подождал, пока он его нашел и поговорил с ним. Вышли из университета после 15 ч. Купили билеты и пошли на Рымарскую в обувную мастерскую. Гриша хотел забрать свои туфли, которые он давно уже сдал в ремонт. Там была большая очередь и мы ушли в кино. Перед сеансом Гриша угостил меня мороженым. Фильм мне почти совсем не понравился. После сеанса Гриша остался в университете, а я пешком добрался в общежитие.

Пужинал в столовой, взял у Карпова «Империализм как высшая стадия капитализма» и законспектировал нужные разделы. Пришел Князь и предложил поиграть в «петуха». Я соблазнил на это дело Струщенко. Но ни

Гарькавца, ни Суткового, у которых были карты, не оказалось дома. Мероприятие сорвалось. Зашел к Лопатюку, послушал у него пластинки, выпил 2 или 3 яйца. Лег спать ок. 23 ч.

16 мая (воскресенье)

По пути из дома в общежитие купил половинку черного хлеба и мороженого, т. к. поужинать в столовой я уже не успевал. Поужинал сырыми яйцами и чаем.

Зашел в комнату Струщенко. Там Струщенко, Князь, Сутковой и Сляднев играли в «петуха». Пригласили и меня. Я согласился, но с условием, что играть будем до 24 ч. Сначала играли у Струщенко, потом перешли к Сутковому. Там перекусили салом и перешли в нашу комнату (Леша куда-то забежал и дома не ночевал). Меня били не много. Один раз я вытащил вальта, что означало амнистию. Сыграли мы не менее 10 раз и все разы били Сляднева и Струщенко. Сляднев принимал это близко к сердцу. Кончили мы играть уже после 24 ч. В последний раз выиграл Сутковой. В то время как он бил Сляднева, Князь бил Струщенко. Это было веселое зрелище. В заключение я ударил 9 раз выигравшего Суткового, т. к. он был у меня в долгу.

Завтра на 1-ю пару (новая история) решил не идти, т. к. это будет последний семинар, а у меня нет ни одного пропуска и ни одной «2».

21 мая (пятница)

На спецкурсе я настроился выступать с докладом, но Кадеев решил сначала принять у нас зачет и дал каждому по вопросу. Мне пришлось отвечать вторым – после Федорко, о сборниках греческих надписей. Ответил я довольно свободно. Кадеев поставил зачет всем присутствовавшим, кроме Яценко, которая расплакалась, совсем как дитя, и отказалась отвечать. После этого перешли

к заслушиванию докладов. Кадеев спешил на ученый совет и дал каждому на доклад не более 15 минут (кроме меня, выступали Ира Сабельникова и Лида Васильева). Я не читал с листов, а решил пересказать текст доклада «без бумажки». Вышло не очень удачно, несколько раз терял нить рассказа. Но у Кадеева вопросов ко мне возникло и в заключительном слове никаких замечаний по моему докладу он не высказал.

После спецкурса я пошел к кафедре новой и новейшей истории и нашел там Кота и Лопатюка, с которыми я должен был с 16 ч. работать на 2-м кирпичном заводе для нужд стройотряда. Решили пойти в общежитие и оттуда выдвигаться к месту работы. Пообедали в столовой у кафе «Янтарь». Лопатюк остался недовольным обедом и резко высказывал это свое недовольство.

В общежитии я зашел в комнату Струщенко. Он играл в шахматы с Лешей (они оба тоже должны были работать с нами). Леша выиграл и вышел. Я сыграл со Струщенко в шашки и тоже выиграл у него.

В 15.10 ч. впятером вышли из общежития и трамваем доехали до Благовещенского рынка. По пути была проверка билетов, но мы вовремя заметили контролеров и приобрели билеты³³.

На рынке минут 20 пришлось ждать автобус. Меня поразило обилие на рынке пьяных, нищих, калек. На Конном такого нет. С помощью автобуса добрались на кирпичный завод в районе Сортировки. Тамошний начальник сказал, что работа будет с понедельника, а сегодня мы можем считать себя свободными. После этого Леша поехал к своим друзьям на ХТЗ, а я вернулся в общежитие в компании Струщенко.

---

³³ В те времена проезд в трамвае стоил 3 коп., в троллейбусе – 4, в автобусе – 5, но наши доходы были настолько низкие, что мы всегда стремились проехать без билета. Приобрести билет можно было в находившихся в вагоне автоматах.

После ужина пошел к Струщенко играть в шахматы. Первую партию я у него выиграл. Во второй партии я провел пешку, но он сказал, что колья у меня целые все ладьи и ферзь, эту пешку нельзя ни на что менять. Волин и Пацула сказали, что пешку можно менять на что угодно, но он стоял на своем. Я не стал с ним спорить и снял эту пешку (он говорил, что теперь она «вне игры»). Эту партию я ему проиграл. После этого готовился в читалке к зачету по новой истории, который будет в понедельник.

24 мая (понедельник)

На 1-й паре Кабачок объявил, что зачет будет принимать с 15 ч. На 2-й паре была педагогика. На нее мало кто пришел, а пришедшие занимались подготовкой к зачету по новой истории. Я успел на ней просмотреть вопросы по 2-му Интернационалу и странам Латинской Америки. На 3-й паре была история УССР. Массовость и на ней была слабая. После этой пары я пообедал в подвале и пошел в читалку (место там я занял еще после 2-й пары).

В 14.30 ч. библиотекари устроили проветривание зала и попросили всех покинуть помещение. Пришел Гриша и сказал, что Кабачок уже начал зачет. Он запустил 6 чел., куда-то удалился и те безбожно списывают. Я, Каминский, Пацула и др. побежали на кафедру новой и новейшей истории. Действительно, на кафедре уже сидели Карпов, Сутковой, Мурзин, Сляднев, Крючков и Нагорная, а Кабачка не было. Но потом выяснилось, что зачет еще не начался и они сидят в ожидании Кабачка.

Ок. 15.10 ч. пришел Кабачок с маленьким сыном. Он оставил Карпова, Сляднева и Суткового и начал принимать зачет. Первым после долгого ожидания вышел Карпов, сказал, что сдал благодаря списыванию. Саша Власовский время от времени подглядывал в дверь. Кабачок после его очередного заглядывания вышел из кафедры. Власовский убежал наверх. Кабачок спросил, кто это

заглядывает – все молчали. Тогда он дал Носову деньги и попросил купить ему сигарет. Все начали кричать, что теперь Носову зачет гарантирован.

Ок. 16.30 ч. Каминский предложил мне прогуляться по свежему воздуху. Т. к. до моей очереди было еще много времени (в списке я был 12-м), я согласился. Прогулялись аж до «1-го Комсомольского» и вернулись в университет.

Заходить должен был Носов, но он увидел, что ему придется сидеть сразу за отвечающим, т. е. близко от Кабачка, и предложил мне поменяться очередью. Я зашел с портфелем, в котором был учебник, а в карман положил блокнот со «шпорами». Кабачок предложил отложить портфель подальше и готовиться с ручкой и бумагой. В качестве бумаги я взял блокнот. С его помощью я подготовил доставшиеся мне вопросы и стал слушать отвечающих передо мной.

Успешно сдав зачет, я отдал блокнот Князю. Позже в парке я встретил прогуливавшихся там, но еще не сдавших зачет, Колонтаевского и Гаврилюка. Они рассказали, что Носов, сдав зачет, на радостях так побежал вниз по лестнице, что не вписался в поворот и разбил ногой окно. Я прошелся с ними до «Украины», а потом мы пошли в университет.

Вышел с зачетом Каминский. Когда он заходил, то положил себе за пазуху (будучи в одной нейлоновой рубашке) учебник (более 700 страниц!) и Кабачок ничего не заметил. Он сел и, чтобы достать учебник, расстегнул брюки. В это время Пацула никак не мог один повесить карту. Если бы Кабачок предложил Каминскому помочь ему, получилась бы веселая история. Но все обошлось. В итоге Кабачок «погнал» только Петра Иваныча, Крюкова, Гарькавца, Гребенюка.

Я дождался сдачи зачета Князем и пошел с ним в общежитие. По случаю сдачи зачета организовали «петуха». Играли до 1 ч. сначала у Струщенко, а потом у Сляднева.

Я ни разу не выиграл и ни разу не вытащил валета, так что мои уши здорово пострадали.

27 мая (четверг)

В университет шли пешком с участием Б. С. Он рассказал, что Хрисолури ударил вахтершу за то, что она не пускала его в общежитие, и теперь на следующий год общежития ему не дадут. Все 3 пары слушали Ветрова. Он и сам измучился, и нас измучил.

Вечером в общежитии смотрел по телевизору футбольный матч сборная клубов «Динамо» против сборной звезд мира (в честь последнего матча Льва Яшина), который закончился со счетом 2:2 (после первого тайма наши вели 2:0). Потом готовился к экзамену по источниковедению.

16 июня (среда)

Из-за предстоящего экзамена по Азии и Африке спал плохо и проснулся очень рано. Утром встретил возле лестницы Гаврилюка. Он попросил почитать ему материал по Турции. В читалке на 4-м этаже еще никого не было и я прочитал ему вслух 1,5 лекции. Затем пришел какой-то негр и нам пришлось прекратить чтение. Голова у меня очень болела, я взял графин и сходил к источнику за водой. Потом снова готовился. Ок. 12 ч. собрал у себя в комнате Лопатюка и Гаврилюка и почитал им лекции по Турции.

В 14 ч. вместе с Лопатюком и Князем пошел в университет. Князь шел с сумкой и чемоданом – сразу после экзамена собирался ехать домой. Он поехал троллейбусом, а мы пошли пешком, по пути пообедали в «Струмке». В университете записался в очередь к Ветрову (под девятым номером).

Первыми к Ветрову зашли Шмек, Князь и Б. С. Шмек вышел с «3», Князь – с «4». Потом Ветров, очень злой, почти

вытолкнул Б. С. и попросил зайти следующего. Зашел Лопатюк. Б. С. получил «3», он говорил, что плохо ответил только на один вопрос, но по поведению Ветрова можно было догадаться, что это не совсем так. Вскоре вышел с «3» Крючков и зашел я. Вопросы мне попались сложные, знал я их плоховато, но в итоге получил «5».

Я был первым представителем 1-й группы и хотел забрать у Ветрова ведомость, чтобы передать ее Грише, но Ветров³⁴ заявил, что все ведомости будут у него. Я нашел Гришу и проинформировал его о ведомости. В общежитие добирался в компании Леша, Петра Иваныча и Карпова. На Данилевского Петр Иваныч угостил нас квасом.

Нижневартовск-71

23 июня (среда)

Ок. 14 ч. пообедал в университетской столовке в подвале и поднялся на 4-й этаж, где Дацько и Зозуля ждали ушедшего на обед Тычину, которому они должны были сдавать экзамен по истории СССР. Поговорил с ними о том, как сдают экзамен другие представители 2-й группы.

Подошел Гриша и сказал, что он найдет еще троих и пошлет меня с ними в «Харкивьянку» за формой. Собрание стройотряда Гриша назначил на 15 ч., но к этому времени не собралось и половины членов стройотряда. Гриша повел меня, Суткового, Бажана и химика за формой. Полчаса мы просидели в ателье, но нужного нам мастера не оказалось на месте. Не дождавшись формы, мы

---

³⁴ Это был самый блестящий лектор за все годы моего студенчества. Основным местом его работы был, кажется, институт культуры, а на наш факультет его взяли на какую-то часть ставки. К лекциям он готовился очень основательно, не пересказывал текст учебников, позволял себе критически анализировать труды основоположников марксизма. Видимо, наши «стукачи» доложили об этом куда следует, и его с факультета убрали.

вернулись в университет. Ждали, пока закончится партсобрание, т. к. в нем участвовали некоторые члены нашего отряда. Я сыграл в шахматы со Струщенко и довольно быстро у него выиграл.

Гриша повел нас в аудиторию на 7-м этаже. Там он рассказал собравшимся, куда мы едем, когда, что нужно взять с собой. Потом он отправил 4 чел. за формой, а остальных попросил не расходиться. Я пошел вместе с посланными за формой, т. к. в их числе был Леша, а мы должны были с ним купить сувениры для наших арабов. Леша купил для Гельзима выступающего с броневика Ленина за 3 руб. 30 коп., а я для Рида – пепельницу с Южным вокзалом за 2 руб. 70 коп. Леша сразу после собрания намеревался ехать домой и попросил меня передать арабам привет от него.

Тем временем остальные получили форму в большом мешке с этикеткой «Ивах» и понесли в университет. Поднялись в аудиторию на 7-м этаже, но там никого не было. Пришел Витька Зиньковский (друг Гриши, который с нами не учился, но был включен Гришей в состав нашего отряда) и сказал, что нам нужно идти на утверждение к декану, а он побудет с формой.

Утверждение проходило на 4-м этаже в кабинете заведующего кафедрой истории УССР. Утверждали: декан, Шерман и Рубан. Когда мы пришли, декан кричал на Гришу за то, что он послал в качестве квартирьеров «двух пьяниц» – Шмека и Графа (Гриша сказал, что Граф тоже поехал в числе квартирьеров). Кричал декан довольно долго, а потом сказал, что в случае какого-либо происшествия Гриша покинет университет, а комиссар отряда³⁵ положит партбилет и тоже покинет университет.

---

³⁵ В каждом отряде был комиссар из числа студентов-коммунистов. Работал он наравне со всеми, но отвечал за морально-политический облик бойцов отряда. Предыдущим летом в нашем отряде в Мартовой комиссаром был Б. С.

Потом стали вызывать по списку членов отряда. Декан смотрел на них и бросал реплики. Когда вызвали меня, он сказал, что я от ветра переломлюсь. Я ответил, что не переломлюсь. Когда Гриша закончил читать список, декан попросил всех удалиться, а Гришу и комиссара остаться.

На 7-м этаже мы дождались Гришу, который занялся раздачей формы. Я взял себе 50-й размер, 3-й рост и пошел вниз с Лопатюком и Котом. Лопатюк решил поужинать на Московском проспекте и попросил меня отнести в общежитие его форму. Я сначала отказывался, а потом дал себя уговорить.

Вечером в общежитии сходил с Лопатюком в душ. После душа Лопатюк попросил меня зайти в 206-ю и взять у Коли Чудного проигрыватель. В 206-й Науменко и Федорко вздумали устроить пьянку и предложили мне принять в ней участие. Я сказал, что меня ждет Лопатюк. Тогда они сказали, чтобы я привел и Лопатюка. Пришлось нам выпить по стакану вина. До 23-50 говорили о сессии, потом мы с Лопатюком пошли спать. Вскоре после того, как я уснул, меня разбудил Гриша, сказал, что он не смог уехать домой и лег спать на кровать рядом со мной. Уснуть я никак не мог, вспомнил, что у Лопатюка в комнате есть свободная кровать (Петра Ивановича), пошел к нему и переночевал у него.

28 июня (понедельник)

К 14 ч. приехал на Южный вокзал. Из наших там был только В. Цяцко (2-й курс), который стоял возле почтамта, охраняя какие-то вещи. Он попросил меня постоять возле вещей, пока он пообедает. Когда он вернулся, я оставил возле него свой рюкзак и пошел обедать в столовую за вокзалом. Пообедав, зашел в парикмахерскую с намерением постричься наголо. Низенький старичок в парикмахерской радушно пригласил меня сесть в кресло, но, узнав, что я хочу стричься наголо (т. е. за 10 коп.),

сразу загрустил и стал уговаривать меня стричься под «демократку». Я согласился при условии, что он сделает мне кратчайшую стрижку. Он сразу ожил и принялся за работу.

Когда я вернулся к вещам, там уже собрался большой коллектив. С Лешей и Струщенко купили в киоске хлеб и сидро. Провожать своих отъезжающих «женихов» пришли Ващук, Зозуля, Яковенко, Леся, Репало, невеста Лопатюка.

Ок. 16 ч. все стройотрядовцы построились перед входом в вокзал. Несколько начальников толкнули перед нами речи. Потом Гриша, как командир, позволил нам считать себя свободными, напомнив, что наш поезд отправляется в 17-55. Поскольку меня никто не провожал и проводить свободное время мне было не с кем, я оставался при вещах.

Когда на платформу подали наш поезд, народ похватал вещи и пошел занимать места. Я решил, что место мне все равно достанется, и вызвался сидеть на вещах, пока их не разберут. Со мной остался и Леша. Когда в куче остались только наши вещи, мы с Лешей взяли их и пошли к поезду.

Ехать мы должны были в 8-м вагоне, вместе с отрядом физиков. Мы с Лешей не могли найти для себя свободное место. Как-то пристроились и стали ждать, когда все уладится и обнаружатся свободные места.

Через некоторое время после отправления поезда Гриша организовал небольшое собрание. Он объявил, что на остановках короче 5 мин. выходить из поезда запрещается, каждый из нас должен будет подневалить по 2 часа в тамбуре, чтобы чужие не вынесли из вагона наши вещи, за распитие спиртных напитков виновные будут сниматься с поезда. В конце своего выступления Гриша объявил, что для штаба поезда нужны 4 чел., которые будут выступать в качестве посыльных. Для них выделяется отдельное купе в штабном вагоне. Крючков авторитетно заявил,

что этими людьми будут: он, я, Сутковой и Граф. Никто против этого возражений не имел.

Мы забрали свои вещи и перебрались в свое купе, в котором находились до приезда в Свердловск (31 июня). Крючков назвал именно наши кандидатуры потому, что надеялся, что мы всю дорогу будем играть в «петуха» на уши. Но поскольку мы ехали в штабном вагоне, решили в карты не играть, у кого-то из коллектива добыли домино и играли в «козла» (моим напарником был Граф). Время от времени к нам в гости заходили Петр Иванович, Кот, Лопатюк и др. Вскоре у нас забрали домино, но Сутковой добыл его у проводницы.

Все время поездки до Свердловска погода за окном была солнечная. Днем мы любовались на природу и русские деревни. Волгу переезжали утром, а Урал ночью. На остановках выбегали из поезда и покупали на вокзалах в основном мороженое.

Наша миссия «посыльных» заключалась в том, что на остановках мы не пускали в вагон желающих в него сесть, да еще один раз меня послали во 2-й вагон позвать тамошний отряд на обед в вагон-ресторан.

Питались мы в основном своими припасами. В последний день, перед Свердловском, Гриша организовал нам обед в вагоне-ресторане. На остановках бабули продавали огурцы, лук, вареную картошку. С каждой остановкой цены росли.

В Свердловск прибыли 31 июня ок. 11 ч. Побыли на вокзале минут 30–40, а потом сели в поезд и поехали в Тюмень. Ехали туда 10 часов. На одной из остановок перед Тюменью мы увидели за окнами комаров и вышли с ними знакомиться. Мне они не понравились: были немного крупнее наших, в большем количестве и старались укусить.

На вокзале в Тюмени нас встретил Коваленко, который прилетел сюда самолетом, т. к. пересдавал историю

УССР, и местная администрация. Недалеко от вокзала устроили митинг, перед нами выступили местные «представители Советской власти». После митинга нас посадили в автобус и повезли в аэропорт.

В аэропорту уже были тучи стройотрядовцев. Гриша сказал, что придется немного подождать, пока нас посадят в самолет. Мы побросали в кучу свои вещи, поставили возле нее дежурного и начали играть в волейбол, а потом и в футбол.

Как только начало темнеть в воздухе появились тучи комаров, которые не только летали, но и больно кусались. Когда стемнело, мы бросили футбол и пошли в помещение – вероятно, какой-то клуб возле самого аэропорта. Стройотрядовцы организовали сами для себя концерт: пели песни, рассказывали юморески. Когда концерт окончился, мы организовали «козла» на высадку.

Время от времени в помещение заходил какой-то товарищ и приглашал определенный отряд на посадку в самолет. Нас не позвали ни ночью, ни утром. Графу через Коваленко Ващук передала продукты и мы с ним и Крючковым ними поужинали. Всю ночь я не спал.

Когда солнце немного поднялось, все вышли из помещения. Позавтракали в столовой недалеко от аэропорта. После завтрака я попытался поспать на рюкзаке и фуфайке. Комаров не было, но спать мешало солнце.

Гриша сказал, что 5 чел. могут лететь на самолет с другим отрядом. Лопатюк, Гарькавец и еще кто-то собрались уже садиться в этот самолет, но тут Гриша объявил, что подали самолет для нашего отряда. Это был АН-24. Летели мы 1 ч. 50 мин. до Нижневартовска. Внизу были сплошные болота с тайгой и озера. Рядом со мной сидел Пацула и отвлекал меня своими разговорами от созерцания пейзажа. Я уснул, т. к. всю ночь не спал, и проснулся перед самой посадкой. Во время полета некоторые товарищи вздумали ходить по самолету и Батя (Новак Н.,

2-й курс), чуть не плача, возмущался: «Господі! Та що ж це таке. Та стид же який. Чи ви з лісу приїхали? Сидіть по своїх місцях. Шо ж про нас люди подумают?»

Аэродром в Нижневартовске оказался грунтовым. Мы вышли из самолета и пошли к Оби на морской трамвайчик. На нас сразу же набросились комары. Было их здесь днем больше, чем в Тюмени ночью. На трамвайчике все сидели на палубе и смотрели на Обь, но я спрятался от комаров в трюме.

Высадились из трамвайчика, по торфянистому берегу вышли к «бетонке»³⁶ и стали ловить попутки, чтобы доехать к центру Нижневартовска. Остановили какую-то «техпомощь» и почти 40 чел. залезли в ее будку. Стояли в ней так плотно, что с трудом можно было пошевелиться. Когда вылезли из будки, были удивлены тем, что мы оказались в настоящем городе с многоэтажными домами, бетонными тротуарами, освещенными улицами.

Мы вылезли из машины и сложили вещи в кучу. Гриша и Крючков пошли куда-то выбивать у начальства машину, которая отвезла бы нас к будущему месту жительства. К нашему удивлению комаров в городе было мало – их здесь постоянно травят газами. Я зашел в ближайший дом (2-этажный, деревянный) напиться воды. Вода оказалась белой почти как молоко и какой-то густой. Пить мне сразу расхотелось.

Прибыл Гриша с машиной, и мы поехали в тайгу, за город. Сначала заехали дальше, чем нужно. Вернулись назад, увидели в стороне от дороги две палатки (Гриша еще раньше говорил, что мы будем жить в двух 20-местных палатках) и подъехали к ним. Нас встретил Шмек, потом подошли Сляднев, Карпов и Гаврилюк – все очень

---

³⁶ Из-за болотистой местности дороги в районе Нижневартовска делали в виде насыпи, сверху которой клались бетонные плиты. Для проезда по болоту на небольшие расстояния поверх болота выкладывали дорогу из бревен сваленных в тайге деревьев – «лежневку».

сильно искусанные комарами. Комаров здесь были тучи, и они сразу же бросились нас грызть. Тут я благословил старика, который уговорил меня не стричься наголо, и пожалел о том, что не взял с собой никакого средства против комаров.

В палатках был пол из досок, но никаких постелей у нас не было. Перекусили «чем бог послал» и легли спать на полу. Я вытащил из рюкзака все теплые вещи и одел их на себя. На голову от комаров одел целлофановый пакет, вместо подушки использовал рюкзак. Но за всю ночь я не поспал и 2-х часов: комары кусали за руки и ноги, залезали в пакет, кусали за лицо, гудели над ухом, не давая спать.

В палатке Граф, Сляднев и еще кто-то затеяли разговор о футболе, не обращая внимания на то, что остальные хотели спать. Я пробовал их урезонить, но – бесполезно. Я вышел из палатки и присоединился к другим товарищам, которые не могли уснуть и, чтобы отогнать комаров, развели костер. К костру подошел зек³⁷, который работал рядом с нашим лагерем, и начал рассказывать нам о здешней жизни.

Постепенно проснулся весь коллектив. Все были прилично искусаны комарами. Нужно было как-то позавтракать. Пришла машина, мы сели в нее и поехали в столовую, т. к. наша еще не была построена. После завтрака занялись благоустройством лагеря. Строили кухню. Работать мешали комары, нужно было постоянно от них отбиваться, а руки были заняты.

Массы с помощью проволоки и марли пытались изготовить «накомарники». Но они не здорово помогали и работать в них было сложно. Сляднева возмущало то, что люди пытаются как-то спастись от комаров. Он считал это

---

³⁷ Как выяснилось позже, значительную часть населения Нижневартовска составляли или отбывающие свой срок заключенные или оставшиеся здесь жить бывшие заключенные.

излишним и призывал привыкать к комариным укусам, не обращать на них внимания. Сутковой, чтобы доказать, что он «мужественный человек», совсем не отбивался от комаров, и они его к концу дня искусили очень сильно.

Пообедали в столовой, помылись в бане. После обеда продолжали строить кухню. К вечеру она была в основном закончена, нужно было только поставить печь, кирпич для которой уже завезли.

Шмек, как завхоз, привез раскладушки, теплые одеяла, подушки, простыни. Сказал, что матрацы привезет завтра. Я переселился в палатку к младшим курсам, т. к. надеялся, что в ней не будут вестись поздние разговоры о футболе или о чем-то другом (надежды эти не сбылись, вскоре я вернулся в палатку к своим сокурсникам). Вечером с трудом написал домой письмо: пока я его писал, комары изгрызли мне руки.

Целую неделю после приезда мы почти не работали — не было работы, не хватало инструментов. Люди были недовольны руководством. Но постепенно все наладилось. Появилась работа, выписали инструмент. Пацула и Коваленко построили печь, и мы стали питаться на своей кухне. Шмек привез матрацы, спецодежду, сапоги.

Комары нас ели без устали, несколько раз я чуть ли не плакал. О трудности работы массы не говорили, о комарах же говорили постоянно. Ночью мы уставали от комаров больше, чем днем от работы. Желая хоть ночью не страдать от комаров, некоторые товарищи начали натягивать марлю на проволоке над раскладушкой в районе подушки. И это здорово помогало. Я привез из дому много марли. Но в первые дни, дни всеобщего отчаяния, я бросил ее толпе на растерзание, решив, что она меня от комаров не спасет. Теперь я об этом сильно жалел. У Торчинского (на курс младше нас), который очень действовал мне на нервы своей болтовней и плоским юмором, оказалось много марли. Он отрезал себе, сколько нужно, и дал мне

достаточное количество. Теперь ночью я от комаров почти не страдал. Легче стало отбиваться от них и днем. При поездке в баню мы купили в магазине «Дэту», очень хорошую жидкость от комаров, мошки и других кусающихся насекомых. Действовала она ок. 5 часов. Намазав первый раз свои руки «Дэтой», я со злорадством гонялся за комарами, пугал их запахом этой жидкости.

К концу июля комаров стало меньше, но им на смену пришла мошкара. Но с ней мы мучались меньше, т. к. ночью ее не было, а днем в борьбе с ней помогала «Дэта». К концу августа почти полностью исчезли комары и мошкара, но теперь по ночам мы страдали от заморозков.

В первые дней 10–12 Гриша будил нас в 5 ч. 30 мин. и до 7 ч. мы валили деревья, обрубывали сучья, складывали в кучи колоды, чтобы днем из этих бревен специальная бригада с помощью трактора делала дорогу-лежневку. Труд это был, если учесть, что работали мы, не позавтракав, довольно тяжелый и опасный – того и жди на голову обрушится дерево, которые падали с разных сторон. К тому же в тайге было множество комаров и мошкары.

Когда с работой дело наладилось, все были распределены по бригадам. Меня зачислили в бригаду плотников во главе с Петром Ивановичем. С нашего курса в нее входили также Гарькавец и Леша. Мы должны были строить в новом аэропорту опалубку для насосной станции. Проработал я там дней 5–6 (в основном пилил доски), а потом Петр Иванович заявил, что я здесь лишний и мне нужно искать другую работу.

Дня два или три я был занят на разных работах, а потом меня определили на работу на бетонном узле, где уже до этого работали Граф, Крючков, Коваленко и др. Работа здесь была более тяжелая и вредная. Чтобы засыпать в бетономешалку мешок цемента весом в 50 кг, нужно было сначала выкопать его в большой куче насыпанного из порвавшихся мешков цемента. Никаких респираторов

не было, мы целый день бегали в тучах цемента. Вечером мы ужинали, спали ночь, завтракали, а когда ехали в машине на работу, выплевывали комки цемента. Сначала работала только одна бетономешалка, а когда пустили вторую, к нам прислали еще Кота и Лопатюка.

На бетонном узле я работал до 8 августа. Если вначале загрузить бетоном 30 машин считалось много, то к концу нашего пребывания на бетоне, если все было хорошо, мы давали по 50 и более машин, а однажды дали 64 («Зила»). Иногда приходилось не только делать бетон, но и разгружать мешки с цементом. Работа эта была тяжелая, а платили за нее мало – 26 коп. за тонну. Работая на бетонном узле, мы не видели «солнца божьего», а остальные за это время успели здорово загореть, т. к. днем комары и мошка уже почти не надоедали.

Кормили нас совсем скудно – в основном «керзой», гречкой и макаронами. Мяса почти не было, овощей и фруктов в июле и начале августа мы не видели даже издали.

1 августа, в воскресенье, был праздник ССО (студенческих строительных отрядов). В субботу Гриша объявил, что завтра все поедут в город на демонстрацию по случаю праздника. Утром мы одели парадную форму, позавтракали и поехали в Нижневартковск. Сначала в ожидании парада играли в волейбол перед райкомом партии, потом прошли колонной к стадиону и выслушали речи товарищей, занимавших руководящие посты. В речах нас не упомянули и словом.

После официальной части состоялся футбол между командами стройотрядов. Нам выпало играть с одесситами. Я с Лешей и Сутковым стоял в защите. В ворота стал доктор нашего отряда, который заявлял, что он это хорошо делает. Но в самом начале игры он пропустил легкий мяч, отыграть который мы так и не сумели, хотя в целом играли лучше соперника. Когда ехали в лагерь, все, особенно уже пьяный Батя, говорили, что я играл лучше всех.

После 8 августа я 2 или 3 дня бездельничал, а потом Гриша определил меня на ОРС (отдел рабочего снабжения) таскать мешки с мукой. Перемещать мешки нужно было в связи с тем, что в случае попадания в муку воды она начинала «зацветать», портилась и могла даже взорваться. Работал я там три дня. Работа была весьма тяжелая. Сначала таскали мешки по 50 кг, а потом – по 70, т. е. почти на 10 кг больше моего веса.

После первого дня работы на муке я добровольно остался на ночь для разгрузки в порту баржи с 20 т риса. Когда после ужина мы ехали в порт, начался дождь. В порту выяснилось, что на плавучем кране возникло короткое замыкание, из-за которого вышли из строя его прожекторы. К крану подогнали пустую баржу, и она своими прожекторами освещала берег.

Сляднев определил, что мы с Лопатюком будем принимать на машине поддоны с мешками, которые нам будет подавать кран, 4 чел. будут грузить мешки на барже, а остальные будут разгружать мешки в складе (всего нас было 13 чел.).

Ни мне, ни Лопатюку до этого не приходилось принимать груз от крана. Прожектор с баржи слепил глаза, а стрела крана с грузом двигалась где-то в темноте и внезапно появлялась уже над нашими головами. Первый поданный с баржи поддон появился очень внезапно и уже очень близко. Два раза крановщик чуть не придавил нас поддоном к кабине. Поддон мы приняли, но очень неудачно, чуть не поломали борта машины. Подошедшему к машине Пацуле я сказал, что пусть лучше он принимает поддоны, а я буду работать в трюме баржи. Лопатюк остался на машине, а я присоединился к Слядневу, Коту и Леве Марченко в трюме.

Когда работа в ОРСе закончилась, Гриша решил создать бригаду штукатуров, чтобы штукатурить деревянные двухэтажные дома. Сколотить и возглавить эту

бригаду он поручил Карпову. Я попросился в эту бригаду. Несколько дней у нас ушло на подготовку к работе. В бригаде были также Лопатюк и Сляднев. Сначала работа у нас не очень ладилась, но потом стало получаться.

В последние дни нашей работы зачастили дожди. Весь отряд бросили на окончание строительства двух пожарных резервуаров. Работа осложнилась недостатком арматуры и поломкой всей техники на бетонном узле.

Вечером перед днем отъезда (30 августа) состоялся прощальный ужин с участием начальника СУ-18, с водкой, вином и танцами (почти на 40 мужиков было только 3 дамы – жена и две наши поварихи: Н. Иванченко и Лаптева).

Утром завтрака не было, ели то, что каждый нашел на кухне. Сдали Шмеку постели, спецодежду и стали ждать машину, которая должна была отвезти нас в аэропорт. Машина довезла нас лишь до Старого Вартовска – дальше шел ремонт дороги. В аэропорт добирались пешком. В Старом Вартовске Гриша, Граф и Крючков зашли в магазин и купили вина для коллектива. Перед аэропортом остановились в леске и выпили вино.

Из Нижневартовска мы вылетели ок. 17 ч. В Тюмени была пересадка на другой самолет, который вылетал только в 12-50 следующего дня. Ночевать пришлось в переполненном людьми аэропорту. Спать пытались на Лешиной фуфайке прямо на бетонном полу, но безуспешно.

Утром я, Струщенко, Леша и Бажан (со 2-го курса) взяли в аэропорту такси (новую «Волгу») и поехали в Тюмень. В центре позавтракали в кафе и начали бродить по городу. В аэропорт я возвращался с Петром Ивановичем, сначала троллейбусом, а потом на такси.

Из Тюмени вылетели на ИЛ-18 всем отрядом, в Москву прибыли ок. 18 ч. В аэропорту Пацула закомпостировал билеты на самолет до Харькова себе и Слядневу, а мне не предложил это сделать, хотя я был без багажа и не стоял в очереди за вещами. Потом оказалось, что билетов

на сегодняшний и завтрашний самолеты уже нет. В итоге мне пришлось добираться в Харьков поездом. На Курском вокзале к нам подошел проводник одного из вагонов харьковского поезда и предложил довезти нас в Харьков по заниженной цене. Хотя в кассе были билеты и я предлагал отказаться от услуг проводника, народ повелся на его предложение. В итоге мы были вынуждены пытаться уснуть в поезде по два чел. на одной полке. Наглый проводник пытался взять с нас полную стоимость билета, но я категорически на это не согласился.

IV курс

26. октября (вторник)

На разводе Рогаткин послал некоторых товарищей (Князя, Суткового и др.) подстригаться³⁸. На самоподготовке мы с Одарюком написали «решение командира взвода, действующего в ГПЗ (головной походной заставе)», а потом массы это скопировали.

На 3–4 парах было автодело на Ленина, 20. Мы уговорили майора Бездетко отпустить нас немного раньше и пошли в «Янтарь». Я выпил там два бокала пива. Гребенюк просил у меня в долг на неопределенный срок 1 руб. На таких условиях я давать отказался. Он на меня обиделся.

Вечером с Люсей составили список тех, кто с 28.10 по 5.11 будет торговать в университете дополнительными завтраками³⁹.

---

³⁸ Считалось, что волосы у студентов должны быть такими же короткими, как у солдат армии.

³⁹ Некоторое время на факультетах стали устраивать после 1-й пары такие «дополнительные завтраки». На них в качестве обслуживающего персонала по очереди работали студенты: получали в столовой пищу, продавали ее желающим и сдавали в столовую выручку.

30 октября (суббота)

На 3-ю пару решил не идти. Пошли с Сутковым и Стрепковым в «Пионер» на фильм «Как стать мужчиной».

По приезду в общежитие пошел в 168-ю комнату играть в «петуха». Играли: Князь, Кот, Сурков, Крючков, Гарькавец, Шмек. Сыграли 2 раза. Первый раз бил всех по ушам я, второй – Шмек.

12 ноября (суббота)

Вечером, когда я шел в женское общежитие ХИИКСа⁴⁰, возле выхода из нашего общежития меня окликнул Б. С. Узнав, куда я иду, он попросил передать записку в 81-ю комнату. Я сказал, что не смогу выполнить его просьбу, т. к. в женское общежитие меня не пустят. Он остановил меня и пообещал обеспечить мое проникновение. Я заинтересовался этой перспективой, т. к. пару недель назад видел его в том общежитии с комендантом, которую он вел «под ручку», а она с вниманием слушала какие-то его рассуждения.

С телефона вахтерши нашего общежития Б. С. позвонил вахтерше того общежития, сказал ей о каком-то списке и что минут через 10–15 к ним придет «Ваня Сергеев из опергруппы, в клетчатом пальто». Я подождал, пока он напишет послание, он проинструктировал меня, как я должен себя вести и что мне нужно говорить. Договорились, что, если вахтерша не будет меня пускать, я позволю в наше общежитие, а он будет ждать моего звонка.

Когда я вошел во «враждебное» общежитие, тамошняя вахтерша, которая видела меня до этого уже много раз в роли просителя, собралась куда-то уходить и оставляла вместо себя дежурную студентку. Я попросил ее задержаться, но она от меня отмахнулась. Тогда я спросил,

---

⁴⁰ Харьковского института инженеров коммунального строительства (ныне академия городского хозяйства), на встречу с моей будущей женой Валей.

звонили ли ей недавно. Она остановилась и сказала, что у нее нет никакого списка, она ничего не знает и не может меня пустить. С ее разрешения я позвонил в наше общежитие. Б. С. попросил передать ей трубку. Возле нас уже собралась толпа студентов, они смеялись и говорили, что я хочу проникнуть в общежитие. Я чувствовал себя неуверенно, волновался, был недостаточно солидным как для оперативника. Вахтерша передала мне трубку, я спросил у Б. С., обращаясь к нему на «Вы», в какие комнаты мне зайти. Положил трубку, кивнул вахтерше и пошел в общежитие.

В 81-ю комнату я заходить не стал, а просто воткнул послание в ручку двери. При удалении из общежития я вежливо попрощался с вахтершей.

21 ноября (воскресенье)

Вечером ок. 20 ч. хотел приступить к занятиям с гантелями, но тут ко мне в комнату зашли Шмек, Стрепков и Сурков. Стрепков вчера выступал на соревнованиях по самбо. Две встречи он проиграл, а во время третьей сломал сопернику ногу. Они решили «обмыть» эту ногу сегодня, т. к. в общежитие на Ленина, 20 на танцы их не пустили. У них было две бутылки вина и закуска.

Я отказывался пить с ними, но Стрепков сказал, что «Мадерь» я выпить должен. Я соблазнился, т. к. слышал о «Мадере», но еще не пробовал (оказалось – ничего особенного).

После 21 ч. Стрепков собрался уходить. Я решил его проводить. Возле общежития встретили Люсю и Талину Борисовну. Пообщались с ними немного. Я провел Стрепкова до остановки троллейбуса и вернулся в общежитие.

24 ноября (среда)

На 1-й паре намечалась историография, но проф. В. И. Астахов не явился. Ивах предложил мне прогуляться.

Компанию нам составили Кот, Власовский и Науменко. Пошли вниз на ул. Ключковскую, где Князь, Сурков и Шмек должны были пить пиво. Их там не оказалось. Мы поднялись возле каскада и мимо «Украины» вернулись в университет.

На 2-й паре был семинар по политэкономии. Я выступать не собирался и всю пару читал А. Дюма. На 14 ч. в Большой физической была назначена комсомольская конференция. В. И. Астахова сказала, что наше присутствие на ней обязательно, иначе мы будем сдавать ей молодежное движение.

После 3-й пары я пообедал со Стрепковым, Котом и Сурковым на 2-м этаже. Поднялись в Большую физическую. Костянецкая отмечала присутствующих. Я отметил и отправился в общежитие. На лестнице встретил Карпова. Он советовал мне остаться, но я его не послушался.

26 ноября (пятница)

На двух первых парах была политэкономия. На 3-й – семинар по новейшей. Я не выступал. Сидел на последней парте с Лесей и вел с ней разговоры «за жизнь».

В перерыве занятий в читалке спустился на 5-й этаж. Там в раздевалке дежурил Сляднев. Он попросил меня подежурить вместо него, т. к. его жене тяжело дома с дочкой. Я сначала отказывался, а потом согласился. Взял литературу из зала и занимался в раздевалке. В 19 ч. поужинал в подвале.

В 19-40 ко мне зашел Стрепков и сказал, что пора бы раздевалку и закрывать. Мы с ним поднялись в читалку и я объявил массам, что в 20 ч. раздевалка закрывается. Из университета вышел с Ивахом и Стрепковым. Ивах отправился в сторону парка Шевченко, а со Стрепковым мы расстались на Данилевского.

27 ноября (суббота)

На 2-й паре у тех, кто специализируется по нашей кафедре, по СССР и Украине, должен был быть семинар по историографии. Но пришел Кадеев и забрал нас к себе. Я кричал, что у нас должен быть семинар, т. к. надеялся, что если на 3-й паре будет спецсеминар Кадеева, то он отпустит нас до звонка, а если Астахов, то придется сидеть до упора и будет проблема с очередью в столовой. Все со мной были согласны. Но Ира Сабельникова уперлась и доказать ей ничего было нельзя. Я даже слов не находил от изумления и возмущения ее упрямством.

На спецсеминаре с докладом должен был выступать Федорко, но он был нацелен на 3-ю пару и на 2-ю не пришел. Пришлось Кадееву отдать нас Астахову. На 3-й паре Федорко выступил, Кадеев отпустил нас до звонка.

Вечером в общежитии Петр Иванович пригласил меня отпраздновать рождение у него сына. Я не отказался, дал Суркову, который выступал в роли «гонца», рубль и пришел в 209-ю комнату. Там были: Князь, Граф, Галич, П. И., Федорко, Гаврилюк, Шмек, Б. С. В комнате стоял дым, шум, на столе – стаканы и закуска. Вскоре пришли Стрепков и Сурков с вином. Ок. 21 ч. пришел Ивах с бутылкой вина. Ему налили самогона. Вскоре после этого я ушел в 188-ю комнату к Струщенко, смотрел по телевизору⁴¹ фильм «Пан Володыевский».

8 декабря (среда)

На семинаре по политэкономии я выступать не собирался, но для спасения товарищей затеял спор с Ивахом, доказывая, что «общественно-необходимые издержки производства» и «издержки общества по производству» – не одно и то же. На этом пропало 20 мин.

---

⁴¹ Студенты побогаче брали на прокат телевизоры, холодильники и др. технику.

После занятий пообедал в подвале и пошел вместе с Гаврилюком и Слядневым в ауд. 5-58 на открытое⁴² партийное собрание. Я надеялся, что на нем декан повеселит нас докладом о подготовке к сессии. Был я на собрании до 15-40 и пожалел об этом, т. к. выступление декана было совсем не веселым.

Вечером пошел на вечер трудовой славы в университет. Ожидалось, что на нем будет интересный концерт немецкого ансамбля «Progressiv» (начало в 19-30). В начале вечера был сыгран гимн СССР. Затем была длинная торжественная часть. Концерт не оправдал надежд, было очень скучно.

9 декабря (четверг)

С 9 ч. дежурил по университету⁴³. В компании со мной должны были дежурить Сляднев и А. К. Дегтярь. На дежурство я пришел первым и сменил Черноскутова,

---

⁴² Т. е. на такое, на котором могли (и даже должны) присутствовать и не члены партии.

⁴³ Каждые сутки в университете в качестве помощников дежуривших при входе вахтеров должны были дежурить один преподаватель и два студента. Они находились в распоряжении вахтера, выполняли днем его распоряжения, вечером делали обход в огромном университетском здании с целью обнаружения оставшихся на ночь людей (и выпровождения их на улицу) и выключения света. При этом не решался вопрос о том, где эти дежурные будут спать ночью. Когда я дежурил уже в качестве преподавателя, спать мне приходилось в помещении кафедры на голых столах, укрываясь вместо одеяла большими историческими картами. Только уже в начале 90-х годов бывший тогда председателем профбюро факультета В. Г. Рябовол выяснил у юриста университета, что такие дежурства не входят в обязанности преподавателей и студентов, и с тех пор они отменены. Преподавателям, которые были членами КПСС, приходилось также сутками дежурить в помещении парткома университета – охранять находившуюся там партийную документацию, а членам университетского комитета комсомола – делать то же самое в комитете комсомола.

Галича и Стрепкова. При прощании Черноскутов пообещал мне поставить «автомат» по зачету по новейшей истории.

Сляднев пришел в 9-20 ч. Выяснилось, что Дегтяря не будет. Сляднев пошел сидеть с вахтером у входа в университет, а я – в каморку возле отделения связи. Ок. 12 ч. я забрал к себе Сляднева, т. к. в инструкции написано, что дежурные должны контролировать работу вахтеров, а не заменять их. Завели разговор об Астаховой (отзывались о ней негативно, считали, что она хорошо устроилась в жизни (выйдя замуж за проректора университета) и теперь не видит в ней недостатков).

В 16-30 я пошел в штаб ГО (гражданской обороны) за ключом от него, чтобы в нем ночевать. Но там мне сказали, что у дежурных есть своя комната, а если она нам не нравится, то мы должны жаловаться ректору, а не в ГО. Я написал рапорт на имя ректора и понес его в приемную ректора. Там мне сказали, что эту бумажку нужно отнести проректору по административной работе. Я понес, но там уже было закрыто.

В 19-30 ч. нас навестил Стрепков и пригласил меня сходить с ним в кино. Я отказался. Сляднев по секрету сообщил мне, что их с Гаврилюком скоро должны принять в кандидаты партии⁴⁴. Поговорили о тяготах его семейной жизни.

Ок. 22 ч. пришел товарищ со 2-го курса истфака и позвонил от нас в милицию, прося прислать машину, чтобы увезти задержанных дружинниками пьяных хулиганов. Я пошел посмотреть на этих «хулиганов». Было их 4 чел., все прилично пьяненькие, вымазанные, наверное, студенты (с портфелями). С ними были женщины, которые

---

⁴⁴ Это было важно, поскольку с партийностью можно было попасть по окончании учебы на работу не только в школу, но и в вуз на одну из кафедр общественных наук, в партийные, комсомольские или советские органы.

просили дружинников (со 2-го и 3-го курсов истфака) не отводить их в милицию. Потом вернулся к Слядневу.

Ок. 23 ч., когда выяснилось, что нам не придется ходить по этажам и выключать свет, я отпустил Сляднева домой, к жене. Я уже смирился с тем, что спать мне придется на стульях в нашей каморке. Но вахтер сказал, что может ему удастся открыть зал для гимнастики, и тогда я буду спать на матах. Ему удалось. Спал на матах, укрывшись одним из них. Сменили меня Струщенко и Свистюла утром в 9-35 ч. (а должны были – в 9-00).

11 декабря (суббота)

Вьетнамцы⁴⁵ разбудили меня в 6-45. Я крикнул Леше, что пора вставать. Но он сказал, что сильно хочет спать и на 1-ю пару не пойдет. Я тоже решил не идти на 1-ю пару. Встали в 8-40 ч. и поехали в университет. Позавтракал в буфете на 7-ом этаже.

На семинаре по историографии сделал два маленьких выступления. Гребенюк, который подводил итоги, отметил мою активность. На спецсеминаре слушали доклады

---

⁴⁵ На 4 курсе мы жили с вьетнамцами, которых звали Минь и Бао. Были они уже в достаточно взрослом возрасте. Люди были спокойные, приветливые. Хорошие отношения с ними у нас наладились сразу. В это время шла война вьетнамцев с американцами. Строивший социализм Северный Вьетнам получал поддержку от СССР, прибывшие в Союз на учебу вьетнамцы считали, что в то время как их соотечественники ведут войну, они обязаны хорошо учиться. Они зубрили русский язык с утра до ночи, осуждали и отправляли во Вьетнам тех, кто учился плохо, позволял себе думать не только об учебе, но и о личной жизни (никаких «романов» внутри вьетнамской общины быть не должно). Одевались и питались они очень скромно, воду пили только кипяченую, селедку ели только жареную. Из разговоров с «нашими» вьетнамцев позже выяснилось, что во Вьетнаме до сих пор в авторитете тов. Сталин. Когда однажды я дал Бао в томе сочинений Ленина прочитать предложение Ильича не допускать Сталина к должности генерального секретаря, поскольку он «очень груб», Бао заявил, что это писал не Ленин.

Мурзина о керамике и Морозко о городах Галатии и Мессембрии. При обсуждении докладов я задал несколько вопросов и сделал ряд замечаний по существу. Это понравилось Кадееву.

16 декабря (четверг)

Леша на 1-ю пару пошел, а я нет. Спалось после его ухода плохо – боялся проспать. Поэтому встал в 7-50 ч. и зашел в комнату Князя. Он тоже не пошел на 1-ю пару. Договорились, что он встанет в 9 ч. и зайдет за мной.

Позавтракали в столовой и поехали в университет. Князь собирался сегодня поехать домой.

На семинаре по научному коммунизму Астахова заставила меня выступать по вопросу о вреде национализма. Хотя и не очень блестяще, но ответил. В перерыве Астахова сказала, что у меня долг по некапиталистическому пути развития, и она может принять его сегодня.

Со спецкурса В. С. Шиловцева отпустила нас на час раньше. Я пообедал в подвале и поднялся к деканату, где договорился встретиться с Н. Иванченко, которая тоже намеревалась сдать долг Астаховой. К нам присоединилась и Н. Яковенко, и мы пошли на 2-й этаж, в музей ХГУ. Там выяснилось, что Астахова пошла к ректору. Мы подождали ее минут 20, а потом ушли, решив вернуться через час.

В 14-30 Астахова была на месте. Она дала нам по вопросу и попросила дать письменный ответ. Мне попался вопрос о факторах, способствующих выбору некапиталистического пути развития. Ответил я успешно, она сказала, что мне нужно еще раз выступить на семинаре, чтобы получить «автомат» по зачету.

17 декабря (пятница)

На 1-й паре была история славян. Е. П. Пугач весьма интересно рассказывал о событиях в Чехословакии

в 1968 г. На педагогику пришел какой-то новый преподаватель явно еврейской наружности. Массовость у него на лекции была очень низкая (народ готовился к зачету), он отпустил нас раньше и сказал, что в следующую пятницу вообще не придет.

На семинаре по новейшей я не выступал. Только включился в спор о том, радикальной или умеренной является испанская программа народного фронта с пролетарской точки зрения. Ивах считал, что радикальная, а весь коллектив громил его, утверждая, что умеренная. Ивах сидел красный, согбенный и время от времени отбивался от наседавших на него. Леся сказала, что он и так сегодня больной, а тут его еще и морально избивают. Черноскутов отпустил нас на 20 минут раньше и выставил нескольким людям (и мне) «автомат» по зачету.

С 15 ч. нужно было сдавать зачет А. И. Митряеву (по истории южных и западных славян до сер. 19 в.). Ждали мы его на кафедре средних веков. Он прибыл в 15-10 ч., удалил из кафедры всех, кроме Суткового. Рубан, Сутковой и Федорко сдали успешно. Слядневу Митряев поручил почитать сербские восстания и прийти сегодня еще раз. Сдал Коваленко, после него – я. На все вопросы я ответил и зачет получил. Итого за один день – два зачета. Неплохо.

23 декабря (четверг)

На первой паре была Азия и Африка. Прошла она быстро: Юрий Григорьевич, как всегда, много говорил на повседневные темы, а не по теме лекции.

На 2-й паре был семинар по научному коммунизму. Астахова вскоре после звонка ушла на какую-то конференцию и поручила вести семинар Костянецкой. Я выступил 2 раза: о границах и задачах переходного периода и о «моделях социализма». Науменко при подведении итогов семинара назвал мои выступления самыми лучшими.

На спецкурс мы с Федорко решили не идти и попросили Мурзина передать Шиловцевой, что мы заболели гриппом «Гонконг-2» (потом выяснилось, что Шиловцева сама заболела). Посидел в читалке, в 12-40 ч. пошли с Лешей обедать в подвал. Затем по предложению Лешки пошли подстригаться. После этого посмотрели с ним в кинотеатре «Харьков» фильм «Укрощение строптивой». Леше вздумалось угостить меня билетом, а я угостил его в кинотеатре мороженым.

31 декабря (пятница)

Вчера еще решили встречать Новый год в 188-й комнате, у Суткового. Среди ночи к нам в комнату зашел Граф и лег спать на кровати Лешки, который уехал домой.

Спал я плохо, проснулся в 9 ч. и позавтракал со Шмеком в столовой. Потом до 11-30 ч. играли со Шмеком и Графом «в коробочку».

В 11-30 ч. к нам зашел Сутковой и сказал, что пора готовиться к торжеству. Мы со Шмеком и Коваленко должны были готовить комнату, а Сутковой, Граф, Карпов и прибывший Мурзин отправились за покупками. Ващук принесла елку, мы привязали ее к батарее. Я сходил к Ващук и принес 4 игрушки (одну наполовину разбитую) и вату. Этим мы украсили нашу елку.

Когда вернулись посланные за покупками, мне было поручено добыть лимонад. Мне дали остававшиеся деньги и я отправился на поиски. Оббегал все магазины и столовые в округе и аж до Данилевского, но лимонада нигде не было. Пришлось покупать газированную воду.

Вернувшись в общежитие, играл с Графом, Шмеком и Сутковым в «петуха». Выиграл Граф, отпустил мне по ушам 16 ударов. Потом смотрели телевизор.

Я пошел в общежитие ХИИКСа и привел Валю. В нашу комнату постучал Сутковой и пригласил нас на торжество. Я взял с собой два стула и пошел в 188-ю комнату. Новый год в ней, кроме нас, встречали: Шмек, Граф,

Карпов, Мурзин, Сутковой, Коваленко, Ващук, Подгорная, Нагорная, Бескоровайная. В 23-50 слушали по телевизору Подгорного, который от имени ЦК КПСС поздравил советский народ с Новым годом.

1972 год

6 января (четверг)

Вечером пришлось будить уже спавшего Лешу, т. к. мы должны были убирать коридор. Он отбивался, но я его все же разбудил. Убрали коридор, вынесли мусор и легли спать. Но тут к нам в комнату ворвались Яковенко и Костянецкая, сказали, что сегодня рождество, накормили нас какой-то «кутей», а потом стали требовать за нее деньги. Мы с Лешей отнекивались, ссылались на то, что не одеты, однако они не отставали. Я завернулся в простыню и дал им 20 коп. Леша вскочил в трусах и тоже дал им 20 коп. Они удалились и мы легли спать.

10 января (понедельник)

Леша разбудил меня в 9 ч. Я взял у Лопатюка зачетку Стрепкова, позавтракал и поехал сдавать экзамен по политэкономии. Ковалева принимала экзамен на 4-ом этаже. В коридоре стояли Кот, Мурзин, Нагорная, Радзиевская и др. Сообщили, что Коваленко и Сутковой уже получили по «4».

Вскоре вышел Ивах (получил «5»), Мурзин заходить побоялся и я вошел вместо него. Вытащил 36-й билет с вопросами об уровне жизни и факторах его роста, о путях сближения двух форм собственности и о критике теорий товарно-денежных отношений при социализме. Пока я готовился, Леша Свистюла получил «4», Стрепков – «3», Леся «5». За ответ Федорко Ковалева хотела поставить «3», он потребовал дополнительный вопрос, получил его и в итоге получил «2». Я получил «5».

Во второй половине дня в общежитие пришел Колонтаевский⁴⁶, приехавший сдавать сессию. Он рассказывал о своей воспитательской работе, о жизни учителей (т. е. о том, что нас ждет). Мы с Князем и Коваленко помогли Колонтаевскому перенести вещи из камеры хранения в 188-ю комнату. Колонтаевский предлагал Карпову купить у него магнитофон за 50 руб.

15 января (суббота)

Проснулся ок. 8-20 ч., позавтракал, забрал у Гаврилюка свой учебник по педагогике и поехал сдавать экзамен по ней же. На улице был мороз ок. 20 градусов.

В университет прибыл в 10-20 ч. Уварова принимала экзамен в ауд. 5-62. К моему появлению Ивах получил «5», Стрепков – «4». Массы (Науменко, Мурзин, Нагорная, Сляднев) сообщили, что Уварова принимает очень медленно. Носов принес обогреватель и включил его, чтобы она не мерзла. Вышла Леся (с «5»), потом Сутковой (с «4») и народ не возражал против моего захода.

Как она и обещала, Уварова запускала по 5 чел. Все сидели на среднем ряду друг за другом и списывали безбоянно. Мне попался билет № 3 с вопросами: происхождение воспитания и его классово-исторический характер; принципы дидактики; коллектив и его формирование. Вопросы я знал и списывать не стал. С Гарькавцом мы договорились, что я перегну угол билета, чтобы он вытащил его завтра. Я это сделал. При мне Носов получил «5», Каминский – «5», Свистюла и Струщенко по «4». Я ответил на «5», выйдя, сообщил Гарькавцу, какие вопросы ему нужно готовить.

---

⁴⁶ Он перевелся на заочное отделение и работал учителем в сельской школе.

16 января (воскресенье)

В общежитие из дому я приехал в 17-40 ч. На 5-ом этаже встретил Шмека и Сляднева. Они сообщили, что Гаврилюк празднует сегодня день рождения, и предложили мне внести 3 руб. в это дело. Я согласился. Мне сообщили результаты сдачи педагогики 2-ой группой (Граф, Сурков, Гаврилюк и Леша получили по «4», Шмек – «3»).

Пришел Гарькавец и сказал, что нужно идти за покупками. Мне выделили 9 руб. и поручили купить шампанское, консервы и сухое вино. Гарькавец пошел за пивом.

Пошел в «Колос», купил там шампанское за 5 руб. Отправился в «Спутник» за остальным. Встретил там Гарькавца, который тоже почему-то купил шампанское. Решили попробовать вернуть мою бутылку в «Колос». Удалось. Купил 4 банки кильки в томате и банку кабачковой икры. Пива и сухого вина нигде не было. Встретили Суркова и Гаврилюка, отдали им остатки денег, чтобы они поискали то, что мы не нашли.

Праздновали в 188-й комнате. Сначала смотрели по телевизору танцы на льду, потом была подана команда «К столу, со своим инвентарем!». Я взял у своих вьетнамцев вилку и поллитровую банку (за неимением стакана). В торжестве участвовали: Слядnev, Граф, Шмек, Ивах, Галич, Гаврилюк, Б. С., Хрисолури, Гребенюк, Гарькавец и я. Сначала выпили шампанского за здоровье именинника. Потом пили кто вино, кто водку. Я выпил 250-300 г. водки.

24 января (суббота)

Проснулся в 9 ч., позавтракал и поехал сдавать экзамен по славянам Пугачу. Принимал он в ауд. 5-62. Ивах уже получил «5», Сутковой – «3». Массы сообщили, что Пугач измучил Суткового и тот до сих пор не отошел от его пыток. Сутковой действительно был бледный и какой-то мятый. Все боялись заходить и предложили зайти мне.

Я согласился. Ивах принес карты и я сказал, что занесу их, может, Пугач добавит мне за это балл. Вышла Леся, с «4».

Я занес карты, по просьбе Пугача повесил их на доске. Он дал мне 2 вопроса: развитие капитализма в Польше во 2-й пол. 19 в. и индустриализация Чехословакии. При мне Пугач поставил «3» Фарине, который отвечал очень слабо, хотя ему и попались вопросы по Польше, по которой он специализируется (даже изучает польский язык). Я слушал его дополнительные вопросы и жалел, что их задают не мне. Потом очень хорошо отвечал Струщенко, получил «5». Затем «5» получил уверенно отвечавший Мурзин. Мне тоже удалось уговорить Пугача на «5».

Я вышел из аудитории к массам, поднял руки, чтобы прокричать «Убедил!», но опустил их молча, т. к. за мной вышел и Пугач. Кот, который уже зашел сдавать, решил воспользоваться отлучкой Пугача и попросил у меня тетрадь с датами. Я дал. Ивах сообщил мне, что 28 января в 9 ч. будет распределение стипендии и я должен на нем присутствовать как профорг.

Я обещал Леше принести свою тетрадь с датами. Поэтому стал ждать выхода Кота. Он вышел где-то в 13-30 ч., получив «4». Я взял у него тетрадь и поехал в общежитие. По пути купил шоколадку «Оленка» за 17 коп., поделился ею с Лешей по случаю окончания сессии.

В общежитии Морозко потянула меня на 2-й этаж, чтобы я рассказал женщинам, как прошел экзамен. Когда я вернулся в свою комнату, туда пришла мужская часть 2-й группы и я поделился информацией с ней.

25 января (вторник)

Я обещал Слядневу, что с утра помогу ему пилить дрова. Поднялся в 9-15 ч., позавтракал с Лешей, пожелал ему победы на экзамене и пошел на ул. Ключковскую. Трамваем доехал до ул. Алексеевской, а потом нашел ул. Броневую (д. 25). Сляднев жил там во флигеле.

Там была его теща, которой он уже привык говорить «ма». Сляднев дал мне телогрейку и свой пиджак. Пилили до 14 ч. Теща Сляднева накормила нас плотным обедом из 4-х блюд. Я аж позавидовал Слядневу, поев вкуснейшего рассольника, у меня мелькнула мысль, что быть женатым совсем не плохо.

Слядневу нужно было зачем-то ехать в университет. По пути зашли в общежитие. Я взял чистую тетрадь, вьетнамцы сказали, что Леше с экзамена еще не возвращался.

В университете посочувствовали товарищам из 2-ой группы, которые еще не сдали экзамен. Позже выяснилось, что жертвами Пугача стали Лосева, Бескоровайная, Петр Иванович, Васильева.

Вечером зашел в 188-ю комнату. Там был большой коллектив. Присутствовал редкий гость – Саша Власовский. Смотрели телевизор, а потом Гарькавец принес карты и мы начали играть в «петуха». Участвовали: я, Сляднев, Князь, Петр Иванович, Гарькавец. Сыграли 2 раза и оба раза бил всех Князь. Мне в сумме досталось ок. 40 ударов по ушам.

Когда я вернулся в свою комнату, там уже был Леша. Экзамен он сдал на «4», сказал, что завтра в 7-30 ч. он уезжает домой. Мы с ним поговорили о жизни, отметили, что мы постарели и стали меньше восторгаться событиями жизни (на первых курсах окончание сессии для нас было таким радостным событием, а теперь мы даже и не говорили об этом).

28 января (пятница)

Т. к. в каникулы столовая в общежитии не работает, позавтракал в «Колосе» и поехал в университет на распределение стипендий. Прибыл туда к 9 ч.

В деканате уже были Ивах, Б. С., Крючков. Лидия Федоровна высчитала, что у нас самый высокий процент успеваемости на факультете – 98,2. Распределение

стипендий начали с нашего курса. Декан сказал, что нашему курсу полагаются 41 стипендия. Начали по списку выяснять, кому дать, кому нет. Сначала дали тем, у кого нет «З», потом – тем, у кого одна «З». Сутковому, Каминскому, Подгорной (т. е. тем, кто меня просил или за кого меня просили) дали. Б. С., у которого тоже была одна «З», декан дал ту стипендию, которую он выделил нашему курсу за высокую успеваемость. Потом декан попросил нас составить список тех, кто нуждается в стипендии, на случай, если во 2-ом семестре у него появится для этого возможность. В список были включены Одарюк, Свищула и Ващук.

После обеда вернулся в общежитие и собрался уезжать домой. Но тут зашли Бескоровайная и Васильева и сказали, что Гребенюк просит меня зайти к нему в комнату. Я пошел. Он, наверное, недавно проснулся и лежал в постели. Оказывается, женщины сказали ему, что ему не дали стипендию. Я его успокоил на этот счет, по его просьбе, рассказал о том, как распределяли стипендию. Он попросил денег на обед. Я дал ему 1 руб., попрощался и поехал домой.

12 февраля (суббота)

Сегодня выдавали стипендию. Каминский сказал мне, что это дело нужно «обмыть» (перед распределением он ко мне подходил и я пообещал выбить ему стипендию). После лекций и обеда я поднялся в читалку и занялся курсовой.

В 16 ч. Власовский сказал, что меня ждет Каминский. Я спустился на первый этаж. Купил там три билета спортлото. В «операции» участвовали также Власовский и Федорко. Решили пойти в «Шашлычную» возле «Зірки».

Обслуживал нас очень здоровый молодой человек с наглым, самоуверенным видом и несколько презрительным взглядом. Взяли бутылку сухого вина и по шашлыку. Потом по предложению Каминского взяли еще три шашлыка

(сам он отказался). Вышло все это в 21 руб. Расплатились Федорко и Каминский. «Пировали» до 17-45 ч.

15 февраля (вторник)

Т. к. меня назначили дневальным по военной кафедре, прибыть на нее я должен был в 7-20 ч. Я не проспал, но не очень-то торопился и прибыл к 7-40.

Сляднев уже принимал портфели, а Одарюк только переодевался. Дежурным по кафедре был подполковник Смольский. Он сделал мне замечание, поторопил с переодеванием и послал сидеть на первом этаже. В мои обязанности входило давать звонки о начале и конце уроков (часы я взял у Одарюка) и открывать ворота, если какой-то взвод выводили на улицу.

Время тянулось совсем не медленно и дневалить мне было не в тягость. К 16 ч. занятия закончились. Мы с Одарюком собрали на обоих этажах окурки и спички и вынесли этот мусор. Дежурство у Смольского принял майор Дегтярев. Сляднева он отпустил сразу, т. к. ему нужно было к 17 ч. ехать в больницу к жене и дочке, а нас держал до 17 ч., пока не ушел начальник кафедры – полковник Назаров.

21 февраля (понедельник)

На 1-й паре был Ю. Г. На 2-й ожидалась Астахова, но она на 10 дней уехала на какую-то конференцию. Наши комсомольские боги решили провести на ее паре комсомольское собрание курса. Я крикнул Крючкову, чтобы он начинал собрание и выбирал меня в президиум. Массы действительно решили смеха ради избрать меня вместе с Носовым и Иванченко.

Говорили о музее истории ХГУ, о посещаемости и о ДНД. Меня все эти вопросы не касались (оказывается, я не числюсь в списках дружинников). Закончили собрание незадолго до конца пары.

После 3-й пары я должен был присутствовать на заседании профбюро факультета, но отказался от этого «счастья» и пошел в читалку готовиться к коллоквиуму по новейшей истории.

22 февраля (вторник)

Вечером в общежитии в ходе подготовки к коллоквиуму захотел спать. Прилег, но сильный шум за стенкой (в 189-й комнате) мешал. Пошел туда. Оказалось, что там Ивах, Князь, Граф, Крючков, Б. С., Сляднев играли в «петуха». Я остался посмотреть. Б. С. жаловался, что у него болит печень. Вид у него действительно был болезненный (когда-то он хвастался мне, что никогда ничем не болел). Пришла Лосева и забрала Б. С. Массы предложили мне заменить Б. С. с условием, что бить будут его (у него было 38). Я согласился.

Крючков вскоре выиграл. Отбил всех по ушам и стал приставать ко мне, чтобы я принял хотя бы третью часть ударов. Я отказывался. Сляднев, Граф и Гарькавец схватили меня, а Крючков хотел бить по ушам. Я начал сопротивляться. Затрещал рукав моей рубашки и они меня отпустили. Я отправился к себе чинить рубашку.

2 марта (четверг)

Сегодня наш курс должен был работать на строительстве спорткомплекса возле общежития. Организацию «трудового процесса» взял на себя Б. С. Мужской половине пришлось в основном таскать лопатами бетон. Работали двумя группами (машины вываливали бетон в двух местах). Машины ходили не часто. Мы со Слядневым сходили в общежитие и взяли у пятикурсников мяч. Совмещали работу и футбол.

Вечером за стеной (в комнате Князя и Б. С.) шла большая пьянка. Выделялись голоса Иваха, Князя, Графа, Сляднева. Я сказал Леше, что сейчас в качестве эксперимента

предложу поющим не мешать вьетнамцам заниматься. Когда я открыл дверь и сказал, что вьетнамцы обижаются, на меня бросилась ревущая толпа и я поспешил закрыть дверь. Я так устал, что соседи совсем не помешали мне быстро уснуть.

5 марта (воскресенье)

Ивах праздновал свое 25-летие и заранее пригласил меня на Новые дома⁴⁷. Из общежития к нему ехали также Гаврилюк и Петр Иванович. Договорились, что они поедут пораньше и купят ему подарок, а я подъеду самостоятельно (я дал им 2 руб.).

48-ым автобусом я доехал до конечной. Нашел кв. 49 в д. 16 по ул. Танкопия (я здесь уже бывал). Из наших на празднике присутствовали также Мурзин, Нагорная, Петр Иванович и Гаврилюк. Позже пришла сестра Зеньковского с мужем и сам Витька.

К столу нас пригласили ок. 14 ч. Стол был роскошный, с богатым ассортиментом закусок, шампанским, пивом и хорошим самогоном (сначала я думал, что это водка). Оказалось, что присутствует и Леся – с хитрой прической, в черном газовом платье. Я ее не узнал, хотя и заметил, что эта женщина похожа на Лесю. Убедился в том, что это она, когда она со мной заговорила.

Много ели, пили, пели песни (в основном украинские). После сладкого стола с кофе и яблоками ок. 20 ч. попрощались с хозяевами (Мурзин и Нагорная ушли еще в 18 ч., т. к. в 19-30 ч. Мурзин уезжал в Киев).

13 марта (понедельник)

На семинаре по научному коммунизму сидел и дрожал: боялся, что Астахова вздумает меня вызвать. Она

---

⁴⁷ Гриша жил не в общежитии, а у своей старшей сестры, которая вместе с мужем работала в областном управлении МВД на Совнаркомовской.

не вздумала. После занятий зашел, как профорг, к декану вместе с Ивахом, Б. С., Пасько и Пацулой по поводу драки Хрисолури с его вьетнамцами. Хрисолури пытался присутствовать при обсуждении этого вопроса, но декан настоял на том, чтобы он покинул кабинет. К 13-40 ч. решили, что Хрисолури переселят в общежитие на пр. Ленина, 20.

17 марта (пятница)

Ивах объявил, что я должен после занятий поработать на Астахову в музее ХГУ⁴⁸. После лекций я с Котом и Науменко пошел в 12-й корпус. Астахова дала нам полчаса на обед.

Пообедали в подвале, одели комбинезоны и приступили к работе. От нас требовалось через окна забрасывать в грузовики фрагменты разрушенных стен между аудиториями, которые были отведены под музей. Кроме нас троих, работали: Пацула, Б. С., Леша, Струщенко, Петр Иваныч и какой-то не наш товарищ. Работа была ужасно грязная, пыльная. Работали мы до 16 ч. и проклинали Астахову. В добавок ко всему позже выяснилось, что из-за отсутствия воды я не смог помыться в душе (в общежитии).

29 марта (среда)

После лекций собрали с Люсей массы на профсоюзное собрание в кабинете методики. В повестке дня было два вопроса: перевыборы профоргов и поселение в общежитие.

Первый вопрос решили за три минуты – массы решили оставить профоргам нас с Люсей. В общежитии на наш курс выделили на следующий год 35 мест. У Люси было 18 претендентов, у меня тоже. В числе моих были

---

⁴⁸ Партком поручил Астаховой возглавить работы по созданию на втором этаже XII-го корпуса университета музея университета. Сейчас этот музей находится на втором этаже главного корпуса, где в годы моей учебы размещалась столовая.

Федорко, в семье которого был доход 60 руб. на человека, и Хрисолури, которого выселили из общежития за драку с вьетнамцами, но неизвестно – с правом поселения в следующем году или без. Решили Федорко вычеркнуть из списка, а Хрисолури пока оставить. Яценко пыталась доказать, что у нее в семье доход не выше, чем у Яковенко, но та утверждала, что в их семье больше членов. Список утвердили и разошлись.

22 апреля (суббота)

На сегодня В. И. Бутенко запланировала повезти нас в Пархомовку для знакомства с музеем, который там создал местный учитель истории Лунев. К университету из общежития добирался вместе с Лешей, Гребенюком и Сутковым. Возле университета на скамейке уже сидели многие наши сокурсники. В 9-10 ч. прибыл автобус, мест в нем на всех не хватало: кое-кто стоял, некоторые сидели втроем. Ехали долго, женская часть вела себя не лучшим образом: кричали, рычали, курили, смеялись дурным смехом.

В Пархомовку прибыли ок. 13 ч. Сначала в школе перед нами выступил с интересной речью Лунев. Оказалось, что он дружит с многими известными людьми (Эринбург, Чуковский, Щипачев), переписывался с Пикассо. Говорил о трудностях работы в школе, сказал, что ему лучше работать в деревне, а не в городе, что в городе нечего искать культуру, нужно самому быть духовно богатым – тогда и в деревне будет много культуры.

Потом поехали в музей. Он оказался очень богатым: хорошее собрание археологических памятников, оригиналы картин Брюллова, Тропинина, Шишкина, Пикассо, много красивых старых икон, начиная с 16 в., один из двух (второй – в Дрезденской картинной галерее) гипсовых слепков головы Нефертити. К сожалению, времени для осмотра у нас было мало, нужно было садиться в автобус.

На обратном пути Каминский собрал со всех по рублю и сделал в Богодухове покупки для обеда с вином. На обед остановились в лесу в километрах 15–20 от Богодухова. В лесу было много цветов, женщины бросились их собирать.

Я выпил ок. 150 г. вина, съел хлеба с сыром и колбасой и тоже пошел за цветами. В лесу услышал какие-то неразборчивые крики. Оказалось, что это кричал Гребенюк. Возле него стояла почти пустая 750-граммовая бутылка вина, буханка хлеба и колбаса. Он изображал сумасшедшего. Когда я подошел к нему, он смотрел в пустоту и кричал: «Я слышу шум! Слышу шаги! Почему они кричат? Дайте мне пистолет Макарова, я всех перестреляю! Ох, тяжело жить! Я устал ... устал». Начал тыкать пальцем в хлеб и говорить: «Здесь плохое, здесь плохое, а здесь хорошее». Отломил хлеб и съел с колбасой. Потом обнял дерево и начал с ним разговаривать: «Дерево, молодое, зеленое. А мне 27 лет, я никому не нужен».

Я постоял возле него, спросил, зачем ему нужно так притворяться. Он делал вид, что ничего не видит и не слышит. Я решил не обращать на него внимания и пошел собирать цветы. Он опять стал кричать, и даже по-немецки.

Я боялся, что мы уедем без Гребенюка, пошел к народу и предложил Мурзину пойти со мной к нему. Возле Гребенюка уже стоял Петр Иванович и просил его перестать притворяться. Но тот продолжал кричать что-то несуразное. Мурзин ушел. К нам подошла Бескоровайная с тревожными глазами. Петр Иванович поднес к носу Гребенюка желтые цветы. Он увидел Бескоровайную и стал кричать: «Почему здесь желтая женщина?». Бескоровайная убеждала его встать. Шофер автобуса начал сигналить. Мы с Петром Ивановичем взяли Гребенюка под руки и повели к автобусу, но он пошел сам.

Гарькавец сказал, что женщинам дарить желтые цветы нельзя. Тогда я отдал свои цветы Крючкову. Гребенюк хотел покинуть автобус, но Князь его остановил.

Гребенюк опять стал корчить из себя сумасшедшего, говорил, что там люди и там люди, а в автобусе – яблоки. Сляднев, Граф и Князь стояли возле него и смеялись. Каминский уступил Гребенюку место на заднем сидении возле меня. Он сидел и время от времени «выдавал перлы», князь «переводил» их.

Массы пели песни, Гребенюк подключался и старался солировать. Подобрали какую-то женщину. Ей уступили место возле Гребенюка. Когда на него находили «приступы сумасшествия», она смотрела на него удивленно и с опаской. Перед Харьковом Гребенюк стал петь соло, по инициативе Князя массы бросали ему копейки. Я снял туфель, ловил деньги и отдавал Гребенюку. Он их охотно брал.

Когда приехали к ул. О. Яроша и вышли из автобуса, быстро побежали в общежитие, в туалет. Князь определил наше состояние двумя словами: «Кризис назрел!»⁴⁹.

6 мая (суббота)

На 1-й паре должен был быть заключительный семинар по историографии. В течение 1-го часа Астахов не появился. Массы предложили разбежаться, но Ивах позволил Астахову и сказал, что он скоро придет.

Пришел он за 15 мин. до конца пары и объяснил свое опоздание тем, что забыл, что сегодня суббота. Заслушали доклад Носова (периодизация истории России у Ключевского и Карамзина) и Гриб (отношение их к реформам Петра). Астахов предложил не прерываться на дополнительный завтрак, но я у него отпросился, т. к. перед парой не позавтракал.

Когда я вернулся в аудиторию, по предложению Астахова было проведено обсуждение работы студентов

---

⁴⁹ Юмор заключался в том, что так называлась всем нам известная статья Ленина.

и преподавателя на семинарах. В выступлениях критика в адрес Астахова не звучала, в числе лучших называли и меня. Гарькавец рассмешил народ заявлением, что он мало выступал на семинарах по причине своей «врожденной скромности».

На общем фоне выделялось выступление Иваха. Он сказал, что на результатах семинара сказалось то, что Астахов на 1-й и 2-й семинары не явился, а к 3-му массы не готовились, т. к. сомневались в его появлении. Астахов при этом сильно покраснел и признал свою вину. В конце обсуждения Астахов объявил, что Ивах, Кот, Носов, Сутковой и я получаем «автомат» по его экзамену.

В этот же день проходила защита курсовых на кафедре историографии. В итоге Шмек, Князь, Петр Иванович, Валя Рубан получили «3», Леся, Сутковой, Сляднев, Гарькавец – «5».

Я тоже защищался на кафедре новой и новейшей истории и получил «5». На этой же кафедре защищались: Фари́на (получил «5»), Стрепков («3»), Иванченко, Чудный, Сабельникова, Кравцова, Головнева (все – «4»).

7 мая (воскресенье)

В связи с праздниками сегодня были занятия. В университет добирался пешком в компании Карпова и Суткового. На 1-ю пару, кроме нас, пришли еще Ивах, Леся и Науменко. Ю. Г. читал лекцию о Судане, отпустил нас на 20 мин. раньше.

На 3-й паре Каминский преподнес декану тюльпаны по случаю Дня Победы (за цветами он был послан еще на 1-й паре и поэтому отсутствовал на ней). Декан тоже закончил лекцию на 20 мин. раньше. Карпов сказал, что сразу после пары у декана будет утверждение мест в общежитии и я должен в этом участвовать. К декану пошли: Карпов, я, Люся, Ивах и Ковалев (председатель профбюро ф-та). В итоге обсуждения решили за «недостойное

поведение» Б. С. в общежитие не поселять, Яковенко, Ходус и Хрисолури поселить в другом общежитии.

15 мая (понедельник)

В паре с Лешей отправился из общежития в университет на консультацию Астаховой. В университете выяснилось, что консультация будет не в 17 ч., а в 18. Возле деканата встретил Лесю. У нее рос зуб мудрости, очень болел, поэтому разговаривала она сквозь зубы. Она сказала, что надеется, что к экзамену боль пройдет, иначе Астахова решит, что она отвечает ей сквозь зубы со зла.

Астахова пришла лишь в 18-15. Запугала народ тем, что будет спрашивать по работам классиков, с учетом работы на семинарах.

16 мая (вторник)

На экзамен по Азии и Африке решил идти не с утра, но попросил Лешу записать меня в очередь. Из общежития вышел в 12 ч. со Слядневым. Сляднев грозился, что, если сегодня он получит «5», то и остальные экзамены сдаст так же. В университете я решил пообедать перед экзаменом, Сляднев отказался составлять мне компанию.

После обеда пошел к кафедре новой и новейшей истории. Там была толпа. На двери висел список очереди, я в ней был 8-ым. Первым вышел Сутковой, получил он «5», сообщил, что Ю. Г. дает по два вопроса и спрашивает так, что достаточно знать конспект лекций. Вышли Сляднев, Карпов, Мурзин и Фарица. Все с «5». Массы заволновались, что «5» кончаются и теперь посыпятся «3». Передо мной зашли Стрепков и Пацула, я надеялся, что они создадут мне благоприятный фон.

Перед моим ответом выступил Свистюла и получил «4». Потом Ю. Г. вышел аж на 20 мин. Все, кто готовился к ответу, за это время успели все списать и ждали его даже с нетерпением. Вернувшись, Ю. Г. поставил Пацуле

и Стрепкову по «4», хотя отвечали они вполне на «5». Мне удалось убедить его на «5».

20 мая (суббота)

Еще вчера заходил в общежитие Ивах и сообщил, что Астахова поставила «автомат» по экзамену тем, кто активничал на семинарах. Он заверил меня, что и мне она поставит его. Я перестал готовиться, но спал плохо, т. к. мучили сомнения.

Принимала экзамен Астахова в музее ХГУ. Массы сообщили, что Сутковой и Карпов уже получили по «автомату». Вышел с «автоматом» и Мурзин. В итоге и мне Астахова поставила «автоматом» «5» по научному коммунизму и ОПП.

12 июня (понедельник)

Отправился в университет, чтобы получить стипендию. Вместе с Пасько поднялись к кафедре новой и новейшей истории, где наши женщины должны были сдавать экзамен по Азии и Африке. Женщины жаловались, что Ю. Г. принимает очень медленно – с утра принял только троих.

Носов сказал, что Ивах приедет получать стипендию только в 14 ч. Мы с Пасько решили до этого времени сходить в кино. Посмотрели в «Москве» фильм «Остров сокровищ». В университет пошли пешком. Встретили Талину Борисовну, которая получила у Ю. Г. «5». Возле университета на скамейке сидел Леша со своим младшим братом. Я подсел к ним. Позже к нам присоединился Коваленко.

Ивах появился ок. 15 ч. и через полчаса получил деньги. Карпов попросил меня составить «Акт обследования материального положения» Коваленко, чтобы получить по нему ректорскую помощь. В профкоме я взял образец этого акта. Получил у Иваха стипендию на себя, Сляднева и Гаврилюка (Сляднев попросил меня об этом еще утром в общежитии).

Наш курс на лекции у декана, профессора С. И. Сидельникова
Первый ряд (слева на право): В. Рубан, А. Каминский, Б. Носов, И. Сергеев, В. Пацула, А. Свистюла, А. Гребенюк.

Второй ряд: В. Дацько, В. Костянецкая, Т. Яценко, И. Сабельникова, А. Федорков (Леша), Ю. Гаврилюк, Н. Науменко, Е. Хрисолури, Г. Ивах (Гриша).

Третий ряд: А. Репало, В. Соломяный (Шмек), З. Лосева, Б. Мосейчук-Свобода (Б. С.).

Четвертый ряд: Т. Бескоровайная, С. Подгорная, Л. Морозко, В. Кот.

Пятый ряд: В. Нагорная, О. Скворцов (Граф), О. Ващук.

Слово о Б. С.

Предисловие

Замысел зафиксировать то, что мне известно о «жизни и деятельности» нашего легендарного сокурсника, я вынашиваю уже несколько лет.

Несомненно, Б. С. был одной из ярчайших фигур нашего курса. Во времена нашего студенчества, когда у нас была возможность общаться с Б. С. почти ежедневно, мы были совсем юными и не могли в полной мере оценить масштабность его личности, специально не наблюдали за ним, не фиксировали его неординарные поступки. Мне кажется, что его вполне можно отнести к тому разряду людей, которых Л. Н. Гумилев назвал «пассионариями». Это люди, которым скучно жить так, как живут все окружающие, они часто без всякой корысти для себя, а то и во вред, что-то выдумывают, фантазируют, врут, совершают, на взгляд окружающих, ничем не мотивированные действия, чтобы сделать повседневную действительность ярче, богаче. С такими людьми интересно общаться время от времени, но жить с ними постоянно, быть от них в какой-то зависимости очень тяжело. Думаю, что немало людей к настоящему времени пострадали от тесного общения с ним, но полагаю, что вред им он нанес не из подлости, а по беспокойности своего характера. Я ничего не знаю о детстве и ранней молодости Б. С., но уверен, что «чудить» он начал с первых лет жизни.

То, что изложено ниже, известно мне или из непосредственного общения с Б. С., или от людей, которым вполне можно доверять.

Б. С. и наука

Почему Б. С. стал студентом именно исторического факультета, для меня до сих пор загадка. Анализируя сейчас его отношение к учебе в университете, я прихожу к выводу, что историю он не очень-то любил и хорошим студентом быть не стремился. Ведя очень бурную жизнь, он не мог сосредоточиться на учебе, днями готовиться к сдаче экзаменов и зачетов. Вероятно, в силу каких-то обстоятельств, которым мы, его сокурсники (в своем большинстве), должны быть благодарны, ему проще всего было поступить именно на истфак.

В те времена я специально не фиксировал, насколько успешно он сдавал сессии, получал ли он по итогам их сдачи стипендию. Поскольку мы с ним были в разных группах, я не знаю, насколько активно и успешно он выступал на практических занятиях.

Помню, что мы с ним были в одной группе на занятиях по немецкому языку, и он глубокими познаниями в этом языке не блистал. Однажды он до слез рассмешил всех присутствовавших на занятии своим диалогом на немецком языке с Колонтаевским. Вопрос Колонтаевского о том, как Б. С. себя чувствует (*Wie geht es dir?*), он понял так, что его спрашивают, зачем он сюда пришел, и начал бурно возмущаться.

В моем присутствии Б. С. сдавал зачет по украинской литературе, при этом, не показав глубоких знаний, он так выкручивался, что преподавательница тоже смеялась до слез и таки поставила ему зачет.

Когда С. И. Сидельникову вздумалось в качестве условия сдачи экзамена по новой и новейшей истории потребовать, чтобы каждый из нас прочитал одну книгу из составленного им списка научной литературы, я случайно выбрал книгу об участии Румынии в первой мировой войне, которая оказалась объемом всего в 19 страниц. Узнав

об этом, Б. С. выбрал себе тоже эту книгу (разрешалось одну книгу брать двоим).

Как известно, после 4-го курса Б. С. исключили из партии и университета (не за плохую учебу, а по причине «плохого» поведения), но он не порвал связь с исторической наукой, переключившись на археологию. Как раз в этом (1972-м) году моя будущая коллега по кафедре истории древнего мира и средних веков В. А. Латышева решила начать раскопки древнегреческого поселения «Маслины» в северо-западном Крыму. Б. С. предложил ей свою помощь в обустройстве лагеря будущей археологической экспедиции. Договорились, что Б. С. прибудет на место раскопок заранее, поставит палатки, запасется дровами, водой, наладит контакты с руководством ближайшего совхоза.

Вскоре после этого состоялись похороны умершего В. И. Астахова. Во время похорон Латышева с ужасом увидела, что в числе несших крышку гроба был Б. С. (без него эту крышку никак нельзя было нести!), который в это время должен был находиться в Крыму. Она решила, что Б. С. «завалил службу». Однако, когда она вскоре после похорон прибыла к месту раскопок, там ее встретил Б. С., успешно справившийся со всеми своими заданиями: палатки стояли, была большая куча дров, стояла цистерна с водой.

В 1974 г. я принял участие в раскопках «Маслин». Когда мы поездом прибыли в Евпаторию, на вокзале с грузовой машиной нас встречал Б. С. Он мне рассказал, что ему разрешили закончить истфак, восстановили в партии и извинились за незаконное исключение из нее. Оказалось, что он теперь работает в составе экспедиции известного археолога Щепинского. В этой экспедиции он, по моему, занимал должность завхоза, но при контактах с начальством ближайших совхозов выдавал себя за самого Щепинского. Водитель их экспедиции рассказывал мне,

На переднем плане Б. С., Карпов, Колонтаевский, Ивах. *Июль 1970 г.*

Я с Б. С. в Мартовой. *Июль 1970 г.* Я в 1972 году

что когда «настоящий» Щепинский, носивший бороду, представился одному из директоров совхозов, тот уличил его в обмане, поскольку у истинного Щепинского нет бороды.

В раскопках «Маслин» я участвовал больше десятка лет, и время от времени встречался с Б. С. О нем ходили легенды среди студентов-практикантов. Однажды прошел слух, что Б. С. арестован, поскольку у него обнаружили несколько паспортов и трудовых книжек, бланки и печати каких-то организаций. Но вскоре Б. С. появился на мотоцикле с коляской и большой флягой домашнего вина. На мотоцикл он посадил 12 чел., и мы поехали в ближайший рыбхоз пить это вино, черпали его кружками без ограничения.

В этот период Б. С. прославился тем, что (по его словам) под его руководством в Крыму был раскопан курган с не разграбленным захоронением сарматской царицы. Б. С. рассказывал мне, что когда археологи уже полностью очистили скелет и сопровождавшие царицу в могиле вещи из золота с редкими драгоценными камнями, но не успели все это сфотографировать, пошел сильный ливень. Пришлось на ночь все ценности оставить на месте, а для отпугивания возможных грабителей, посыпать землю вокруг кургана чем-то белым и написать, что это яд. Об этих раскопках в выходившем на многих языках журнале «Советский Союз» была помещена довольно большая статья, в которой не раз называлась фамилия Б. С. (у меня был этот номер журнала).

В дальнейшем научная деятельность Б.С. протекала уже в Москве. Здесь он обзавелся жильем, обменяв, насколько я понимаю, доставшуюся ему в наследство после смерти отца квартиру в Чугуеве на комнату в коммуналке в центре Москвы на ул. Мытной. (Вообще-то правильнее, наверное, было бы здесь говорить не об «отце», а об «отчине». Ведь еще в начале нашего учения на истфаке Б. С.,

родившийся в 1945 г., говорил нам, что его родным отцом является ставший впоследствии президентом Чехословакии Л. Свобода, а учивший в Чугуевском летном училище летчиков-курсантов, в частности, И. Н. Кожедуба, С. Мосейчук – его отчим. Б. С. до смерти этого отчима имел двойную фамилию, а потом, как он мне сам это рассказывал, чтобы не было сложностей с вступлением в наследство, он был вынужден отказаться от второй части фамилии и стал просто Мосейчуком). Конечно, поменять жилье в Чугуеве прямо на коммуналку в Москве было нереально. Поэтому Б. С. сначала поменял Чугуев на Харьков, потом Харьков на Симферополь, а потом уже Симферополь на Москву.

В Москве Б. С. установил тесные контакты с И. Н. Кожедубом и продолжил научную деятельность. Какое-то время он занимал должность помощника декана филологического факультета МГУ по хозяйственной части (за точность названия должности и факультета не ручаюсь, но что в МГУ, точно). При этом, по слухам, чтобы получить эту должность, Б. С. предварительно связался по телефону с деканом, представился таким-то генералом и попросил взять на работу Б. С. Потом он явился к декану, напомнил ему о телефонном разговоре, и тот взял его на работу. Мой коллега по кафедре А. П. Мартемьянов в один из приездов в Москву встречался с Б. С. в МГУ в его кабинете по поводу поселения в общежитии университета. Б. С. ему помог, но коллеге пришлось немного подождать приема, поскольку перед ним на прием к Б. С. попали два генерала, которые, уходя, его очень за что-то благодарили.

В начале 1980-х годов я встречался с Б. С. в Москве. Из разговоров с ним следовало, что он уже защитил кандидатскую диссертацию и работает преподавателем в гражданском вузе или военном училище (а может, и там и там). У него на квартире мне на глаза попался текст его лекции. Сейчас я не помню, какой была тема лекции.

Б. С. и армия

Армия в жизни Б.С. занимала большое место. Вероятно, с детских лет он жил в военной среде – в семье преподавателя Чугуевского училища летчиков. По неизвестной причине он не стал курсантом этого училища и был призван в армию (а может, он и был курсантом, но потом его за что-то исключили из училища и взяли в армию). Сам Б. С. рассказывал мне, что в армии ему служилось неплохо – он был водителем у крупного военного чина.

Когда на втором курсе мы начали по вторникам ходить на военку, Б. С. некоторое время тоже на нее ходил. Вскоре он осознал, что ничего интересного в этом нет, и вдруг обнаружилось, что ему военку посещать не нужно, поскольку он уже имеет офицерское звание. Таким образом, вторник стал для него свободным от занятий днем. Его офицерскую форму – китель с погонами лейтенанта авиации – мне приходилось видеть в шкафу на квартире на ул. Мытной в Москве.

После переезда в Москву связь с армией Б. С. поддерживал во многом через постоянный контакт с И. Н. Кожедубом. Я так понимаю, что на этот контакт тот пошел потому, что в годы войны «отчим» Б. С. учил Кожедуба летному искусству.

Б. С. стал очень нужным и полезным для И. Н. и его супруги. Во время своих поездок в Москву в эти годы я не раз встречался с Б. С., однажды немного проехался с ним и супругой И. Н. в «Чайке», но с самим И. Н. не встречался.

Зато как-то мне пришлось добывать для дачи или квартиры И. Н. сантехнику. В тот день Б. С. сообщил мне по телефону, что ему нужна моя помощь. В условленном месте я сел в крытый грузовик, в кабине которого находился водитель и Б. С. Мы поехали на какую-то базу, чтобы вывезти оттуда эту сантехнику. Во время поездки Б. С. вел разговор с водителем о езде на автомобилях. Из этого

разговора я узнал, что у Б. С. очень большой опыт вождения (выходило, что он водит машину где-то с 14 лет), у него есть собственный автомобиль «Volvo» (это в те-то годы!), а его соседом по гаражу является уже тогда бывший известным певцом А. Серов.

На базе мы загрузили машину ванной, унитазом, плиткой и еще чем-то. Но когда машина стала покидать территорию базы, вахтер на воротах ее остановил и заявил, что не выпустит нас, поскольку у водителя нет документов на вывоз сантехники.

Я как-то запаниковал, решил, что Б. С. затеял какую-то аферу, и нас теперь арестуют. Но Б. С. спокойно узнал у вахтера, где находится кабинет директора базы, и мы пошли к этому директору. Тот встретил нас очень приветливо, напоил чаем или кофе.

Во время пребывания в кабинете директора Б. С. рассказал, почему Сталин задержал награждение Кожедуба третьей звездой Героя Советского Союза. Оказывается, уже в воздушных боях над Берлином американские летчики мешали нашим летчикам сбивать немецкие самолеты. Кожедубу однажды мешал летчик-негр, пролетая все время между самолетом Кожедуба и немецким самолетом. Тогда Кожедуб рассердился и сбил этого негра. Из-за этого Сталин и «наказал» И. Н. При этом Б. С. руками показывал, как летали самолеты, директор слушал с большим интересом, радушно с нами распрощался и разрешил выпустить машину с территории базы. Все имущество мы выгрузили в какой-то гараж в Москве (Серов нам на глаза не попался).

После смерти Кожедуба Б. С. наладил контакт с Калашниковым, знаменитым создателем АК, и уже в недавние годы стал привозить в Харьков в магазины «Сафари» охотничье и спортивное оружие. Как-то резко из лейтенанта авиации он превратился в полковника, появляясь в Харькове то в темно-синем, то в белом кителе с полковничьими погонами. Китель украшали орденские колодки, выделялся

красивый крест, которым, как объяснил Б. С., награждают тех, кто имеет более 500 прыжков с парашютом.

Во время этих приездов в Харьков Б. С. останавливался в отеле «Харьков» в номере, который он называл «кожедубовским». При этом Б. С. старался созвониться с сокурсниками, чтобы встретиться с нами.

Несколько раз я являлся к нему в числе первых. Однажды он взял меня с собой на встречу с руководством магазина «Сафари» на ул. Сумской. Встреча началась с пьянки: пили большими дозами коньяк и закусывали бутербродами с красной рыбой. Затем перебрались в гостиницу «Харьков». Б. С. вызвал туда Лешу Федоркова с его «Жигулями» и предложил нам съездить с ним в Чугуев, к тамошним летчикам.

В Чугуеве заехали на территорию военного аэродрома, Б. С. указал нам на «борт № 062» и сказал, что этим «бортом» он прибыл из Москвы. На аэродроме местные офицеры-летчики организовали нам пьянку. Б. С. сказал летчикам, что мы с Лешей тоже офицеры-«летуны». Из рассказов Б. С. во время пьянки стало известно, что он воевал в Афгане, его самолет был сбит, военное руководство не дало ему звание генерала потому, что он высказывал мысли о бессмысленности этой войны и публично призывал к ее прекращению. Когда Б. С. на некоторое время покинул нашу компанию, летчики утверждали, что он летал и в космос.

Когда мы возвращались в Харьков, Б. С. приказал Леше подъехать к стоявшему на аэродроме военному самолету, чтобы поближе его посмотреть. Леша подъехал, к машине с криками стали бежать вооруженные автоматами солдаты. Б. С. их успокоил, и мы поехали в Харьков, т. к. Б. С. должен был уезжать поездом в Москву. По пути к вокзалу заехали в харьковский аэропорт, начальник которого радостно встретил Б. С. и ехавшего с нами из Чугуева начальника тамошнего училища. На вокзале нас ждали несколько наших однокурсников. Выпили

и с ними, а потом повели Б. С. на платформу к поезду. Возле вагона молоденькая проводница, увидев Б. С., сказала, что «этот полковник» ехал в ее вагоне и из Москвы (а Б. С. рассказывал нам о «борте»).

В последнее время, Б. С. связан уже не с «настоящей» армией, а с «козаками». Как-то он появился в деканате истфака в форме генерал-полковника. Но потом выяснилось, что это была не военная форма, а форма какого-то большого «козацкого» чина.

Б. С. и космос

На связь с космонавтами Б. С. вышел естественно, поскольку космонавты – бывшие летчики и некоторые из них были выпускниками Чугуевского училища. Из рассказов Б. С. мне известно, что он лично знаком со многими космонавтами, в числе свидетелей на свадьбах Б. С. были космонавты, с космонавтами он бывал в гостях у Аллы Пугачевой, ему доверяли возить на экскурсию в Чугуев из Москвы детей космонавтов. Благодаря Б. С. мне самому один раз пришлось выступить в роли космонавта. Произошло это так.

В 80-е годы я вместе с коллегами по кафедре довольно часто выступал с докладами на проводившихся в Москве научных конференциях. В те времена транспортные расходы были небольшими, университет беспрепятственно оплачивал нам научные командировки. Но большой проблемой было попасть в московскую гостиницу. Кто имел московских родственников, тот старался останавливаться у них, но это было не всегда удобно. В такой обстановке мне и моим коллегам не раз приходил на помощь Б. С. Под видом различных больших начальников он поселял нас в разные гостиницы Москвы и даже в Постоянное представительство Украины (в самом центре, за Моссоветом).

Как-то мы приехали в Москву довольно большой группой (человек 5–6). Предупрежденный мной заранее

о нашем приезде Б. С. встретил нас на Курском вокзале и на такси доставил к гостинице «Россия», рядом с Кремлем, ниже храма Василия Блаженного (несколько лет назад эту гостиницу снесли). При входе в гостиницу я обратил внимание на объявление, которое гласило: «Сегодня мы принимаем: депутатов Верховного Совета СССР, Героев Социалистического Труда, Героев Советского Союза (и еще кого-то)». Ни к одной из этих категорий мы не принадлежали, поэтому я сразу засомневался в том, что нам удастся здесь поселиться. Но Б. С. уверенно подошел к стойке администратора, сказал, что он хочет поселить группу космонавтов из Харькова и что по этому поводу у администратора должно быть письмо за подписью генерал-полковника Кожедуба. Администратор действительно нашла такое письмо и попросила нас предъявить командировки. Командировки у нас были, но в них мы никак не назывались космонавтами. Поэтому Б. С. без тени смущения заявил, что командировки мы «забыли в ЦУПе» (я не сразу сообразил, что ЦУП – это центр управления полетом). После этого нас беспрепятственно поселили в гостиницу.

Вечером Б. С. пригласил меня на ужин в ресторан посольства Чехословакии. Поскольку его отцом был Л. Свобода, Б. С., конечно, не мог не установить контакты с послом ЧССР. Чувствовалось, что он в посольстве не первый раз, его здесь знают (поскольку я был здесь новым человеком, на меня, наверное, обратили внимание: когда мы решили посетить тамошний туалет, Б. С. сообщил мне, что швейцар в ресторане посольства – подполковник КГБ, он спрашивал у Б. С., нужно ли ему меня сфотографировать). По рекомендации Б. С. мы пили «Бехеровку» и прилично набрались. Уже после 23 ч. Б. С. привез меня к «России» и хотел «добавить» в буфете гостиницы, начал скандалить с не пускавшим его швейцаром. С трудом я убедил его в том, что уже поздно и пора спать.

Вечером следующего дня, когда я покидал гостиницу, швейцар взял под козырек и сказал: «Мягкой Вам посадки!». Я поблагодарил его, мысленно удивился, причем здесь мягкая посадка, если я буду ехать поездом, но потом вспомнил, что я же «космонавт».

Б. С. и искусство

Во времена нашего студенчества, причем не всегда во время пьянок, мы часто занимались групповым пением. По-моему, Б. С. активно в этом не участвовал. Но уже на первом курсе нам довелось узнать, что к хоровому пению он имел весьма серьезное отношение.

В то время университетским хором по партийному поручению заведовала В. И. Астахова. Нас, первокурсников, она обязала поголовно участвовать в репетициях хора. На одной из репетиций я заметил, что в зале рядом с Астаховой сидит Б. С. После того, как мы спели какую-то песню, Астахова встала и сказала: «Сегодня вас послушал бывший солист хора Ленинградского военного округа и говорит, что у вас в целом неплохо получается. Поздравляю!».

Уже будучи в Москве, как я отмечал, Б. С. имел знакомство с А. Пугачевой, кажется, он говорил, что дружил и с В. Высоцким. Видимо, он считал своим долгом и посещение театров. Во всяком случае, однажды он пригласил меня и А. П. Мартемьянова с супругой в театр им. Ермоловой. Сидели мы в ложе директора театра, перед спектаклем к нам зашла какая-то бабушка (возможно, известная актриса), которая оживленно беседовала с Б. С., а он при встрече галантно поцеловал ее ручку.

Допускаю, что Б. С. приходилось даже участвовать в спектаклях какого-либо из московских театров.

В январе 1983 г. мне пришлось приехать в Москву в связи с тем, что в те времена для того, чтобы опубликовать автореферат кандидатской диссертации, нужно было получить

согласие на это официальных оппонентов. Моим первым оппонентом был заведующий кафедрой истории древнего мира МГУ проф. В. И. Кузищин, а вторым В. С. Шиловцева, перебравшаяся к тому времени из нашего университета в киевский. Т. о., я должен был ехать в Москву, а оттуда – в Киев.

В Москве Б. С. приютил меня в своей комнате на Мытной (именно тогда я и увидел его китель с погонами лейтенанта авиации). Я благополучно заполучил согласие В. И. Кузищина, но на следующий день должен был еще поставить факультетскую печать на соответствующей бумажке и только после этого мог ехать в Киев. В этот день, накануне моего отъезда, Б. С. вздумалось поводить меня по московским ресторанам. За 2–3 часа мы посетили три или четыре ресторана. Я точно помню, что мы были в ресторане «Прага». Б. С. мне сказал, что в этом ресторане он праздновал одну из своих свадеб, в числе свидетелей и гостей на которой было несколько космонавтов. Вторым из запомнившихся мне ресторанов был ресторан в «Доме актера» на ул. Горького. В этот ресторан кого зря не пропускали, а Б. С. был встречен в нем как постоянный посетитель. Вот на этом основании я предполагаю, что Б. С. имел какое-то отношение к актерам.

Во всех посещенных нами ресторанах мы заказывали обед из трех блюд с выпивкой. Б. С. проявлял завидный аппетит, я же не мог осилить все поданные нам яства. В итоге, мой желудок не выдержал испытания. На следующее утро я был «прикован к унитазу» и попросил Б. С. съездить вместо меня в МГУ и поставить на нужной мне бумажке факультетскую печать. Б. С. меня выручил.

Зимой 1987 г., когда я находился на стажировке в МГУ, Б. С. пригласил меня находившийся в районе Черемушек кинотеатр «Улан-Батор» посмотреть фильм «Приказано выжить». Перед фильмом Б. С. сообщил мне, что он был одним из военных консультантов при съемках этого фильма

и играет в нем роль. В титрах фильма действительно указывалась фамилия Б. С. Фильм был военный, о том, как наш разведчик уничтожил очень большую немецкую пушку, из которой обстреливался один из городов в Крыму (вероятно, Севастополь). Б. С. сыграл в нем небольшую (но со словами) роль начальника разведки партизанского отряда.

Б. С. и спорт

В период нашего студенчества внешне Б. С. производил впечатление человека спортивного вида (я на его фоне, конечно, выглядел хилляком). Возможно, в молодости он как-то заботился о своей физической форме. По его словам, он занимался парашютным спортом.

В первые дни учебы на первом курсе, когда мы еще совсем не знали друг друга, Б. С. заявлял, что он играл в футбол и даже стоял на воротах в чугуевском «Спартаке». Естественно, что в первом же матче по футболу между двумя группами нашего курса вторая группа поставила Б. С. на ворота. Но очень быстро стало ясно, что в футбол Б. С. никогда не играл и даже не был футбольным болельщиком. Впервые взяв в руки мяч, он не знал, что ему дальше делать: бросать мяч рукой или выбивать ногой. С ворот его пришлось снять, и больше он с нами в футбол не играл.

Б. С. и женщины

Внешне Б. С. не был писанным красавцем, но женщинам он нравился: роста не высокого, но и не маленький, хорошо физически развитый. Кто-то мне говорил, что чем-то он похож на В. Высоцкого. Его успеху у женщин способствовало то, что он перед ними не тушевался, не комплексовал, был уверен в своей способности им понравиться. Видимо, он рано понял, что женщины «любят ушами» и умел произвести на них впечатление разговорами.

Как-то он мне рассказал об одном из своих приемов покорения женских сердец. Еще в период службы в армии в качестве водителя военного начальника он сумел понравиться дочке этого своего «шефа». Чтобы произвести на нее впечатление, Б. С., узнав какую книгу она в эти дни читает, выучил наизусть несколько фраз из текста этой книги. Когда эта дочка вскоре спросила, читал ли он такое-то произведение, Б. С. попросил ее открыть такую-то страницу и дословно процитировал произведение. Эффект был соответствующий.

В отличие от Гребенюка («доктора Аскольдо ди Гребенюкко»), который рекламировал свои подвиги по женской части и публично «готовил тело» перед очередной охотой, Б. С. не распространялся о своих успехах, но все его соратники знают, что успехи эти у него были еще в период студенчества.

Уже во взрослой жизни Б. С. не оставлял женщин без внимания. Не совсем типичным является то, что Б. С. не боялся вступать с ними в брак, обзаводиться детьми. В результате он несколько раз праздновал свадьбы и являлся отцом нескольких детей. Мне довелось быть его свидетелем, по моему, на шестой свадьбе.

Вероятно, в 1985 г. во время очередного нашего приезда в Москву на конференцию Б. С. поселил меня и троих моих коллег в Постоянном представительстве Украины. В день отъезда в Харьков, уже после обеда, Б. С. позвонил мне в номер по телефону и сказал, что я ему срочно нужен. Договорились, что в такое-то время я подъеду на ул. Профсоюзную. Я подъехал на метро, вышел на улицу. Оказалось, что Б. С. меня уже ждал в «Чайке» Кожедуба.

К тому времени Б. С. жил уже не на Мытной в коммуналке, а в однокомнатной квартире в 16-этажке в районе ул. Профсоюзной. Мы приехали к его дому, поднялись в квартиру. Б. С. отругал меня за грязные ботинки («военная жилка» проявлялась в нем в том, что он следил за тем,

чтобы обувь была тщательно начищена), дал мне обувную щетку и пошел зачем-то на кухню.

В комнате я нашел какого-то мужчину довольно солидного возраста (позже Б. С. сказал мне, что тот – генерал) и спросил у него, почему Б. С. меня сюда привез. Он очень удивился моему вопросу и сказал: «Как, разве Вы не знаете, что Б. С. сегодня женится, а Вы будете его свидетелем на свадьбе?».

Пришел Б. С., отвел меня на кухню и вручил мне коробку конфет, сказав, что эта коробка будет считаться моим подарком молодоженам.

Вскоре появилась невеста, женщина примерно нашего возраста, работавшая, как я позже узнал, диспетчером в одном из аэропортов Москвы. По пути в ЗАГС заехали к родителям невесты. Я так понял, что дочка была у них единственным ребенком, они радовались ее позднему браку, но мне их было как-то жалко: я не был уверен, что этот брак будет счастливым.

Оформили бракосочетание в каком-то районном ЗАГСе (помнится, женщина-депутат, регистрировавшая брак, сказала: «Кольцами молодые уже поменялись заранее»), а праздновать свадьбу поехали в чехословацкое посольство.

В ресторане посольства почему-то выпивку («бехеровку») подавали сначала, а закуски через какое-то время. Поскольку мне нужно было отправляться на поезд, я прилично выпил, но без закуски сильно опьянел. Узнав, что мне пора на вокзал, Б. С. выделил мне черную «Волгу», приказал водителю отвезти меня сначала в гостиницу, а потом на Курский вокзал, а мне запретил что-либо платить водителю.

Когда мы приехали в гостиницу, мои коллеги уже были на вокзал. В те времена в Харькове все было в дефиците, поэтому я натащил в номер много разных пакетов с покупками. Собрав эти пакеты, я сел в машину, но уже почти на подъезде к вокзалу сообразил, что часть пакетов

я, «по пьяни», оставил в номере. Попросил водителя вернуться к гостинице и действительно нашел в номере несколько забытых пакетов. Прибыв на вокзал, я все-таки дал водителю какие-то деньги. До отправления поезда оставалось совсем мало времени, мои коллеги уже волновались и были очень удивлены моим пьяным видом.

В 1987 г. я четыре месяца был на стажировке в МГУ и несколько раз встречался с Б. С. По моей просьбе он устроил меня на работу в одно из почтовых отделений Москвы, в котором начальником отдела доставки была его бывшая любовница.

Приходилось мне бывать и в гостях у Б. С., в его квартире в 16-этажке. У меня сложилось впечатление, что брак, свидетелем заключения которого я был, удачным не получился. Б. С. и его супруга меня радушно принимали, но ссорились и в моем присутствии, налегали на спиртное. Был случай, что оба они уснули, и мне пришлось покидать хозяев, не простившись.

Послесловие

Конечно, это не все, что мне известно о Б. С. При его насыщенной жизни даже один из прожитых ним дней можно было бы описывать на десятках страниц. Поэтому я и назвал свой «опус» не «деяния» или «панегирик». К сожалению, в начале 2017 г. Борис Степанович скончался; удивительно, что при таком напряженном образе жизни он смог прожить более 70 лет.

Я всегда относился к нему с известной долей симпатии, считал его нестандартной, яркой личностью. Думаю, что много интересного о годах студенчества Б. С. могли бы рассказать Ивах (и жаль, что он это не зафиксировал на письме, как это сделал я сейчас) или Карпов, а о московском периоде жизни — Князь, Кот, Крючков или Каминский.

Я с Гельзимом

Истории с бородой

История бороды

Впервые бороду я попытался отпустить в 19 лет, во время археологической практики после первого курса. Выяснилось, что она у меня довольно густая, жесткая и черная. Потом несколько дней я носил бороду в стройотряде в Нижневартовске после третьего курса. Я хотел быть бородатым весь период пребывания в стройотряде, поскольку борода защищала лицо от кишащих вокруг комаров. Но в наш отряд прибыли какие-то комсомольские деятели и приказали всем бороды сбрить, т. к. они не соответствуют облику комсомольца.

После окончания университета я на протяжении ряда лет отпускал бороду летом, во время участия в археологических раскопках в Крыму. Жили мы в палатках, без электричества. Пользоваться электробритвой было невозможно, а на бритье безопасной бритвой время тратить не хотелось. По возвращению домой бороду я сбрасывал и ходил безбородым до следующего лета.

Решение окончательно обзавестись бородой я принял в 33 года. К этому времени у меня уже образовалась основательная лысина и незнакомые люди иногда обращались ко мне: «Эй, лысый, ...». Такое обращение мне совсем не нравилось и я решил, что пусть лучше меня будут называть «бородой». К тому же выяснилось, что борода мне идет и жена не имеет ничего против моего бородатого состояния.

Борода моя была не только густая и жесткая, но и почему-то очень рано начала как-то быстро седеть.

В результате вскоре я выглядел намного старше своих лет. По этой причине со мной стали происходить довольно смешные истории, о которых я уже рассказывал многим своим знакомым, а теперь хочу зафиксировать их письменно.

Истории с бородой

*Barba non facit philosophum,
barba facit senecem⁵⁰*

Ряд историй произошел в транспорте – в электричке, в метро. То, что мне иногда уступают место молодые люди, меня несколько смущает, однако особого смеха не вызывает. Но целый ряд недоразумений, связанных с моей бородой, мне кажется весьма забавным.

Довоенное детство

Среди моих соседей по садовому участку была довольно пожилая супружеская пара. Однажды нам довелось вместе ехать на дачу. Зашел разговор о садовых культурах. Бабушка высказала мысль о том, что в нашем саду нельзя вырастить хороший виноград – климат не тот. Я ей возразил, что мое детство прошло как раз в этих местах и я с друзьями воровал в общественных садах вполне неплохой виноград. После этих моих слов бабушка с чувством воскликнула: «А, так Вы до войны жили в этой местности!». Меня эти ее слова весьма смутили, но о том, что я родился только через пять лет после окончания войны, я ей рассказывать не стал.

---

⁵⁰ Борода не делает философа, борода делает старика (лат.).

Аксакал

Как-то летом ехал я в электричке на дачу и уже на подъезде к своей станции вышел в тамбур вагона. Там находился слегка подвыпивший мужик, с виду лет на пять моложе меня. Ему вздумалось завести со мной разговор о погоде. Он сетовал на то, что климат у нас ухудшился – и зима не холодная и лето какое-то ненормальное. В конце своей тирады он с пафосом обратился ко мне: «Батя! Ну скажи, разве в ваше время погода была такой?». Видимо, он считал, что мне, как минимум, лет сто. Я не стал его разочаровывать и ответил, что в наше время погода была совсем другой.

Погодок

С 1985 по 2013 год по утрам в воскресенье я круглый год играл в футбол на Холодной горе. После переезда на Новые дома на футбол мне приходилось ездить на метро. До станции Советской (ныне – Майдан конституції) ехал обычно, стоя, а после – сидел. Пока не ухудшилось зрение, я в метро что-нибудь читал. Как-то сажу я, читаю и чувствую, что кто-то на меня пристально смотрит. Поднял глаза и увидел, что мной заинтересовался незнакомый мне старик. Поскольку он продолжал на меня смотреть, я спросил, почему я его интересую. Он ответил: «Да я вот смотрю, что ты где-то мой погодок, а читаешь без очков». Тогда я спросил: «А сколько же тебе лет?». Он ответил: «Семьдесят один». Тогда я ему сказал: «Я вот еду в футбол бегать. А ты в футбол еще играешь?». О том, что мне на тот момент было чуть больше 40 лет, я ему говорить не стал.

«Вы же старше...»

В начале 1990-х годов наш народ в борьбе за выживание бросился обзаводиться садами и огородами. В связи с этим возникла большая проблема с проездом в электричке. Желających добраться к своим участкам было так много, что на некоторых станциях люди не могли протиснуться в вагон, а сидячее место можно было занять только на начальной станции.

Как-то мне повезло. Я попал в вагон задолго до отправления электрички и занял сидячее место. Постепенно народ прибывал, многие уже стояли. Вскоре я заметил очень старенькую, согбенную, чуть ли не покрытую мохом старушку. Она с трудом стояла на ногах. В вагоне сидело много молодых людей, но никто из них не догадывался уступить ей место. У меня как-то проснулась совесть (или жалость) и я предложил бабушке сесть на мое место.

У нее, видимо, были проблемы со слухом, поскольку она очень громко, на весь вагон, возразила на мое предложение: «Сидите, сидите! Вы же старше!». Но я ей ответил, что старше нее людей не бывает, и уговорил ее присесть.

«Дадите кому-нибудь почитать»

В последние годы у нас везде раздают разного рода рекламки. Как-то при выходе из метро я увидел бабушку, которая предлагала прохожим бумажки с какой-то рекламной информацией. Видимо, занималась она этим уже несколько часов, устала и раздавала бумажки, не глядя на тех, кому их предлагала.

Я решил посмотреть, что же она рекламирует, и протянул руку за бумажкой. Бабушка было дала мне рекламку, но, подняв на меня глаза, как бы передумала мне ее отдавать. Потом она все же решилась «поделиться» со мной и дала мне рекламку со словами: «Берите, может, дадите

кому-нибудь почитать». Меня она этим заинтриговала. Я решил посмотреть, что же это она такое рекламирует. Оказалось, что это была реклама средства для увеличения мужской потенции. Значит, бабушка решила, что мне лично это уже ни к чему. Было несколько обидно.

Юноша

В трудные годы перестройки мы не могли себе позволить покупать мясо получше. Искали подешевле. Поэтому как-то послала меня жена за мясом для бульона на Конный рынок. После присматривания я выбрал продавца, который, как мне показалось, не должен бы сильно обвешивать и подсовывать кусок похуже, и стал к нему в очередь.

Купив мясо, я стал тут же укладывать его в целлофановый пакет. Вдруг меня кто-то стал толкать. Я оглянулся и увидел дедушку с палочкой, который протискивался к мяснику и решил меня несколько подвинуть.

Возмутившись, я спросил его, почему он меня толкает. Дедушка обиделся и сказал: «Ну, что Вы возмущаетесь, видите же, что я пожилой человек». На это я ответил, что я тоже пожилой человек, но я же его не толкаю. Тогда он довольно пылко сказал: «Какой Вы пожилой человек? Вы по сравнению со мной юноша. Мне 89 лет!». Тогда я спросил, а сколько же, по его мнению, лет мне. Он ответил: «А вам 79 лет». В наш разговор вмешался продавец мяса и сказал: «Ну, что Вы такое говорите. Этому мужчине 60 лет». Я не стал их удивлять моим действительным возрастом и ушел.

Неказистый ухажер

Как-то моя супруга решила сделать себе стрижку в парикмахерской неподалеку от нашего местожительства. У меня было свободное время, и я решил с ней прогуляться. К парикмахерской нам пришлось идти мимо

женщин, которые возле магазинов продавали всякие фрукты-овощи.

Я отвел жену на объект и договорился, что через некоторое время вернусь к ней. На обратном пути я проходил мимо торговавших женщин и слышал их разговор между собой (они не очень-то заботились о том, чтобы говорить потише):

— Смотри, идет. И где же это он ее оставил, и чего это она связалась с таким старым?

— Да откуда ты знаешь, может у него что-то стоит.

— Как же, стоит! Зубы в стакане у него стоят.

Этот их диалог меня несколько возмутил, я мог бы возразить им, что я, хоть и не намного, но моложе своей супруги, но решил, что конфликтовать со скучающими женщинами мне «не по возрасту».

Перестраховщик

Как-то в связи с предстоящей поездкой в Германию я решил оформить медицинскую страховку в фирме, которая размещалась в бывшей гостинице «Интурист». Очереди не было, мне оказали много внимания, предложили бесплатный кофе.

Необходимые бумаги были оформлены довольно быстро, но перед тем, как сообщить мне цену страховки, вежливый сотрудник деликатно спросил меня: «Извините, а какого Вы года рождения?» Я назвал год, и он, несколько смутившись, сообщил мне цену. Тогда я спросил, почему его заинтересовал мой год рождения. Он ответил: «Видите ли, если клиенту более 65 лет, мы с него требуем более высокую плату, за повышенный риск. Оказывается, Вы к этой категории не относитесь».

Свидетель голодомора

Как-то довелось мне побывать в гостях у матери моего друга А. С. Хотя ей уже более 80 лет, она всегда старалась встретить гостей обильным обедом или ужином. Так было и на этот раз.

За столом зашел разговор о советских временах. Я посетовал на свое «трудное детство»: вырос в бедной многодетной семье, пришлось зимой мерзнуть, голодать. Услышав о моих страданиях от голода, добрая хозяйка сочувственно согласилась: «Да, действительно в 1933-м году был сильный голод». И это при том, что самой ей в 1933-м году было лет семь и она знала, что ее сын, хоть и не намного, но старше меня.

Бесхозный дедушка

Для поездок за город (на дачу, в баню) решил я приобрести резиновые сапоги. В магазине возле нашей станции метро таковые оказались. Внешне они казались весьма прочными, и цвет их мне импонировал – не банальный черный или вызывающе-красный, а приятный темно-зеленый. Размер я взял немного больше, чтобы вставить в них стельки – для тепла.

В ближайший банный день (как раз после дождя была грязь) я обул сапоги, надеясь по пути в баню прикупить и стельки. В длинном подземном переходе на станции метро «Пролетарская» я увидел бабушку, которая торговала стельками.

Бабушка оказалась очень «контактной», словоохотливой, бодро заверила меня, что у нее обязательно найдется нужный мне размер. Он действительно нашелся. Расплатившись с бабушкой, я решил тут же, возле нее, и вставить стельки в сапоги.

Когда я снял сапог, бабушка, у которой после меня не было покупателей, обратила внимание на то, что я надел

летние тонкие носки, хотя на улице было довольно холодно. Она сделала мне по этому поводу замечание, потом вдруг глаза у нее даже несколько загорелись, и она спросила меня: «А бабушка у Вас есть?!».

Видимо, она сама дедушки не имела, прикинула, что я не такой уж «подтоптаный» дедушка, и у нее тут же в отношении меня созрели определенные надежды. ... Пришлось ее огорчить и сообщить, что бабушка у меня все-таки есть.

В последние годы я возрастом стал соответствовать своему внешнему виду. Поэтому и историй с бородой происходит все меньше. Но жизнь, возможно, еще подарит новые.

Случаи из жизни

Глоток свободы или Барбос в гостях у Бобика

Руки у моего старшего брата выросли из того места. Для него не проблема набить топор, отбить косу, что-то починить или сделать. Своими руками он построил кирпичную дачу и «прилепил» к ней относительно небольшую кирпичную же пристройку. Несколько лет в этой пристройке он размещал клетки для кролей, которых выращивал и собственноручно разделывал. Когда кроли начали болеть «чумкой», брат решил прекратить это занятие и переоборудовал пристройку в парную баню.

У меня были опасения, что с постройкой бани у брата появится много друзей, которых будет привлекать не столько баня, сколько возможность в этой бане прилечь к спиртному. К счастью, эти мои опасения не оправдались. Без спиртного не обходилось, но брат приглашал только тех, для кого на первом месте была именно баня, а не выпивка в ней.

Постепенно образовался стабильный состав участников посещения бани (один раз в неделю), но время от времени брат приглашал и людей «со стороны», тех, кто ему нравился по своим человеческим качествам и кому он хотел сделать приятное.

Как-то такое приглашение он сделал одному из своих коллег по институту (назовем его Григорием Федоровичем). Брату он был симпатичен тем, что был человеком скромным, спокойным, порядочным. Вызывало сочувствие

то, что, в представлении брата, Григорию Федоровичу не очень повезло в личной жизни. Жена его была женщиной властной, держала его в «ежовых рукавицах», контролировала каждый шаг. После работы он пребывал в основном дома, в обществе жены, дочери и двух домашних собачек.

По непонятной причине супруга не запретила Григорию Федоровичу принять приглашение брата посетить его баню. В бане Григорию Федоровичу очень понравилось. Брат старался ему не надоедать расспросами, был очень деликатным, попарил гостя по полной программе. После бани был накрыт стол со скромной, но вполне приличной закуской и самогоном на ореховых перегородках. Атмосфера за столом была непринужденная. Поскольку компания была чисто мужская, брат позволял себе в разговоре не вполне цензурные слова и выражения. Время летело незаметно, Григорий Федорович вдруг понял, что уже поздно и, несмотря на уговоры брата, стал собираться домой.

Дома жена встретила Григория Федоровича не очень агрессивно. Все же она не удержалась от упреков: неужели для того, чтобы помыться в бане, нужно так много времени, почему от него разит самогоном.

Поскольку Григорий Федорович половину дня бездельничал, а жена занималась домашними делами, ему было предложено хотя бы помыть посуду. И тут Григорий Федорович, еще не вышедший из расслабленного и благодушного состояния после бани, произнес одно из услышанных в бане выражений: «Не царское это дело в п...е ковыряться».

Не то, чтобы сказано это было дерзко, с вызовом, во весь голос. Он просто подумал вслух. Но это прозвучало в присутствии дочери, в присутствии собачек и эффект имело очень сильный. На какое-то время супруга Григория Федоровича лишилась дара речи, а потом посыпались вопросы: «Что ты сказал? Как ты мог? Где ты услышал эту гадость? ...».

Больше Григория Федоровича в баню не пускали (да он и не смел просить об этом), а с моим братом его супруга уже несколько лет не здоровается.

Недоразумение

Несколько лет на кафедре физвоспитания Харьковского сельскохозяйственного института имени В. В. Докучаева, на которой в качестве преподавателя работал мой старший брат, в должности лаборанта состоял грузин Гоча. У брата с ним сложились неплохие отношения, иногда они беседовали о жизни, брат расспрашивал Гочу об обычаях грузинского народа и т. п.

Как-то к Гоче из Грузии приехал в гости его отец Михо. Гоча предложил брату прийти к нему вечером на ужин и пообщаться с его отцом. Брат согласился.

Ужин затянулся. На стол были выставлены национальные грузинские блюда, в качестве спиртного была предложена чача (виноградный самогон). Брат старался вести с грузинским гостем оживленную беседу, мужественно пил чачу, старался придумать содержательные тосты. К концу ужина он порядочно «набрался», но смог самостоятельно добраться в свою квартиру.

Утром брат чувствовал себя весьма плохо, но счел своим долгом нанести визит Гоче и пригласить его и Михо в гости к себе.

Прибыв к Гоче, брат изложил ему цель визита. Гоча сказал, что спросит отца, примет ли он приглашение брата. Через неплотно закрытую дверь комнаты, в которой находился Михо, брат услышал, как явно встревоженный отец Гочи (почему-то по-русски) в испуге говорил своему сыну: «Поскорее уведи этого страшного человека, если я пойду к нему, то точно умру!!».

Вернувшись к брату, Гоча сказал ему, что, к сожалению, отец не может принять его приглашение, т. к.

плохо себя чувствует после вчерашнего, и постарался мягко упрекнуть брата за то, что он не догадался раньше закончить свой вчерашний визит к нему. На это брат ответил: «Но ведь ты сам рассказывал, что по грузинскому обычаю гость, чтобы не обидеть хозяина, не должен с ним прощаться, пока не будет произнесено 12 тостов!». Гоча в ответ признал, что такой обычай есть, но при этом предполагается, что пить будут не чачу, а вино.

Гуманист

По моим наблюдениям, очень сильные физически люди, если они не умственно отсталые, отличаются и большой добротой. Возможно, не вполне отдавая себе в этом отчет, они жалеют слабых обычных людей и относятся к ним так же, как нормальные взрослые люди относятся к детям. Но при этом, не будучи агрессивными по натуре, они не стесняются применить свою силу по отношению к тем, кто ведет себя неподобающим образом.

К числу таких людей относится мой друг А. И. Елкин. Роста он не большого и в плечах не так уж широк, но большая сила в нем просматривается, и он не раз ее проявлял. Например, когда ему надоело бороться с сорняками на своем дачном участке, он решил избавиться от них оригинальным способом. Лопатой он снял слой земли глубиной в два штыка по всей площади участка и вывез его за пределы дачи на тачке. Затем из леса, находившегося примерно в километре от его дачи, он тачкой привез землю без сорняков и засыпал ею участок.

Однажды с А. И. произошел такой случай. Возвращался он в дождливый вечер домой из гостей. В каком-то малолюдном месте к нему прицепился подвыпивший мужик, стал что-то требовать. А. И. решил с ним не заводить и просто оттолкнул его от себя. Однако мужик не успокоился, догнал А. И. и полез в драку.

По словам А. И., он не хотел обижать пьяного, но его вывело из себя то, что, отлетая от него, мужик ухватился за его куртку и повредил ее. Дальше дословно А. И. сказал следующее: «Я схватил его за руку и решил ее сломать. Но потом мне стало его все-таки жалко и я ограничился тем, что сломал ему палец (он наглядно показал, как это было сделано), оттолкнул от себя и ушел». «А что же мужик?», – спросил я. «А я знаю? Упал, начал что-то мычать. Но я не стал его слушать», – ответил А. И.

Благодетель

Как-то во второй половине 1990-х встретил я в метро мужа моей одноклассницы Колю Юнакова. Еще со школьных лет он производил впечатление всегда бодрого и энергичного человека. В этот же раз бросалось в глаза, что он перемещается с большим трудом, каждое движение отражалось на его лице гримасой боли.

«Коля, что это ты как с креста снятый?», – спросил я его. Узнав меня, он ответил: «Еще две недели назад я был в заложниках». Я сразу решил, что его занесло аж в Чечню. Но оказалось, что все совсем не так. Произошло с ним следующее.

Приехав в Днепропетровск в гости к своей тете, Коля намеревался подарить ей некую сумму денег. Но не в гривнях, а в долларах, которые он перед этим заработал в Польше. Чтобы не отсчитывать нужную сумму в присутствии тети, он остановился на улице возле тетиного подъезда и, достав кошелек, начал отсчитывать эти доллары (в мелких купюрах).

Вдруг возле него остановилась иномарка, из нее выскочили крепкие молодые люди и в одно мгновение затащили Колю в машину. В машине ему набросили на голову мешок, нанесли сильный удар в печень и пригрозили убить, если он поднимет шум.

Привезли его в недостроенную дачу за городом. Когда выяснилось, что в его кошельке денег не так уж и много, Коле заявили, что его не отпустят до тех пор, пока его родственники не заплатят похитителям большие деньги.

Богатых родственников у Коли не было, в подвале дачи его держали больше месяца. Кормили его и выводили в туалет не каждый день, несколько раз жестоко избивали штыковой лопатой (били не деревянной частью, а металлической).

Однажды утром Коля услышал голос мужика, который звал к себе собаку. Коля решил, если он слышит мужика, то и тот его услышит, если громко кричать. Мужик его услышал, вызвал милицию, Колю освободили.

Похитителей арестовали, провели следствие, но никого не посадили. «Мой тебе совет, – сказал мне Коля на прощание, – никогда не открывай кошелек на улице!».

Прокол (неудачное покушение)

В то время, когда цены на товары повседневного спроса на лотках были ниже, чем в магазинах, по пути на работу я заехал на Благовещенский базар, чтобы купить банку растворимого кофе. Довольно быстро я произвел эту покупку, но затем решил посмотреть цены на обои.

К обойному ряду нужно было пройти по территории рынка, запруженной толпами народа. Вскоре я почувствовал сильный толчок в спину. Я оглянулся, но не смог определить, кто из толпы меня толкнул, и стал продвигаться дальше.

Через короткое время меня опять сильно толкнули в спину. В то время, как я попытался оглянуться назад какой-то парень обогнал меня слева, поставил согнутую в локте правую руку к моему горлу, а левой полез в нагрудный карман куртки. Дело в том, что после покупки кофе в этот карман я положил свой кошелек. Видимо, уже

тогда я находился под наблюдением рыночных карманников, и теперь они предприняли попытку овладеть моими деньгами.

Спасло меня то, что тот нагрудный карман я застегнул на «молнию». Попытавшийся залезть в карман парень не смог быстро расстегнуть «молнию». Я почувствовал, что он хочет проникнуть в мой карман, и наткнулся на его руку своей рукой.

При этом наши глаза встретились на очень близком расстоянии. По его глазам я понял, что он готов к тому, что его сейчас будут бить, и решил оправдать его ожидания. Правым кулаком я постарался ударить его в челюсть. Однако, поскольку он ожидал от меня таких действий, он уклонился и удар мой, хотя и пришелся по его челюсти, но получился «смазанным».

Из-за резкого движения у меня с головы слетела кепка. Я бросился ее ловить и тут сообразил, что у этого парня есть сообщник и он может нанести мне удар сзади. Я резко обернулся назад и упредил нападение на меня с тыла. При возбужденном наблюдении за нами окружающих мы «рыкнули» друг на друга и разошлись.

После этого случая я понял, что на рынке действуют охотники за чужими кошельками, причем «работают» они парами. Не раз я замечал, что становлюсь для них объектом внимания, но своим поведением давал им понять, что я их выделил из толпы, и им лучше не тратить на меня свое время.

Несколько лет спустя я узнал, что парами карманники «работают» не только в Харькове. В 1998 г. после участия в археологических раскопках российско-немецкой экспедиции в Танаисе, недалеко от Ростова-на-Дону, в Харьков я возвращался автобусом.

При посадке в автобус его водитель очень придиричиво проверял у пассажиров наличие проездных билетов. Когда я занял свое место, в автобус вошел мужчина довольно

крепкого телосложения, в нагрудном кармане рубашки с короткими рукавами которого (дело было в августе месяце) отчетливо просматривался туго набитый кошелек. Когда он по проходу между креслами уже почти дошел до меня, один из сидевших возле прохода мужчин толкнул его с левого боку, а второй, когда хозяин кошелька повернулся в сторону толкнувшего его, попытался вытащить кошелек. Поскольку кошелек был большой, легко вытащить его из кармана похитителю не удалось. Хозяин кошелька громко возмутился, назревал крупный скандал, но карманники срочно покинули салон автобуса. Водитель автобуса, пустивший в автобус карманников, явно был с ними в доле.

Бомж-ударник

Не так давно моему коллеге по кафедре доценту А. П. Мартемьянову удалось улучшить свои жилищные условия. Новая квартира находилась не очень далеко от прежней. Поэтому он решил тяжелые и громоздкие вещи перевезти машиной, а часть мелких и легких вещей перенести в сумках.

На следующий день после переезда, с утра пораньше, он взял две довольно большие «классические» (в клеточку) сумки, оделся соответственно и отправился на старую квартиру. После загрузки сумки получились весьма объемными, но не слишком тяжелыми.

Поскольку в это время народ ехал на работу, общественный транспорт был перегружен, А. П. и не думал пытаться подъехать на автобусе, а пошел, не спеша, с загруженными сумками пешком.

Примерно на половине пути ему встретилась «сладкая парочка» – бомж и бомжиха. Они, конечно же, обратили внимание на А. П. и его сумки. Не заботясь о том, чтобы А. П. ее не услышал, бомжиха сказала своему спутнику:

«Вот видишь, как люди носят? А тебе только бы жрать да напиваться, а как что-то принести, так ты ленишься!».

Не успел А. П. отойти от начавших перебраняться бомжей, как ему позвонила по мобильному телефону супруга. Реакцией бомжихи на звонок была фраза: «У него и мобильник есть! А у нас с тобой, при твоей лени, никогда мобильного не будет!».

Мечь

В молодости активно занимаясь спортом и ведя здоровый образ жизни в зрелые годы, мой сосед А. С. Смирнов сумел и в уже достаточно солидном возрасте сохранить крепкое здоровье. Однажды ему по какой-то причине все же пришлось обратиться в поликлинику по месту жительства.

Отстояв в очереди, он попал на прием к своему участковому врачу, женщине, которая работала на этом участке уже не один десяток лет. Увидев А. С., она заявила, что он не ее пациент, она его ни разу не видела. А. С. возразил, что он уже давно проживает на территории ее участка, но до этого не нуждался в ее врачебной помощи. Тогда врачиха предложила ему, как первичному посетителю, пройти обследование у врачей-специалистов и дала ему «бегунок» с перечнем этих специалистов и информацией о том, в каких кабинетах они принимают.

Без особого энтузиазма А. С. начал обходить указанные кабинеты. В те, в которые стояли большие очереди, он сознательно не пошел, но в некоторые все же попал. В «бегунке» ему отмечали, что по соответствующей специальности в его организме все в порядке. Так он попал к кабинету сексопатолога.

Возле этого кабинета ожидали приема только два человека – дедушка и бабушка. А. С. спросил у них, принимает ли врач. Ему ответили, что прием вообще-то есть, но врач ушла в соседний кабинет пить чай и пьет его уже

довольно долго. А. С. осмелился заглянуть в указанный кабинет и спросил, будет ли сегодня принимать сексопатолог. Весьма крупного телосложения женщина, лет за 40, явно еврейской наружности, строго посмотрела на него и сказала, что сейчас начнет прием.

Действительно очень быстро она допила чай, приняла дедушку и бабушку и пригласила в кабинет А. С. С порога она спросила, принес ли А. С. стерильные перчатки. А. С. не подозревал, что на прием к такому специалисту нужно приходить с перчатками, и ответил, что не принес. Тогда ему резко было заявлено, что без перчаток приема не будет. А. С. не стал расстраиваться и холодно попрощался с неприветливой врачом.

Однако уже в коридоре он уяснил, что в «бегунке» под одним номером кабинета числились два специалиста — уролог и сексопатолог. Тогда он решил все же купить перчатки (в аптеке на первом этаже) и вернуться на прием.

Когда он с перчатками прибыл к нужному кабинету, выяснилось, что врачаха опять пьет чай в соседнем кабинете. Пришлось ему снова побеспокоить любителей чая. Увидев опять А. С., врачаха чуть ли не зашипела от злости и с угрозой в голосе сказала, что сейчас придет.

Порог ее кабинета А. С. переступил с некоторой опаской, но успокаивал себя, что ничего плохого ему не сделают. Приняв от А. С. перчатки, врачаха предложила ему раздеться до пояса, просунули свои руки ему под «мышки» и сильно надавила. Видимо, там находились какие-то лимфатические узлы, нажатие на которые вызвало довольно сильную боль. «Таки нашла, что сделать», — подумал А. С., но мужественно стерпел боль. После этого ему было предложено снять брюки и трусы, нагнуться над столом и опереться о него локтями. Когда А. С. все это сделал, он почувствовал, как врачаха бесцеремонно вставила ему в задний проход свой палец (вот почему она требовала перчатки) и стала энергично его вращать в прямой

кишке. Это было суровее, чем лимфатические узлы, но А. С. и на этот раз не издал ни звука.

Вдоволь поиздевавшись над дерзким пациентом, врачиха сообщила А. С., что у него наблюдаются явные признаки аденомы простаты, ему необходимо срочно сдать анализы в 17-ю поликлинику, собрав их на голодный желудок, затягивание же с лечением повлечет оперативное вмешательство. После этого она выписала направление в поликлинику, указав в качестве диагноза подозрение на аденому (но в скобках поставила знак вопроса).

А. С. отнесся к диагнозу несерьезно; он понял, что направление в поликлинику с лечебным голоданием и сдачей анализов – это составная часть мести врачихи за то, что ее оторвали от чаепития. С тех пор прошло уже лет 7–8, а оперативное вмешательство А. С. (тьфу-тьфу) не требуется.

Конфуз

В первые годы супружеской жизни нам с женой пришлось помыкаться по квартирам, в основном в районе Салтовки. Одна из них находилась недалеко от гастронома. Однажды вечером супруга поручила мне купить в этом гастрономе яйца.

В те времена еще не было супермаркетов с их возможностью самостоятельного выбора штучного товара. Но яйца и тогда можно было выбрать в отделе самообслуживания и расплатиться за них при выходе из этого отдела.

Я выбрал яйца, но расплатиться за них сразу не смог. Поскольку дело шло к закрытию магазина и покупателей в нем было мало, несколько продавщиц, включая ту, которая обслуживала отдел самообслуживания, собрались в компанию и что-то оживленно обсуждали.

Чтобы честно расплатиться за покупку, я был вынужден прервать их беседу вопросом: «Кто здесь за яйца берет?». ...

В основном продавщицы были женщинами среднего возраста, уже с серьезным жизненным опытом; услышав такой вопрос от совсем юного мужчины, они истолковали его смысл по-своему и ответили мне дружным хохотом. Помнится, одна из них от приступа смеха аж согнулась пополам и чуть ли не упала на пол.

От такой реакции на свой, казалось бы, безобидный вопрос я сильно покраснел и готов был выбросить несчастные яйца. Но в итоге я все же за них расплатился и почти бегом покинул гастроном.

Любимый преподаватель

В 1978 г. археологи Харьковского исторического музея производили раскопки скифских курганов в Песочине. Курганы оказались не разграбленными; было решено продолжить их раскопки и в следующем году. Чтобы иметь в своем распоряжении дешевую рабочую силу, руководитель раскопок обратился к моему заведующему кафедрой, который в то время был и деканом нашего факультета, с просьбой направить одну группу студентов на археологическую практику в Песочин. Просьба была удовлетворена, а руководителем практики назначили меня.

Оказавшаяся под моим руководством группа студентов потребовала проведения с ней большой воспитательной работы. Несколько дней я приучал их к порядку, налаживал быт, требовал пораньше ложиться спать и побыстрее утром собираться на работу. Основная масса их поэтому была мною недовольна, с некоторыми отношения были довольно напряженными.

Палаточный лагерь мы разбили в заброшенном саду. Чтобы студенты ночными разговорами не мешали мне спать, свою палатку я поставил несколько в стороне, под старой грушей.

Однажды утром я проснулся от какого-то странного шороха. Хотя на дворе был июль, с груши уже начали опадать листья и оседать на моей палатке. Я понял, что кто-то сметает эти листья с палатки. У меня возникли хорошие мысли о студентах: пока я сплю, они осторожно, чтобы не разбудить меня и чтобы я не знал об их заботе обо мне, решили смести листья с моей палатки.

Утро было раннее, но солнце уже взошло. И тут я обратил внимание на тень лошадиной морды на потолке своей палатки. Вокруг нашего лагеря постоянно бродили какие-то лошади. Одна из них и решила полакомиться листьями груши, которые нападали на мою палатку. Я осознал, что эта лошадь может и наступить на меня своими копытами, и ударил ее кулаком по морде прямо через полотно палатки.

Eigentor⁵¹

Произошло это в первый год моей работы на кафедре. В то время мой научный руководитель В. И. Кадеев занимал пост декана нашего факультета. Когда приблизилась пора вступительных экзаменов, он включил меня в состав приемной комиссии, желая иметь в ней побольше людей, на которых можно положиться.

В те времена вступительные экзамены сдавались устно, администрация университета «заботилась» о том, чтобы абитуриентам выставлялись объективные оценки. Для этого принимались следующие меры: ответ абитуриента выслушивался и оценивался не одним, а двумя экзаменаторами; декан факультета приносил лично ректору список групп абитуриентов и пар экзаменаторов, а ректор решал, какая пара в какой группе будет принимать экзамен; ректор имел право присутствовать при ответах

---

⁵¹ Гол в свои ворота, автогол (нем.)

абитуриентов, чтобы убедиться в объективности экзаменаторов. Но при всей этой «объективности» декану обычно давался список разных «просьб» (ректорских, парткомовских, проректорских и т. д.) – фамилии абитуриентов, которым нужно поставить высокую оценку. На совещании в деканате информация об этих «просьбах» доводилась до сведения экзаменаторов.

Принимать экзамен в тот раз мне привелось в паре с С. М. Куделко. По возрасту он был моложе меня, но на факультете начал работать раньше, т. е. как университетский преподаватель был опытнее меня. Однако, поскольку я был «человеком декана», неформальным лидером в нашей паре был я. Перед началом экзамена нам, как и другим парам, была сообщена информация о «просьбах», в числе которых была одна ректорская.

Через какое-то время после начала экзамена к нам в аудиторию зашла эта ректорская просьба – совсем молодой парень, видимо, только что закончивший школу. Он выбрал билет с вопросами и сел к ним готовиться. Незадолго до того, как подошла его очередь отвечать, к нам вдруг зашел ректор.

С. М. сразу засуетился, хотел выйти из аудитории и предупредить декана о сложившейся ситуации. Но я решил, что это вызовет недовольство ректора, и сказал С. М., что ничего делать не надо.

Ректор вел себя солидно, поощрительно кивал нам, когда мы задавали экзаменуемым дополнительные вопросы или обосновывали выставляемую нами оценку.

Вскоре подошла очередь отвечать парню, за которого просил ректор. Сразу выяснилось, что по тем вопросам, которые были в его билете, он ничего не знает. Назревала «двойка».

С. М. опять засуетился, порывался пойти к декану, но я его остановил. «Просьба» получила «двойку». Через какое-то время ректор собрался уходить. Он пожал нам

руки, сказал, что мы работаем хорошо, оценки выставили объективно. ...

Не прошло и 10 минут после ухода ректора, как нас срочно вызвали в деканат. Явно встревоженный декан с порога потребовал объяснений, почему мы «завалили» просьбу ректора. Я объяснил ситуацию и сказал, что ректор сам виноват: нечего играть в «объективность», если у самого «рыльце в пушку».

Значительно позже мне кто-то рассказал, что «просьбу» на стационар не приняли, но приняли на вечернее отделение, а потом благополучно перевели на стационар.

Через несколько лет выяснилось, что мою фамилию ректор хорошо запомнил. Когда уже новый декан нашего факультета, Ю. В. Буйнов, во время вступительной кампании понес ректору, остававшемуся на своем посту, список пар экзаменаторов, тот попросил меня в этот день в приеме экзамена не задействовать.

Плач по Ильичу

В день похорон умершего 10 ноября 1982 г. генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева во всех трудовых коллективах СССР проводились траурные собрания. В нашем университете такое собрание проходило в актовом зале. К установленному времени я вместе с преподавателем кафедры новой и новейшей истории С. Шпагиным спустился на второй этаж. Оказалось, что в актовом зале все места уже заняты. Тогда мы поднялись на третий этаж и расположились на балконе актового зала.

Траурное мероприятие открыл представитель обкома партии. Его речь все присутствовавшие слушали стоя. Через несколько минут прослушивания этой речи я почувствовал, что у меня в горле начала скапливаться жидкость. Мне стало трудно дышать, я стал кашлять, из глаз от кашля потекли слезы.

Осознав, что кашель будет продолжаться долго и нарушает торжественность обстановки в зале, я решил поскорее покинуть балкон актового зала.

Хотя актовый зал в нашем университете довольно больших размеров, но он (даже и вместе с балконом) не был рассчитан на то, что в нем будет собран весь коллектив сотрудников. Поэтому те, кто пришел на траурное собрание уже после нас со Шпагиным, стояли в коридоре у раскрытой двери балкона. Можно представить, какие мысли у них возникли при виде выходявшего с собрания плачущего мужика.

Хитрый хохол

В середине 1990-х годов мне довелось участвовать в археологических раскопках в Крыму в составе московской экспедиции. Руководительница экспедиции согласилась с тем, что я привезу с собой и двоих своих детей.

Конечно же, я стремился к тому, чтобы мои дети не только купались в море, но и питались фруктами. Недалеко от нашего палаточного лагеря был большой виноградник, в котором уже был спелый виноград, но он тщательно охранялся.

Как-то возникла необходимость пополнения запаса дров для нашей кухни. Руководство ближайшего совхоза разрешило вырубить сухие деревья в посадке, которая окружала виноградник. Утром около 20 чел. из нашей экспедиции с топорами и пилами отправились на заготовку дров.

Трактор с прицепом должен был прийти после обеда. Поэтому заготовленные дрова были оставлены на месте. Перед возвращением в лагерь мы попытались договориться со сторожем, чтобы он позволил нам собрать немного винограда. Как я и предполагал, с учетом большого количества желающих сторож нам категорически отказал.

После обеда основная масса членов экспедиции бросилась купаться в море, грузить дрова в прибывший трактор набралось лишь человек 5–6, включая меня. Предполагая, что такому числу людей сторож может позволить зайти в виноградник, я перед выходом из лагеря прихватил с собой довольно большой целлофановый пакет, сложил его в несколько раз и положил в карман брюк.

Загрузив прицеп трактора дровами, мы попросились в виноградник. Мои предположения оправдались, сторож дал нам несколько минут на сбор винограда. Оказалось, что москвичи были к этому не готовы. Они набрали винограда в руки или кепки, я же наполнил свой пакет.

Прибыв в свою палатку с добытым виноградом, я через тонкие стены палаток услышал такой диалог моих коллег по погрузке дров в соседней палатке:

– Ну, как тебе наш хохол? ... А мы?

– М-да ...

Мессия⁵²

С 1972 г. по середину 1980-х годов экспедиция нашей кафедры проводила археологические раскопки древнегреческого поселения «Маслины» в Северо-Западном Крыму на мысе Тарханкут. Я с удовольствием участвовал в них почти все это время. За несколько лет образовалась группа ветеранов «Маслин», которые стали приезжать туда летом и после того, как раскопки уже закончились.

В 1993 г. я откликнулся на предложение ветеранов побывать в «Маслинах» и взял с собой восьмилетнего сына Андрюшу. Нужно было ехать поездом до Евпатории, а потом автобусом добираться до с. Северное. Обратный билет на поезд из Евпатории предварительно брать мне не советовали: его можно было купить в день отъезда без проблем.

---

⁵² Мессия – посланник божий, спаситель, избавитель.

Мы благополучно добрались до «Маслин». Погода была отличная, мы купались в море, ловили бычков и креветок, загорели, в общем, отдых удался.

Когда пристало время возвращаться домой, с переездом из «Маслин» в Евпаторию проблем не возникло: в это утро в Евпаторию на рынок на машине ехали белгородцы, которые поставили свою палатку рядом с нашим палаточным лагерем. Они взяли с собой меня с сыном и супружескую пару Масляковых.

В день отъезда эти супруги не были в веселом расположении духа по существенной причине. Дело в том, что сначала в «Маслины» приехал только супруг. Вскоре он нашел какую-то подругу, которая стала жить в его палатке. Внезапно прибывшая супруга все это обнаружила и естественно, что настроение в день отъезда у них было соответствующее.

В Евпатории белгородцы попросили меня не выходить из машины на вокзале, а поехать с ними на рынок и посидеть в машине, пока они сделают покупки. Был слух, что в Крыму угоняют машины с российскими номерами, а украинская ГАИ без энтузиазма ищет эти угнанные машины. Я согласился на их просьбу.

Возле вокзала супруги М-вы вышли с моим сыном, я дал им деньги на билеты для нас. По моим расчетам денег у меня хватало и на билеты и на то, чтобы пропитаться в Евпатории до посадки вечером в поезд.

На рынке никаких приключений с машиной не произошло, возле вокзала я попрощался с белгородцами и пошел в кассовый зал. Когда я туда пришел, как раз подошла очередь супруги М-вой покупать билеты. Кассирша сказала ей, что до Харькова есть только купейные билеты и тех денег, которые ей она дала, недостаточно.

Быстро посоветовавшись, мы решили брать купейные билеты, и я, надеясь на то, что разница в цене между плацкартными и купейными билетами небольшая, передал

М-вой все остававшиеся у меня деньги. Кассирша «выбила» билеты, а потом уяснила, что мы должны доплатить ей еще 5 гривен. У нас их не оказалось. Тогда кассирша сказала, что билеты она отдаст нам, когда получит 5 гривен, объявила, что у нее перерыв, и закрыла окошко кассы.

Таким образом, мы оказались без денег и без билетов. Настроение у нас сразу ухудшилось. М-вы не предпринимали никаких действий для поиска выхода из ситуации.

Я решил вернуть наши деньги, надеясь, что перед отправлением поезда появятся плацкартные билеты. На кассиршу я решил воздействовать через начальника вокзала. На втором этаже я обнаружил кабинет этого начальника, но он был закрыт, и никакой таблички о режиме работы начальника на двери кабинета не было. Тогда я решил как-то заработать нужные 5 гривен. С сыном я пошел в отделение милиции вокзала и спросил у тамошних ментов, не подскажут ли они, где я могу подработать. Мне посоветовали удалиться, пока меня не забрали.

В подавленном настроении мы вышли из вокзала и сели на скамейку в сквере возле вокзала. Было от чего грустить: в Евпатории нам предстояло быть минимум до вечера, усиливалась жара, а я не мог купить сыну не то что мороженого или фруктов, а даже воды.

Тут к нам на скамейку подсел какой-то то ли бомж, то ли алкаш и завел разговор о смысле жизни. Я довольно раздраженно сказал ему, что мы не можем уехать домой, так что мне сейчас не до философских рассуждений.

Вскоре к нам подошли и супруги М-вы. Я попросил их побыть с нашими вещами, а сам с Андрюшей пошел к кассе предварительной продажи билетов, надеясь увидеть там кого-либо из знакомых харьковчан. Очередь в кассы была, но моих знакомых в ней не оказалось. По радио объявили о прибытии поезда из Харькова. Мы пошли на платформу: вдруг мои знакомые окажутся в числе приехавших на нем. И эта моя надежда не оправдалась.

Когда мы вернулись к скамейке в сквере, я с завистью увидел, что М-ва пьет из бутылки лимонад, а ее супруг с тем алкашом распивает пиво. Я попросил М-вых еще побыть с нашими вещами, а сам решил поискать работу на местном рынке: вдруг нужно разгрузить машину с арбузами или дынями. По пути на рынок мы зашли в несколько частных магазинов, но работы для нас в них не нашлось. Рынок тоже мои надежды не оправдал.

Вернувшись в сквер возле вокзала, я сообщил М-вым о своей неудаче. Но они сказали, что зарабатывать деньги уже не нужно: тот мужик, с которыми я их оставлял, сейчас их принесет. Действительно, через несколько минут он пришел и принес не только 5 гривен, но и бутылку водки «Союз-виктан», хлеб, сало, колбасу, дыню, персики. По жаре пить водку мне не хотелось, но я не посмел отказывать нашему спасителю.

В ходе пиршества выяснилось, что зовут его Юрой. Он майор-летчик в отставке, имеет квартиру недалеко от вокзала, получает хорошую пенсию. На вокзал он ходит по причине излишнего свободного времени: поговорить с людьми, а то и выпить с ними. Когда бутылку водки мы выпили, Юра сбегал еще за одной. Вскоре его разморило, он уснул на наших палатках и спальниках, а мы по очереди отгоняли от него мух.

При посадке в поезд (билеты мы выкупили еще до пира) Юра нас обнимал, дал свой адрес и настоятельно приглашал приезжать в гости. В вагоне набравшийся за этот день страхов Андрюша сказал мне, что в будущем он куда-либо поедет со мной только при условии, что у нас будет много денег.

Удачный год

(из моих «немецких» дорожных приключений)

В период с 1994 по 2002 г. мне довелось каждый год по разным поводам (научная стажировка, участие в археологических раскопках, выступление с докладами в ряде университетов) бывать в Германии. 2002-й год я считаю самым удачным по следующим причинам: во-первых, в этом году я ездил в Германию дважды – в марте с научным докладом, в августе – на раскопки в Кельне; во-вторых, если до этого я добирался в Германию автобусом или поездом, то в этом году (в марте) летел самолетом. Однако в этом же году в дороге со мной случилось и особенно много приключений.

Свой доклад я, как обычно, подготовил и перевел на немецкий язык еще осенью 2001 г. и начал искать немецких коллег, которые заинтересовались бы им и пригласили бы меня к себе с выступлением⁵³. В итоге я получил приглашение из Потсдама и Бохума.

Особенно привлекательным было предложение из Бохума. В то время в университете этого города функционировал

---

⁵³ Профессор немецкого университета имел право в течение учебного года пригласить выступить с научным докладом на его кафедре одного ученого-иностранца. За такое выступление иностранцу из фондов университета полагался гонорар: до введения евро он составлял от 100 до 300 немецких марок, с введением евро – такое же количество евро. Поскольку наш университет такие зарубежные научные командировки не оплачивал, передо мной стояла задача получить приглашения не менее, чем из двух университетов, чтобы гонораром покрыть расходы на транспорт, проживание в гостинице и питание.

такой себе Promotioncolleg – весьма интересное научное учреждение. Его руководство финансировало подготовку молодых историков из стран Восточной Европы (России, Украины, Беларуси, Польши и др.). В течение двух лет прошедшие конкурс несколько месяцев пребывали в Бохуме, получая небольшую стипендию и недорогое жилье, работали в университетской библиотеке, готовили доклады по теме своего исследования, слушали доклады ученых из Германии и приглашенных лекторов. Через моего друга А. Скоробогатова я связался с профессором Бохумского университета Б. Бонвичем, который поспособствовал тому, чтобы меня пригласили выступить с докладом перед слушателями этого учреждения. Причем мне было обещано не только выплатить гонорар за доклад (300 евро), но и возместить расходы на самолет и проживание в гостинице.

К началу марта я оформил визу в посольстве Германии в Киеве и приобрел билет на самолет. Вылетать нужно было из Киева и лететь в Дюссельдорф с пересадкой в Варшаве. До Бохума из Дюссельдорфа предстояло добираться поездом. Я сообщил немцам о дате своего прибытия. Они забронировали мне номер в отеле и сказали, что с вокзала я могу добраться туда на такси.

Уже при подготовке к путешествию у меня возникли финансовые проблемы. В этом году в Германии вошли в употребление евро. В обменных пунктах Харькова их совсем не было. Я позаимствовал у одного из своих коллег 100 долларов и надеялся, что смогу обменять их на евро в Киеве или уже в Германии и этих денег мне хватит на поезд до Бохума и на такси до отеля.

Без проблем я доехал поездом до Киева и добрался в аэропорт. Однако и в городе и в аэропорту поменять доллары на евро мне не удалось, в пункты обмена валют они еще не поступили.

Благополучно мы долетели из Киева до Варшавы. Здесь нужно было ожидать около трех часов вылета

самолета на Дюссельдорф. Я воспользовался этим временем для обмена долларов на евро. В те времена курс евро был существенно ниже курса доллара: за 100 долларов в обменном пункте мне дали 54 евро.

В ожидании самолета я наблюдал, как взлетают и садятся самолеты различных авиакомпаний мира. Погода была вполне летная, ничто не предвещало неприятностей. И вдруг по радио на английском языке объявили, что по техническим причинам рейс, на котором я должен был лететь в Дюссельдорф, отменяется. Пассажирам самолета предлагали места в самолете, который через час будет лететь в Дюссельдорф, и в другой самолет, который через полтора часа будет лететь во Франкфурт-на-Майне.

Сразу началась суматоха, все хотели получить места в первом самолете. Однако поляки, которые, как я уже имел возможность в этом убедиться, очень не любят бывших советских, предоставили места в этом самолете западноевропейцам, а остальным, включая и меня, предложили лететь во Франкфурт-на-Майне и там пересесть на другой самолет, который через 15 мин. будет лететь в Дюссельдорф.

Пришлось согласиться с этим предложением. Но я спросил у молодого поляка из obsługi аэропорта, попадет ли со мной в самолет мой багаж. Он взял у меня мой билет на самолет и куда-то с ним убежал. ...

Уже улетел самолет на Дюссельдорф, объявили посадку на самолет до Франкfurта-на-Майне, а моего поляка все не было. На душе у меня было очень беспокойно. Остаться без билета и фактически без денег во «враждебной» Варшаве мне как-то не светило. Наконец, появился мой поляк и стал кричать, чтобы я бежал на автобус, который отвезет меня к самолету.

Когда мы прилетели во Франкфурт-на-Майне, было уже темно. При выходе из самолета я получил «квиточек», в котором было указано, где мне искать самолет, который

доставит меня в Дюссельдорф. Все пассажиры нашего самолета как-то быстро разбежались, а я не знал, куда мне идти. Без очков я не мог разобрать, что написано в «квиточке», а доставать очки было некогда, поскольку я знал, что на пересадку у меня всего 15 мин.

Я показал проходившему мужику свой «квиточек» и по-немецки попросил его подсказать мне, где находится мой самолет. Но он по-английски ответил, что не понимает немецкого, и убежал. Я пристал с тем же вопросом к проходившей женщине. Она попыталась отделаться от меня тем же образом, но я попросил ее ответить мне на английском. Она посмотрела «квиточек» и сказала, что мне нужно войти в здание аэровокзала.

У дверей аэровокзала меня встретили немецкие полицейские. Я решил спросить у них, куда мне идти. Вместе с «квиточком» я дал им свой паспорт. Увидев, что я иностранец, полицейские сразу набросились на меня с вопросами: откуда я прилетел, с какой целью, надолго ли. Я сказал, что сейчас улетит мой самолет, поэтому пусть они поскорее скажут, куда мне нужно бежать. Один из них посмотрел мой «квиточек» и сказал, что мне нужно идти «прямо и налево» (geradeaus und links).

Выяснилось, что аэровокзал во Франкфурте-на-Майне очень большой, киевский по сравнению с ним – небольшой сарайчик. «Прямо» я пробежал метров 100 и решил, что уже пора бы бежать и «налево».

Увидев женщину в летной форме, я спросил у нее, где мне поворачивать. Она сказала по-немецки, что поворот я уже давно пробежал и мне нужно бежать назад. Я побежал назад, добежал до уже знакомых полицейских и попросил их показать мне, где этот поворот налево. Один из них взял меня за рукав, провел метров 10 и сказал, что поворот здесь.

Я повернул и вместе с другими людьми стал на движущуюся ленту. Двигалась эта лента довольно медленно,

мне показалось, что по радио объявляют о вылете моего самолета. Я соскочил с ленты и помчался во весь дух. Поскольку было начало марта, я был одет в теплую куртку, и меня очень скоро бросило в пот. В итоге бега я уперся в какой-то лифт.

Встал вопрос, куда мне на этом лифте ехать – вниз или вверх. К счастью, подошел какой-то русскоговорящий мужик, который сказал, что мне нужно подняться вверх на два этажа. Я вышел из лифта и увидел очередь, которая стояла к выходу со светящейся вывеской «Dusseldorf».

На самолет я, таким образом, не опоздал, но от бега так вспотел, что был совершенно мокрый, и несколько минут не мог отдышаться.

В Дюссельдорфе снова все пассажиры моего самолета очень быстро куда-то разбежались. Здесь аэровокзал был тоже очень большой. Мне нужно было забрать свою сумку, а где ее искать, я не знал. Был уже поздний вечер, с трудом я нашел какого-то мужика в форме, который подсказал мне, где должен находиться мой багаж. Я пошел в указанном направлении и увидел свою сумку, которая одиноко ездил по кругу. Хорошо, что на нее никто не соблазнился.

Теперь нужно было добираться на железнодорожный вокзал. При выходе из здания аэровокзала я спросил у одного из немцев, как мне попасть на вокзал. Он сказал, что рядом находится остановка автобуса, и назвал номер нужного мне автобуса.

От долгого путешествия я уже сильно устал и не вполне разобрал, какой номер он назвал. Ок. 20 мин. я прождал автобус, который, как я думал, мне нужен. На остановке я был один, местные немцы уже спали, а прилетевшие со мной успели разъехаться. Когда прибыл автобус, который я ожидал, его водитель сказал мне, что на нем я до вокзала не доеду, и назвал другой номер автобуса.

На ожидание этого другого автобуса у меня ушло еще минут 30. Водитель-турок этого автобуса сразу понял, что

я не немец, и, узнав, что я из Украины, принял меня за своего, стал очень приветливым и пообещал, что благополучно довезет меня до вокзала.

Когда, пожелав водителю автобуса счастливого пути, я вошел в здание вокзала, было уже около полуночи. В вокзале было пусто: за стойкой сидел только дежурный по вокзалу и слонялось 3–4 немецких бомжа (которые, как мне показалось, сразу стали ко мне присматриваться). Из расписания я узнал, что ближайший поезд до Бохума будет через 20 мин. Я пошел к дежурному и спросил, как мне приобрести билет. Он направил меня к билетным автоматам и сказал, что я должен набрать соответствующий код и вставить денежную купюру.

Несколько минут у меня ушло на поиски работающего автомата (а бомжи в это время все ко мне присматривались!). Поскольку мелкие деньги я потратил в автобусе, в автомат пришлось вставлять оставшуюся купюру в 50 евро. Однако автомат «выплюнул» ее назад (хорошо, что не «сожрал») и билет мне не выдал.

Я пошел к дежурному спросить, как мне теперь быть. Ехать в поезде без билета я не рискнул, т. к. знал, что немецкие контролеры штрафуют безбилетчиков без разговоров, а иностранцев – с большим удовольствием. Дежурный мне объяснил, что автомат крупные купюры не принимает, и посоветовал купить в буфете бутерброт и получить в результате мелкие купюры.

Я так и сделал. После этого благополучно получил из автомата билет. Но пока я все это делал, поезд, на который я взял билет, уже уехал.

Следующий поезд до Бохума прибывал через 30 мин., но он был более высокого класса и уже купленный мной билет для него не годился. Я снова пошел к дежурному. Он посоветовал доплатить в автомат разницу стоимости билетов. Осуществив это и дождавшись поезда, я наконец-то доехал до Бохума.

Была уже глубокая ночь, меня мучили сомнения: найду ли я в такое время такси, хватит ли оставшихся у меня денег, чтобы доехать на такси до отеля?

Такси на вокзале в Бохуме оказалось в изобилии. Я поздоровался с водителем одного из них и назвал адрес отеля. Он повернул ключ зажигания и на счетчике сразу зажглось «1 евро». Вскоре мы остановились перед светофором, а счетчик продолжал щелкать. Я не знал, как далеко от вокзала находится мой отель, и тревога по поводу оплаты проезда во мне все возрастала. Оказалось, что находится он совсем близко, так что с оплатой никаких проблем не было.

Однако было уже ок. 2 ч. ночи и я не был уверен, что меня в такое время пустят в отель. Эти страхи тоже оказались напрасными. Дежурный администратор приветливо меня встретил, дал мне ключ от моего номера и пожелал спокойной ночи. Войдя в свой номер, я сразу принял душ, чтобы смыть накопившийся за долгий путь пот.

В дальнейшем никаких сложностей с транспортом ни во время поездки из Бохума в Потсдам (между прочим я поехал туда на поезде самого высокого класса, который на отдельных участках пути развивал скорость 250 км/час), ни во время перелета из Дюссельдорфа в Киев (опять-таки с пересадкой в Варшаве) у меня не было.

* * *

После получения приглашения директора Римско-германского музея г. Кельна на участие в археологических раскопках в составе экспедиции музея⁵⁴ мне опять пришлось оформлять визу в Германию.

---

⁵⁴ Это было уже второе приглашение меня на раскопки в Кельне. Первый раз я был приглашен в 1996 г. Тогда директор музея (проф. Г. Гелленкемпер) в официальном приглашении обещал мне платить за работу на раскопе 50 марок в день. Если учесть, что в родном университете я получал месячную зарплату, равную примерно 70 немецким маркам, то условия были вполне хорошими. Но при оформлении визы

Летом, как всегда, желающих получить визу в посольстве Германии в Киеве было очень много. Покупать билет из Киева до Берлина (чтобы там пересест в поезд до Кельна) мне пришлось в день получения визы. Днем выяснилось, что в поезде остались билеты только в вагоны, которые идут лишь до Варшавы. Я был вынужден пытаться ехать хотя бы на автобусе. Поспрашивал билеты в нескольких туристических бюро, но билетов не было не только на большие автобусы, но даже и на микроавтобусы.

Уже вечером я снова поехал на железнодорожный вокзал, но кассирша мне сказала, что билетов до Берлина по-прежнему нет. Поезд отправлялся ок. 7 ч. утра, кассирша посоветовала мне приехать утром пораньше – вдруг кто-то сдаст билет.

Переночевал я у добрейшей В. С. Шиловцевой, а утром с первым поездом метро поехал на вокзал. Билетов до Берлина так и не было. Я решился взять билет до Варшавы, хотя мне очень не хотелось решать проблему проезда до Берлина с неприятливыми поляками.

В одном купе со мной ехала женщина с мальчиком 5–6 лет. Из разговора с ней я выяснил, что ей тоже нужно ехать до Берлина и она договорилась с проводником вагона, который идет до Берлина, что тот возьмет их к себе в вагон после Варшавы за 50 евро. Через какое-то время в нашем вагоне появился этот проводник, я спросил у него, не возьмет ли он и меня к себе после Варшавы. Он согласился за 50 евро.

Где-то за час до приезда в Варшаву проводник берлинского вагона снова пришел к нам в купе и сказал, что женщину с ребенком он не возьмет, а мне предложил взять

в посольстве Германии в Киеве я чуть не получил отказ по причине «слишком низкой оплаты» моих услуг археолога. На этот раз мне предлагалась оплата примерно в 60 евро в день, включая и выходные, и почти бесплатное проживание в гостевой комнате музея.

свои вещи и перебираться в его вагон. Пришлось по жаре тянуть тяжелую сумку через несколько вагонов, включая вагон-ресторан.

Изначально проводник обещал, что он предоставит мне полноценное место с постелью. Теперь же выяснилось, что место освободится уже после пересечения польско-германской границы, а до тех пор мне придется посидеть на каком-то маленьком стульчике в полностью занятом купе. Причем проводник предупредил, что мне придется прятаться от польских и немецких пограничников и таможенников.

Я отдал ему 50 евро и разместился на стульчике. Получалось, что я проникну на территорию Германии нелегально, без отметки в паспорте. Меня это весьма смущало. Тревожил вопрос о том, как же я буду выезжать из Германии.

Сидеть в темном купе и слушать храп уже спавших пассажиров мне не очень-то нравилось. Я решил хотя бы до Варшавы ехать по-человечески и вернуться в свой вагон.

В своем «законном» купе я узнал от той женщины, что в нашем вагоне едут польские проводники, которые за те же 50 евро продают всем желающим билеты на поезд до Берлина, который отправляется через 10 минут после прибытия в Варшаву нашего поезда. И она такой билет у них уже купила. Меня этот вариант, конечно, устраивал. Но ведь я уже отдал проводнику 50 евро и теперь не был уверен в том, что он мне эти деньги вернет.

Однако с возвратом денег проблем не возникло. Я снова «прогулялся» с сумкой через несколько вагонов и купил у поляков билет до Берлина.

В Варшаве я высадился в хорошем настроении. Оказалось, что до Берлина хотела ехать где-то половина пассажиров нашего вагона. Нужный нам поезд подали на ту же платформу, на которую прибыл наш поезд.

Целая толпа пассажиров с вещами и детьми ринулась в ближайший вагон берлинского поезда. Но проводник-поляк этого вагона грозно заявил, что в вагоне свободных мест нет. Толпа опешила, зашумела. Все бросились к проводникам, у которых были куплены билеты. Эти проводники строго обратились к проводнику, который не хотел нас пускать в свой вагон. Быстро выяснилось, что мест нет в этом вагоне, а в других — есть. Все быстро и легко распределились по вагонам. После этого никаких сложностей ни в пути до Кельна, ни на обратном пути из Германии в Украину у меня не было.

Содержание

Пролог	3
Историк – 73	5
Слово о Б. С.	108
Истории с бородой	126
Случаи из жизни	134
Удачный год	154

Литературно-художественное издание

СЕРГЕЕВ
Иван Павлович

НЕНАУЧНОЕ НАСЛЕДИЕ

Технічний редактор: Є. Онишко

Підписано до друку 20.12.19. Формат 84х108/32.
Папір офсетний. Гарнітура Century Schoolbook. Друк офсетний.
Ум. друк. арк. 10,38. Зам. № 20-03.

Видання і друк ТОВ «Майдан»
61002, Харків, вул. Чернишевська, 59
Тел.: (057) 700-37-30
E-mail: maydan.stozhuk@gmail.com

Свідомство про внесення суб'єкта видавничої справи
до Державного реєстру видавців і розповсюджувачів
видавничої продукції ДК № 1002 від 31.07.2002 р.

